

Рафаэль Сабатини

Барделис Великолепный

Ai Miei Genitori

note 1

Глава I. ПАРИ

— Легок на помине, — прошептал Лафос. Повинуясь его словам и значительности его взгляда, я обернулся.

Дверь открылась, и перед нашими глазами предстала коренастая фигура графа де Шательро. Лакей в красной ливрее, расшитой золотом, — цвет моего родового герба, — в подобострастном поклоне принимал его плащ и шляпу.

Наступила внезапная тишина, а ведь мгновение назад этот человек был предметом нашей беседы. Замолчали остряки, которые только что злословили по его поводу и превратили ухаживание в Лангедоке — откуда он только что вернулся с позорным поражением — в предмет жестоких насмешек и язвительных острот. Удивление витало в воздухе, так как мы слышали, что Шательро был сломлен своей неудачей в амурных делах, и не думали, что он так скоро присоединится к собранию, которым правит веселье.

Некоторое время граф стоял на пороге, а мы вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть его, как будто он был предметом для пристального изучения. Тишину нарушил приглушенный смешок безмозглого Лафоса. Я нахмурился. Это было верхом невоспитанности, и мне нужно было любым способом сгладить неловкость.

Я вскочил так резко, что мой стул проскользил по сверкающему паркету добрую половину ярда. В два шага я оказался рядом с графом и протянул ему руку для приветствия. Он пожал ее с неторопливостью, которая свидетельствовала о печали. Он вступил в полосу света и вздохнул со всей тяжестью, на которую было способно его грузное тело.

— Вы не ожидали увидеть меня, господин маркиз, — сказал он, и в интонации его голоса, казалось, сквозило извинение за то, что он пришел, и даже за то, что он вообще существует.

Природа создала лорда Шательро гордым и надменным, как Люцифер note 2, — говорят, его повергнутые в прах вассалы находили некоторое сходство с этим знаменитым персонажем в чертах его смуглого лица. Среда, в которой он вращался, пополнила тот запас высокомерия, которым наградила его природа, а благосклонность короля — здесь он был моим соперником — сделала его тщеславную душу еще более похожей на распущенный павлиний хвост. Поэтому я замер, услышав этот странный униженный голос: по моему мнению, неудачное ухаживание не может быть причиной униженности такого человека.

— Я не думал, что здесь будет так много народу, — сказал он. И следующие его слова объяснили причину его подавленного состояния. — Король, господин де Барделис, отказался принять меня; а когда солнце заходит, мы, низшие существа небосвода, должны обратиться за светом и покоем к луне. — И он низко поклонился мне.

— Хотите сказать, что я — король тьмы? — спросил я и засмеялся. — Вряд ли это удачное сравнение. Луна холодна и уныла, а я горяч и весел. Мне бы хотелось, господин де Шательро, чтобы вы удостоили чстью наше собрание по более радостной причине, нежели недовольство его величества.

— Вас справедливо называют Великолепным, — ответил он с новым поклоном, не чувствуя сарказма в моих медоточивых речах.

Я засмеялся и, покончив с комплиментами, пригласил его к столу.

— Ганимед, место для господина графа. Жиль, Антуан, позаботьтесь о господине де Шательро. Базиль, вино для графа. Быстро!

Через минуту он стал центром заботы и внимания. Мои лакеи роились вокруг него, как пчелы вокруг розы. Не попробует ли господин этого каплуна а la casserole note 3 или эту индейку, фаршированную трюфелями? Не соблазнит ли господина графа кусочек этой сочной ветчины а L'Anglaise note 4, а может, он удостоит нас чести и отведаст эту индейку aux olives note 5? Вот салат, секрету приготовления которого повар господина маркиза научился в Италии, а это vol-au-vent note 6, который изобрел сам Келон.

Базиль настойчиво предлагал ему вина. Его сопровождал паж с подносом, уставленным кувшинами и бокалами. Не желает ли господин граф попробовать белый арманьяк или красное анжуйское? Это бургундское, которое очень нравится господину маркизу, а вот нежное ломбардское вино, которое нередко хвалил его величество. А может, господин граф желает отведать вино последнего урожая Барделиса?

Так они терзали и смущали его, пока он не сделал свой выбор; и даже тогда двое из них остались за его спиной, готовые предупредить малейшее его желание. И действительно, будь он самым королем, мы вряд ли бы смогли оказать ему больший почет и уважение в особняке Барделиса.

Напряженность, которая возникла с его приходом, до сих пор еще витала в воздухе, поскольку Шательро не любили и его присутствие было сродни появлению черепа на египетском пиру.

Среди всех этих друзей по веселью, собравшихся за моим столом, — из которых лишь немногие испытали силу его власти, — вряд ли нашелся хотя бы один, которому хватило бы такта скрыть свое презрение к опальному фавориту. О том, что он в опале, было известно не только из его слов.

Однако в моем доме я готов был приложить все усилия, чтобы он не почувствовал раньше времени того холода, которым завтра его обдаст весь Париж. Я играл роль радушного хозяина со всей любезностью, на которую был способен, а для того, чтобы растопить лед в душах гостей, я приказал не жалеть вина. Мое положение не позволяло вести себя по-другому, иначе могло показаться, что я радуюсь низвержению соперника и чувствую себя счастливым от того, что его опала поможет моему собственному возвышению.

Мои усилия не пропали даром. Постепенно начало сказываться действие вина. Слово здесь, другое там, и благодаря острому уму, которым Небо наградило меня, мне удалось возродить атмосферу веселья, нарушенную его приходом. Вновь воцарилось хорошее настроение, и за столом звучали остроты, шутки и смех. Августовский вечер вынес звуки нашего праздника

через распахнутые окна и понес их по улице Святого Доминика к улице Де Л'Анфер, а может, и донес их до ушей обитателей Люксембургского дворца, рассказывая им, что Барделис и его друзья устроили еще одну из тех пирушек, которые стали притчей во языцех в Париже и которые сыграли немалую роль в том, что меня прозвали Великолепным.

Но позднее, когда зазвучали совсем безумные тосты и все осушали бокалы уже не ради тоста, а ради самого вина, остроты стали более язвительными и менее сдержанными; дерзость, как хищная птица, на какое-то мгновение зависла над нами и вдруг стремительно ринулась вниз, воплощенная в словах этого глупца Лафоса.

— Господа, — прошепелявил он и устремил холодный взгляд на Шательро, — у меня есть тост для вас. — Он осторожно встал, ибо уже дошел до такого состояния, когда осторожность в движениях приобретает первостепенное значение, отвел глаза от графа и посмотрел на свой бокал, который был наполовину пуст. Знаком Лафос приказал лакею наполнить его. — До краев, господа, — скомандовал он. В наступившей тишине он попытался поставить одну ногу на стул, но, испытав трудности в сохранении равновесия, остался стоять обеими ногами на полу — не так впечатляюще, зато безопасно.

— Господа, я хочу провозгласить тост за самую невероятную, самую прекрасную и самую холодную даму Франции. Я хочу выпить за все ее добродетели, о которых молва поведала нам, за ее самую главную и самую досадную для нас прелесть — холодное безразличие к мужчине. Я также хочу выпить за того счастливчика, который сможет стать Эндимионом для этой Дианы.

Нужно быть, — продолжал Лафос, который много занимался мифологией, — нужно быть прекрасным, как Адонис, мужественным, как Марс, нужно петь, как Аполлон, и любить, как сам Эрос, чтобы достичь этой цели. И я боюсь, — он икнул, — что эта цель так и не будет достигнута, так как единственный мужчина во Франции, на которого мы возлагали свои надежды, потерпел поражение. Встаньте, господа! Я предлагаю тост за несравненную Роксалану де Лаведан!

Я бросил взгляд на Шательро, пытаюсь определить, как он отреагировал на эту выходку и на этот тост за даму, чьей руки он должен был добиваться по велению короля, но которую он так и не смог завоевать. Он вместе со всеми встал по призыву Лафоса, либо ничего не подозревая, либо считая подозрение слишком неосновательным, чтобы на него реагировать. Однако при упоминании ее имени тень гнева промелькнула на его крупном лице. Он поставил свой бокал с такой неожиданной силой, что его тонкая ножка сломалась. Вино пролилось на белую скатерть, и красное пятно расползлось вокруг серебряной вазы. Вид этого пятна привел его в чувства и напомнил о манерах, которые он позволил себе на мгновение забыть.

— Барделис, тысяча извинений за мою неловкость, — пробормотал он.

— Пролитое вино, — засмеялся я, — это хороший знак.

У него был такой вид, как будто он пролил не вино, а кровь. Тем не менее неуместная выходка моего бестолкового Лафоса обошлась сравнительно легко. Но закрыть поднятую тему было теперь не так уж просто. Началось открытое обсуждение мадемуазель де Лаведан. Сначала об уходе за ней графа говорили намеками, а потом начали бестактно обсуждать все подробности, в чем, я думаю, виновато вино, которое помутило рассудок этих господ. С возрастающей тревогой я наблюдал за графом. Но он не выказывал больше ни малейшего признака раздражения. Он сидел и слушал, как будто это его несколько не касалось. Были моменты, когда он даже улыбался в ответ на какое-нибудь остроумное замечание. В конце концов он дошел до того, что присоединился к этому состязанию умов и начал защищаться от их нападок, достаточно безобидных, хотя присутствующие не могли полностью скрыть ту неприязнь, которую к нему испытывали, и удовольствие, полученное от

его последнего поражения.

Какое-то время я не принимал участия в этой веселой беседе. Но потом, подзадоренный общим настроением, который поддержал Шательро, и разгоряченный вином, которого вместе со своими гостями выпил слишком много, я произнес слова, в результате которых и появилась эта история.

— Шательро, — засмеялся я, — оставьте эти отговорки, признайтесь, что вы пытаетесь оправдать себя, и согласитесь, что вы действовали с неловкостью, непростительной для человека с вашими способностями.

Его лицо залилось краской — первая вспышка гнева с того момента, как он пролил вино.

— Ваши успехи, Барделис, делают вас тщеславным, а тщеславие рождает высокомерие, — ответил он с презрением.

— Вы только взгляните! — воскликнул я, обращаясь ко всей компании. — Посмотрите, как он пытается увильнуть от ответа! Нет, вы должны признать свою неловкость.

— Неловкость, — сонно пробормотал Лафос, — такая же знаменательная, как и та, с которой Пан добивался руки королевы Лидии.

— Мне нечего признавать, — вскричал Шательро с жаром в голосе. — Вам очень удобно сидеть здесь, в Париже, среди томных, глупых и бездушных придворных красоток, чье расположение можно легко завоевать, потому что для них флирт — это лучшее времяпрепровождение и они с радостью принимают те развлечения, которые вы, насмешливые пажоны, предлагаете им. Но мадемуазель де Лаведан совсем другого сорта. Она — женщина, а не кукла. Она состоит из плоти и крови, а не из пудры и румян. У нее в груди сердце, а не душонка, растленная тщеславием и распущенностью.

Лафос захохотал.

— Внемли! О внемли, — вскричал он, — «апостолу целомудрия»!

— Saint Gris!note 7 — воскликнул один из моих гостей. — Наш Шательро потерял от нее и сердце, и разум.

Шательро взглянул на него горящими от гнева глазами.

— Вы правы, — согласился я. — Он пал ее жертвой, и теперь его оскорбленное самолюбие превращает ее в кладезь достоинств. Существует ли такая женщина, граф? Чушь! В сердце влюбленного или в воображении какого-нибудь сумасшедшего поэта, возможно, но не в нашем безрадостном мире.

Он раздраженно отмахнулся.

— Вы действовали неумело, Шательро, — настаивал я. — Вам не хватило ловкости. На свете не существует такой женщины, которую не смог бы завоевать мужчина, если бы он этого захотел, при условии, что они принадлежат одному кругу и он может сохранить ее положение или поднять на ступень выше. Любовь женщины, сэр, это дерево, корнем которого является тщеславие. Ваше внимание льстит ей и склоняет ее к капитуляции. И, если вы выберете подходящий момент для нанесения удара и сделаете это с должной ловкостью, вы без труда выиграете сражение, и она сдастся. Поверьте мне, Шательро, хоть я и моложе вас на целых пять лет, по опыту я старше вас на целое поколение, и я знаю, что говорю.

Он усмехнулся.

— Если опытом вы называете карьеру обольстителя, которую вы начали в восемнадцать лет с amour note 8, завершившегося скандалом, я согласен, — сказал он. — Но что касается всего остального, Барделис, на все ваши рассказы о побежденных женщинах я могу сказать только одно: вы никогда в жизни не встречали настоящей женщины — я не могу назвать женщинами все эти существа при дворе. Если вы хотите узнать настоящую женщину, поезжайте в Лаведан, господин маркиз. Если вы хотите хоть раз потерпеть поражение, направьте всю армию своих любовных уловок на цитадель Роксаланы де Лаведан. Если вы хотите испытать унижение, отправляйтесь в Лаведан.

— Это вызов! — заорала дюжина голосов. — Это вызов, Барделис!

— Mais voyons note 9, — обратился я к ним с шутливой мольбой, — неужели вы хотите, чтобы я отправился в Лангедок и завоевал это воплощение женских добродетелей только для того, чтобы доказать справедливость моих утверждений? Будьте милосердны, господа.

— Неизменная отговорка хвастуна, — усмехнулся Шательро, — когда ему нечем подтвердить свои слова.

— Месье полагает, я хвастаю? — промолвил я, едва сдерживая себя.

— Это ясно из ваших слов — или же я не понял их смысла. Насколько я понимаю, вы имели в виду, что там, где я потерпел поражение, вы могли бы преуспеть, если бы только захотели. Я бросил вам вызов, Барделис. Я повторяю его. Добивайтесь ее руки доступными для вас средствами; ослепите ее своим богатством и великолепием, поразите ее количеством слуг, лошадей и экипажей; однако позволю себе сказать, что даже год вашего утонченного ухода и самых изощренных уловок не принесет вам никаких плодов. Вы принимаете вызов?

— Но это же полное безумие! — возразил я. — Почему я должен браться за это?

— Чтобы доказать, что я не прав, — подначивал он меня. — Чтобы доказать, что я не умею обращаться с женщинами. Ну же, Барделис, где ваша решительность?

— Я признаюсь, что сделал бы многое, чтобы предоставить вам доказательства. Но брать себе жену! Помилуйте! Это уж слишком!

— Чушь! — сказал он насмешливо. — Вы сдаетесь. Вы просто боитесь потерпеть поражение. Эта дама не про вашу честь. Ее сможет завоевать смелый и благородный дворянин, а не жеманный дамский угодник, не дворцовый фат, не люксембургский щеголь, каким бы обширным не был его опыт обольщения.

— Po'Car de Diou note 10 — раздался рык Казале, гасконского капитана королевской гвардии, который произносил странные южные ругательства. — Встаньте, Барделис! Вперед! Докажите свое благородство и смелость, или вы будете навек опозорены; дамский угодник, дворцовый фат, люксембургский щеголь! Mordemon diou! Я бы набил человеку полный живот свинца всего за одно такое оскорбление!

Я почти не слышал его. До меня едва доносились шумные голоса остальных болтунов, которые повскакивали со своих мест, — те из них, которые могли стоять, — и возбужденно убеждали меня принять вызов. Вот так неожиданно все перевернулось, из нападавшего я превратился в объект нападения. Я сидел и обдумывал то, что произошло, и скажу вам честно, мне это мало нравилось. Я искал повод, чтобы отказаться, и не находил его.

Мои взгляды на противоположный пол полностью соответствовали тому, что я говорил графу. Вполне возможно — а теперь я знаю, что так оно и есть, — все женщины, которых я знал, соответствовали описанию Шательро, и их было легко завоевать. И успех, которым я у них

пользовался, разыгрывая все эти любовные комедии, оказался обманчивым. Однако в тот вечер я так не думал.

Я был доволен, что разозлил Шательро, и испытывал удовольствие от того, что такой женщины, как он описывает, не может быть на свете. Вероятно, я кажусь вам циником и негодяем. Я знаю, что так обо мне думают в Париже. Человек, имеющий в избытке все, что может дать ему богатство, молодость и благосклонность короля; лишенный иллюзий, веры и жизнелюбия, я скорее презирал свое великопение, которому все так завидовали, нежели получал от него радость, поскольку я осознавал его ничтожность.

Так неужели покажется странным, что этот навязанный мне вызов все сильнее и сильнее манил меня своей новизной и обещанием новых впечатлений?

Мое молчание затянулось, и Шательро насмешливо посмотрел на меня.

— Ваш пыл угас, господин де Барделис? Что-то я не слышу того петушка, который только что звонко кукарекал. Послушайте, господин маркиз, вас считают отчаянным игроком. Может быть, пари заставит вас принять мой вызов?

Я вскочил. Его насмешка обожгла меня, как удар хлыста. Возможно, то, что я сделал, было сделано из хвастовства, но мне больше нечем было подкрепить мою похвальбу — или то, что они превратили в похвальбу.

— Вы предлагаете пари, не так ли, Шательро? — воскликнул я, отвечая вызовом на вызов. Все затаили дыхание. — Пусть будет так. Внимание, господа, вы будете свидетелями. Я ставлю мой фамильный замок со всей его утварью и мои земли в Пикардии до последней травинки, которая на них растет, против того, что я завоюю Роксалану де Лаведан и сделаю ее маркизой Барделис. Вас устраивает эта ставка, господин граф? Вы можете поставить все, что у вас есть, — добавил я грубо, — и все равно, я уверен, разница будет в вашу пользу.

Насколько я помню, первым обрел дар речи Миронсак, который даже в столь поздний час попытался охладить наш пыл и призывал нас к благоразумию.

— Господа, господа! — уговаривал он нас. — Во имя всего святого, подумайте, что вы делаете! Барделис, ваш заклад — безумие. Господин де Шательро, вы не можете принять его. Вы...

— Замолчите, — резко оборвал его я. — Что может сказать господин де Шательро?

Он сидел, уставившись на пятно, которое расплзлось на скатерти, когда он пролил вино при первом упоминании мадемуазель де Лаведан. Он склонил голову так низко, что его длинные черные волосы упали ему на лицо и почти закрыли его. Услышав мой вопрос, он резко поднял голову. На его чувственных губах играла тень улыбки, а сам он был страшно бледен от волнения.

— Господин маркиз, — сказал он, вставая. — Я принимаю ваш заклад и ставлю мои земли в Нормандии против ваших в Барделисе. Если вы проиграете, вас больше не будут называть Великолепным; если проиграю я — я стану нищим. Это серьезное пари, Барделис, и оно принесет разорение одному из нас.

— Безумие! — простонал Миронсак.

— Mordieux! — выругался Казале, а Лафос, который все это начал, был очень доволен и закатился идиотским смехом.

— Сколько времени вы мне даете, Шательро? — спросил я, стараясь казаться как можно спокойнее.

— А сколько вам нужно?

— Я бы предпочел, чтобы сроки назвали вы, — ответил я.

Он задумался на мгновение. И...

— Три месяца вам хватит? — спросил он.

— Если через три месяца у меня ничего не получится, я проиграл, — сказал я.

И тогда Шательро сделал единственное, что мог сделать дворянин при сложившихся обстоятельствах. Он встал и, предложив всем наполнить бокалы, произнес прощальный тост.

— Господа, я предлагаю выпить за благополучное путешествие господина маркиза де Барделиса в Лангедок и за успех его предприятия.

В ответ они все заорали, наконец-то освободившись от напряжения, которое столько времени сдерживало их. Мужчины вскочили на стулья и, высоко подняв свои бокалы, шумно приветствовали меня, как будто я был героем какого-то благородного сражения, а не участником достаточно сомнительного пари.

— Барделис! — кричали они, и их крик разносился по всему дому. — Барделис! Барделис Великолепный! Vivenote 11 Барделис!

Глава II ВОЛЯ КОРОЛЯ

Когда мои гости начали расходиться, несколько человек остались играть в ландскнехтnote 12 и засиделись до рассвета. Постепенно они потеряли интерес к моему пари, их полностью поглотили повороты их личной фортуны.

Сам я не играл — не было настроения; мысль об игре, в которую меня вовлекли, угнетала меня.

Я стоял на балконе, когда первые лучи солнца прорезались на востоке, и в грустном, задумчивом настроении устремил свой взор на Люксембургский дворец, который смутно вырисовывался черной громадой на фоне светлеющего неба. В этот момент ко мне подошел Миронсак. Миронсак был нежным и милым юношей, которому еще не исполнилось и двадцати, с лицом и манерами женщины. Я знал, что он был привязан ко мне.

— Господин маркиз, — тихо сказал он, — я потрясен этим пари, в которое они вас втянули.

— Втянули? — повторил я. — Нет, нет, они не втягивали меня. А может, — вздохнул я, — так оно и есть.

— Я подумал, сударь, что если бы король узнал об этом, все можно было бы исправить.

— Король не должен узнать об этом, Арман, — быстро ответил я. — Впрочем, даже если бы он узнал об этом, ничего бы не изменилось, а может быть, стало бы еще хуже.

— Но, сударь, этот поступок, совершенный под действием вина...

— Тем не менее совершен, Арман, — закончил я за него. — И я меньше всего хочу от него отказаться.

— Но неужели вы нисколько не думаете о даме? — воскликнул он.

Я засмеялся.

— Если бы мне было восемнадцать лет, мой мальчик, это могло бы меня волновать. Если бы у меня еще остались хоть какие-то иллюзии, я бы вообразил своей женой женщину, в которую был бы влюблен. В действительности, мне двадцать восемь лет, и я до сих пор не женат. Мне уже нужно жениться. Я должен подумать о наследнике своего богатства. И поэтому я поеду в Лангедок. Если эта дама хотя бы наполовину такая, как ее описал этот идиот Шательро, тем лучше для моих детей; если нет, тем хуже для них. Уже светает, Миронсак, и нам пора спать. Пойдем отправим этих чертовых игроков домой.

Когда последние из них, шатаясь, спустились вниз по лестнице, я приказал сонному лакею загасить свечи и позвал Ганимеда посветить мне в спальне и помочь раздеться. Его настоящее имя было Роденар, но мой друг Лафос, большой любитель мифологии, прозвал его Ганимедом в честь виночерпия богов, и это прозвище так и прилипло к нему. Ему было около сорока лет, он был слугой еще у моего отца, а затем стал моим управляющим, доверенным лицом и генералиссимусом всей моей армии слуг и моих имений в Париже и Барделисе.

Мы вместе бывали в военных походах еще до того, как у меня прорезались зубы мудрости, и с тех пор он полюбил меня. Не было ничего на свете, чего этот бесценный слуга не мог бы сделать. Он мог покормить или подковать лошадей, зажарить каплуна или зашить камзол. Кроме того, он обладал множеством достоинств, которые приобрел, участвуя в военных походах. Позднее от беззаботной жизни в Париже он располнел, его лицо стало одутловатым и приобрело бледный нездоровый вид.

Сегодня, когда он помогал мне раздеться, на нем лежала печать вселенской скорби.

— Монсеньор едет в Лангедок? — грустно поинтересовался он. Он называл меня своим «сеньором», так же как другие слуги, рожденные в Барде-лисе.

— Плут, ты подслушивал, — сказал я.

— Но, монсеньер, — начал оправдываться он, — когда господин граф де Шательро предложил пари...

— А разве я тебе не говорил, Ганимед, что, когда тебе случается находиться среди моих друзей, ты должен слышать только слова, обращенные к тебе, и видеть только бокалы, которые нужно наполнить? Ну ладно! Мы едем в Лангедок. И что из этого?

— Говорят, что там в любой момент может начаться война, — произнес он со вздохом. — Господин герцог де Монморанси ожидает подкрепления из Испании, он намеревается поднять свой флаг и защищать права провинции от посягательств его преосвященства кардинала.

— Вот как! Мы становимся политиками, а, Ганимед? А какое нам до этого дело? Если бы ты слушал более внимательно, ты бы понял, что мы едем в Лангедок искать жену, а не заниматься кардиналами и герцогами. А теперь дай мне поспать, пока солнце еще не встало.

Утром я отправился на levee note 13, и обратился к его величеству с просьбой разрешить мне уехать. Когда король услышал, что я направляюсь в Лангедок, он вопросительно нахмурил брови. Его брат доставлял уже немало беспокойства в этой провинции. Я объяснил, что собираюсь найти жену, и, решив, что все недомолвки могут оказаться опасными, поскольку он может разозлиться, когда позже узнает имя дамы, сказал ему — не упоминая о пари, — что я лелею надежду сделать мадемуазель де Лаведан моей маркизой.

Складка между его бровями стала еще глубже, а взгляд его потемнел от гнева. Он редко одаривал меня такими взглядами, как тот, который я сейчас видел, так как Людовик XIII был очень привязан ко мне.

— Вы знаете эту даму? — резко спросил он.

— Только понаслышке, ваше величество.

Он поднял брови от удивления.

— Только понаслышке? И вы собираетесь жениться на ней? Но, Марсель, друг мой, вы богатый человек, один из самых богатых во Франции. Вы не можете быть охотником за приданым.

— Молва неустанно восхваляет эту даму, ее красоту и целомудрие, и я полагаю, что она будет прекрасной *chatelaine note 14* в моем замке. Я уже достиг подходящего для женитьбы возраста, ваше величество неоднократно говорили мне об этом. И мне кажется, что во всей Франции не найдется более достойной дамы. Помогите мне, Боже, чтобы она дала свое согласие!

Он спросил меня своим усталым голосом, который звучал так трогательно:

— Вы любите меня хоть немного, Марсель?

— Сир, — воскликнул я, спрашивая себя, куда это может нас привести, — неужели я должен уверять вас в этом?

— Нет, — сухо ответил он, — вы можете это доказать. Доказать это, отказавшись от поездки в Лангедок. У меня есть причины — серьезные причины, причины политического характера. У меня другие планы насчет замужества мадемуазель де Лаведан. Это моя воля, и я хочу, чтобы она была выполнена.

На мгновение я поддался искушению. Судьба неожиданно давала мне шанс сбросить с себя обязательство, сама мысль о котором становилась невыносимой. Мне лишь нужно было созвать всех своих друзей, которые были у меня накануне, пригласить графа Шательро и объявить им, что король запретил мне просить руки Роксаланы де Лаведан. И таким образом мое пари будет расторгнуто. Но вдруг в одно мгновение я увидел, как все они смеются надо мной, думая, что я с жадностью ухватился за эту возможность освободиться от обязательства, которое взял на себя из чистого хвастовства. Мое минутное колебание тотчас же испарилось.

— Сир, — ответил я, почтительно наклонив голову, — мне очень жаль, что мои намерения противоречат вашим желаниям, но я взываю к вашей доброте и милосердию и прошу вас простить меня, если мои намерения настолько сильны, что я уже не могу повернуть назад.

Он со злостью схватил меня за руку и внимательно посмотрел на меня.

— Вы отказываетесь повиноваться, Барделис? — гневно спросил он.

— Боже упаси, сир! — быстро ответил я. — Я лишь ищу свое счастье.

Теперь замолчал он, как будто пытался взять себя в руки прежде, чем начать говорить. Я знал, что на нас обращено множество глаз, и многие думают, не собирается ли Барделис разделить ту же участь, которая вчера постигла его соперника Шательро. Наконец король снова подошел ко мне.

— Марсель, — произнес он, и, хотя он назвал меня по имени, голос его был суров, —

поезжайте домой и подумайте над тем, что я сказал. Если вы цените мою благосклонность, если вам нужна моя любовь, вы откажетесь от этой поездки и от этого сватовства. Если же вы все-таки поедете — можете не возвращаться. При дворе Франции нет места подданным, которые преданы только на словах, нам не нужны придворные, которые не повинуются своему королю.

Это были его последние слова. Не дожидаясь ответа, он развернулся на каблуках и через минуту увлеченно беседовал с герцогом Сен-Симоном. Такова любовь королей — показная, капризная и своенравная. Потакайте им во всем и всегда, иначе вы лишитесь их любви.

Я вздрогнул и отвернулся, потому что, несмотря на всю его слабость и мелочность, я любил этого короля, облаченного в пурпурную мантию, и умер бы за него, если бы это потребовалось, и он об этом знал. Но в данном случае была затронута моя честь, и я не мог повернуть назад, иначе я Должен был выплатить свой проигрыш и признать свое поражение.

Глава III РЕНЕ ДЕ ЛЕСПЕРОН

В тот же день я отправился в дорогу. Король был против моей поездки, и, поскольку было известно, что он не брезгует никакими средствами для достижения своих целей, я решил, что, если я задержусь, он может найти способ помешать мне уехать.

Я поехал в карете в сопровождении двух лакеев и дюжины вооруженных всадников под командованием Ганимеда. Мой управляющий ехал в другой карете с моим гардеробом и дорожными принадлежностями. Наш превосходный кортеж выглядел почти королевским, когда мы проехали по улице Де Л'Анфер и выехали из Парижа через Орлеанские ворота на дорогу, ведущую к югу. Наш кортеж был настолько великолепен, что мне пришлось в голову, что его величество может услышать о нем и, зная цель моего путешествия, послать за мной и повернуть меня назад. Чтобы избежать этого, я приказал изменить направление, и мы повернули на запад в Тур. Недалеко от Тура, в Понт-ле-Дюк, жил мой кузен виконт д'Амараль, и через три дня после моего отъезда из Парижа я прибыл в его замок.

Поскольку здесь меньше всего могли искать меня, если вообще собирались это делать, я решил погостить у моего кузена дней пятнадцать. Все время, пока я находился у него в гостях, до нас доходили сведения о беспорядках на юге и о восстании в Лангедоке под предводительством герцога де Монморанси. Когда же я наконец решил покинуть Амаралья, он, зная, что я направляюсь в Лангедок, умолял меня остаться до тех пор, пока там не восстановятся мир и порядок. Но я спокойно относился к беспорядкам и настоял на отъезде.

Решительно, хотя и медленно, мы продолжали наше путешествие и наконец прибыли в Монтобан. На ночь мы остановились в гостинице и утром собирались тронуться в Лаведан. Мой отец был в очень близких отношениях с виконтом де Лаведаном, и я надеялся на радушный прием. Я ожидал, что с его стороны последует предложение отложить мою поездку в Тулузу на несколько дней.

Таковы были мои планы. И они не изменились, несмотря на то, что утром по Монтобану пронеслись страшные слухи. Рассказывали о сражении, которое произошло накануне в Кастельнодари, о разгроме королевских солдат, о полном поражении испанских оборванцев Гонсало-де-Кордовы и о взятии в плен Монморанси, который был сильно ранен (одни говорили, что у него двадцать ран, другие — тридцать) и находился при смерти. Скорбь и досада воцарились в тот день в Лангедоке, так как все знали, что Гастон Орлеанский поднял знамя восстания против кардинала, который хотел лишить их стольких привилегий.

Достаточное доказательство того, что слухи о битве и поражении не были ложными, мы получили через несколько часов, когда во двор гостиницы въехал отряд драгун в доспехах из кожи и стали во главе с молодым щеголеватым офицером, который подтвердив слухи, сказал, что у Монморанси было семнадцать ран, что он находится в Кастельнодари и его герцогиня спешит к нему из Безье. Бедная женщина! Ей суждено было вдохнуть в него силу и вернуть его к жизни только для того, чтобы он смог предстать перед судом в Тулузе и поплатиться головой за свой мятеж.

У Ганимеда, который в последние годы привык к роскошной и спокойной жизни, выработалось отвращение к военным действиям и беспорядкам, и он уговаривал меня подумать о моей безопасности и отсидеться в Монтобане, пока в провинции не воцарится мир.

— Ведь там же самый очаг восстания, — убеждал он меня. — Если эти Хуаны вдруг узнают, что мы из Парижа и принадлежим к партии короля, они просто перережут нам горло, чтоб мне провалиться на этом месте. В этой местности нет ни одного крестьянина — да и вообще ни одного человека, — который бы не был орлеанистом, противником кардинала и слугой дьявола. Подумайте, монсеньер! Ехать сейчас — это равносильно самоубийству.

— Ну что ж, значит, мы будем самоубийцами, — хладнокровно сказал я. — Прикажи седлать лошадей.

При выезде я спросил его, знает ли он дорогу в Лаведан, и этот лживый трус ответил, что знает. Возможно, он знал ее в молодости, но местность настолько изменилась, что сбила его с толку. А может быть, страх настолько парализовал его ум, что он выбрал дорогу, которая казалась ему наиболее безопасной, не задумываясь, куда она ведет. Мы ехали долго, уже начинало темнеть... Вдруг карета остановилась так резко, что чуть не упала. Когда я высунулся из нее, то увидел перед собой моего трясущегося управляющего. Его жирное лицо белело в темноте над батистовым воротничком камзола.

— Почему мы остановились, Ганимед? — спросил я.

— Монсеньер, — запинаясь, проговорил он и задрожал еще больше. Его глаза смотрели на меня с выражением жалобного раскаяния. — Боюсь, что мы заблудились.

— Заблудились? — повторил я. — О чем ты говоришь? Я что, должен спать в карете?

— Увы, монсеньер, я сделал все, что мог.

— Ну тогда упаси нас Бог от того, что ты еще не сделал, — оборвал я его. — Открой мне дверь.

Я вышел из кареты и огляделся вокруг. Клянусь честью, более заброшенного места мой оруженосец не смог бы придумать, как бы он ни старался. Перед моими глазами раскинулся мрачный, пустынный пейзаж, который, как я полагаю, не так уж просто разыскать в этой цветущей провинции. Возможно, все выглядело так мрачно из-за ночного тумана, который уже спустился на землю. Справа от нас виднелся красно-коричневый лоскут неба, а прямо перед нами я различил неясные очертания Пиренеев. При виде этого я повернулся и схватил моего оруженосца за плечи.

— Мой прекрасный, надежный слуга! — закричал я. — Хвастун! Если бы ты сказал нам, что от возраста и от хорошей жизни твои мозги настолько заржавели, что ты потерял память, я мог бы взять проводника в Монтобане, и он показал бы нам дорогу. И вот теперь ты заблудился!

— Монсеньер, — жалобно захныкал он, — я ориентировался по солнцу и горам, и дорога привела меня в этот *impasse note 15*. Вы можете сами посмотреть, дорога здесь резко обрывается.

— Ганимед, — медленно проговорил я, — когда мы вернемся в Париж, если ты, конечно, не умрешь от страха, я найду тебе место на кухне. Видит Бог, из тебя скорее выйдет посудомойка, чем проводник! — Затем я скомандовал: — Эй, шестеро, пошли за мной. — И быстрым шагом направился к сараю.

Когда старая, полуразрушенная дверь открылась, скрипя своими ржавыми петлями, изнутри донесся стон и тихий шорох соломы. Я удивленно остановился и подождал, пока один из моих людей не зажжет фонарь.

При свете фонаря мы увидели жалкое зрелище в углу этого сооружения. На соломе распластался мужчина, довольно молодой, высокий, могучего телосложения. Он был полностью одет, однако его доспехи свободно болтались на нем, как будто он пытался раздеться, но ему не хватило сил выполнить эту задачу. Рядом с ним лежали шлем, украшенный перьями, и шпага на расшитой перевязи. Вся солома вокруг него была покрыта бурыми липкими пятнами крови. Камзол, который когда-то был небесно-голубого цвета, весь пропитался кровью. Осмотрев его, мы увидели, что он был ранен в правый бок между ремнями нагрудника кирасы.

Мы стояли вокруг него молчаливой печальной группой и, наверное, казались ему призраками при тусклом свете нашего единственного фонаря. Он попытался поднять голову, но со стоном уронил ее на солому. Его белое, как смерть, лицо было искажено от боли. Громадные голубые глаза были устремлены на нас, взгляд напоминал взгляд смертельно раненного зверя.

Не нужно было особой проницательности, чтобы догадаться, что перед нами был один из разбитых вчера воинов, который из последних сил приполз сюда, чтобы спокойно умереть. Опасаясь, как бы к его агонии не прибавилось чувство страха, я опустился на окровавленную солому рядом с ним и положил его голову себе на руку.

— Не бойтесь, — одобряюще сказал я. — Мы друзья. Вы понимаете меня?

Слабая улыбка, осветившая его лицо, сказала мне, что он меня понял, а затем я услышал едва различимые слова:

— Mercinote 16, сударь. — Он поудобнее устроился на сгибе моей руки. — Воды! Ради всего святого! — простонал он. — Je me meurs, monsieur note 17.

Ганимед и еще двое моих слуг тотчас пришли ему на помощь. Осторожно, стараясь не причинить ему лишней боли, они сняли с раненого доспехи и бросили их в угол сарая. Затем, пока один из них снимал с него сапоги, Роденар разрезал его камзол и открыл кровоточащую рану, которая явно была нанесена шпагой. Он шепотом отдал приказание Жилю, который быстро удалился к карете; затем он сел на корточки и нащупал пульс раненого.

Я склонился к моему управляющему.

— Как он? — спросил я.

— Умирает, — прошептал тот в ответ. — Он потерял много крови. Вероятно, у него открылось внутреннее кровотечение. Вряд ли он выживет, хотя может продержаться еще какое-то время. Мы постараемся, по крайней мере, облегчить его последние страдания.

Когда слуга вернулся и принес то, что просил Ганимед, он смешал какую-то едкую жидкость с водой и промыл рану мятежника. Это и сердечные капли, которые он дал раненому, похоже, облегчили страдания последнего и вернули его к жизни. Его дыхание стало более ровным, а взгляд — более осмысленным.

— Я умираю, не так ли? — спросил он, и Ганимед молча кивнул. Несчастный юноша вздохнул. — Поднимите меня, — попросил он, и, когда ему помогли подняться, его глаза отыскивали меня. — Сударь, — сказал он, — окажите мне последнюю услугу.

— Конечно, мой бедный друг, — ответил я и опустился рядом с ним на колени.

— Вы... вы не были за герцога? — спросил он, внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Нет, сударь. Но пусть вас это не волнует. Я не принимал участия в этом восстании и не принадлежу ни к одной из сторон. Я из Парижа, еду... еду на отдых. Меня зовут Барделис, Марсель де Барделис.

— Барделис Великолепный? — спросил он, и я не смог сдержать улыбку.

— Да, я этот излишне восхваляемый человек.

— Но ведь вы же на стороне короля! — в его голосе слышались нотки разочарования. Но не дожидаясь моего ответа, он продолжал: — Все равно. Марсель де Барделис — дворянин, а к какой партии он принадлежит, не имеет большого значения, когда умирает человек. Я — Рене де Лесперон из Лесперона в Гаскони. Вы известите мою сестру... после?

Не говоря ни слова, я кивнул.

— У меня нет никого, кроме нее. Но, — в его голосе зазвучала тоска, — я бы хотел, чтобы вы известили еще одного человека. — Со страшным усилием он поднял руку к своей груди. Ему не хватило сил, и рука упала обратно. — Я не могу, сударь, — произнес он извиняющимся голосом. — Посмотрите, у меня на шее есть цепочка с медальоном. Возьмите ее, сударь. У меня еще есть кое-какие бумаги. Возьмите их все. Я хочу знать, что они находятся в надежных руках.

Я выполнил его просьбу и вытащил из нагрудного кармана его камзола несколько писем и медальон с изображением женского лица.

— Я хочу, чтобы вы передали ей все это.

— Я сделаю это, — ответил я, глубоко тронутый.

— Поднимите его... выше, — попросил он слабым голосом. — Я хочу видеть ее лицо.

Он долго смотрел на портрет, который я держал перед его глазами. Наконец он заговорил как во сне...

— Возлюбленная моя, — он вздохнул. — *Bien aimee note 18*. — И по его грязным впалым щекам медленно поползли слезы. — Простите мне эту слабость, сударь, — судорожно прошептал он. — Через месяц мы должны были пожениться, если бы я остался жив.

Он зарыдал, а когда снова заговорил, слова давались ему с трудом, как будто эти рыдания лишили его последних сил.

— Ее имя! — вскричал я, опасаясь, что он потеряет сознание раньше чем я его узнаю. — Назовите ее имя.

Он взглянул на меня. Его глаза становились стеклянными и пустыми. Затем он собрался с силами и на секунду пришел в себя.

— Скажите ей, сударь, что мои... последние мысли... были о ней. Скажите... скажите ей... что я...

— Ее имя? — задумчиво проговорил он отсутствующим голосом. — Ее зовут мадемуазель де...

Внезапно его голова упала на грудь, и он обмяк на руках у Роденара.

— Он мертв? — спросил я.

Роденар молча кивнул.

Глава IV ДЕВУШКА В ЛУННОМ СВЕТЕ

Я не знаю, то ли на меня подействовал вид этого несчастного, лежавшего в углу сарая под плащом, которым его накрыл Роденар, то ли это был зов судьбы, но через полчаса я поднялся и объявил о своем решении сесть на лошадь и поискать более подходящее пристанище.

— Завтра, — я отдавал распоряжения Ганимеду, уже сидя в седле, — ты вместе с остальными вернешься назад, найдешь дорогу в Лаведан и приедешь за мной в замок.

— Но вы не сможете добраться туда сегодня, монсеньер, по этой незнакомой местности, — возразил он.

— Я не собираюсь добираться туда сегодня. Я буду ехать на юг, пока не доеду до какой-нибудь деревушки, где меня сможет приютить, а утром укажут дорогу.

С этим я оставил его и отправился в путь. Я ехал рысью, и встречный ветер приятно освежал меня. Ночь уже спустилась на землю, но небо было чистым, и луна своим бледным светом рассеивала мглу.

Я переехал поле и доскакал до перекрестка, где повернул налево и во весь опор помчался в сторону Пиренеев. Доказательство мудрости своего выбора я получил минут через двадцать, когда въехал в деревушку Мирепуа и остановился перед небольшой таверной, на дверях которой красовалось изображение индюшки — как насмешка над ее убожеством. Там не было ни конюха, ни помощника, и грязный мальчишка-переросток, которому я вручил свою лошадь, не мог сказать мне с точностью, сможет ли Пьер Абдон, хозяин, найти для меня комнату. Однако я хотел пить, поэтому решил зайти, чтобы выпить хотя бы кружку вина и узнать, где я нахожусь.

Когда я входил в таверну, на улице раздался топот копыт, и четверо драгунов с сержантом во главе въехали во двор и остановились у дверей. Было видно, что они проделали большой путь и ехали очень быстро, так как их лошади были измучены до предела.

Войдя внутрь, я окликнул хозяина и, получив большой кувшин лучшего вина — Боже, помоги тем, кому довелось отведать его худшего вина! — начал наводить справки о своем местонахождении и о дороге в Лаведан, я узнал, что он находится в трех-четыре милих отсюда. Около другого стола -а их было всего два в комнате — стояли и шепотом совещались драгуны. Мне бы следовало прислушаться к ним, поскольку их совещание касалось меня больше, чем я мог себе представить.

— Он соответствует описанию, — сказал сержант, и, хотя я слышал эти слова, мне даже в голову не пришло, что они говорили обо мне.

— Pardieu! — воскликнул один из его спутников. — Я готов поспорить, что это он и есть.

Я заметил, что хозяин Абдон, который тоже слышал этот разговор, разглядывает меня с любопытством. В этот момент сержант шагнул в мою сторону.

— Как ваше имя, сударь? — спросил он.

Я смерил его удивленным взглядом и ответил ему вопросом на вопрос:

— А какое может быть вам до этого дело?

— Простите, мой господин, но мы находимся здесь по заданию короля.

И тогда я вспомнил его слова о том, что я соответствую какому-то описанию. Меня пронзила мысль, что их послал его величество, чтобы заставить меня подчиниться его воле и помешать мне добраться в Лаведан. У меня сразу же возникло желание скрыть мое имя и беспрепятственно добраться до цели. Первое, что пришло в голову, было имя того бедняги, которого я полчаса назад оставил в сарае, и...

— Господин де Лесперон, — сказал я, — к вашим услугам.

Я понял свою ошибку слишком поздно. Я признаю, что это была такая грубая ошибка, которую не мог себе позволить человек с более или менее здравым умом. Зная о беспорядках в этих краях, я должен был сообразить, что их задание связано именно с этим.

— По крайней мере, он смел, — захохотал один из солдат.

Затем раздался голос сержанта, холодный и официальный:

— Именем короля вы арестованы, господин де Лесперон.

Он выхватил шпагу, и ее кончик оказался в сантиметре от моей груди. Но я заметил, что его рука была полностью вытянута, и, следовательно, он не может сделать резкий выпад. Кроме того, ему мешал стол, который стоял между нами.

Мысли лихорадочно закружились в моей голове, и я понял — единственное, что мне нужно делать, это попытаться бежать. Я резко отскочил назад и оказался в руках его солдат. Но я успел схватить за ножку стул, на котором сидел, поднял его над головой и выскользнул из их крепких объятий. Я с такой силой опустил стул на голову одного из них, что он упал на колени. Стул снова взметнулся вверх и как молния обрушился на голову Другого. Сзади ко мне приближался сержант, но еще один взмах моей импровизированной алебарды отправил по углам двух оставшихся солдат искать свои шпаги. Прежде чем они очухались, я как заяц проскочил между ними и выскочил на улицу. Сержант, осыпая их жуткими проклятиями, следовал за мной по пятам.

Я отбежал как можно дальше и повернулся, чтобы встретить его нападение. Используя стул вместо щита, я отразил его удар. Он был настолько сильным, что шпага вонзилась в стул и сломалась, сержант остался с одной рукояткой в руках. Я не терял времени на раздумья. В стремительной атаке я свалил его с ног как раз в тот момент, когда два драгуна, не участвующих в потасовке, спотыкаясь, вышли из таверны.

Я добежал до моей лошади и вскочил в седло. Вырвав вожжи из рук мальчишки и пришпорив лошадь, я галопом помчался по улице. У меня не было времени надеть стремяна, и теперь они развевались по ветру, а я прижимался коленями к бокам лошади.

Сзади прогремел выстрел, потом еще один, и меня пронзила резкая, жгучая боль в плече. Я понял, что меня ранили, но не обратил на это внимания. Рана не могла быть серьезной, иначе я уже выпал бы из седла. У меня будет время заняться ею, когда я оторвусь от своих преследователей.

Я сказал «преследователей», потому что позади меня уже раздавался топот копыт, и я понял, что эти господа оседлали лошадей. Но если вы помните, когда они только прибыли, я обратил внимание на изможденное состояние их лошадей, а моя лошадь еще не успела устать, и потому погоня не внушала мне особых опасений. Однако они продержались гораздо дольше, чем я думал. Мне пришлось проскакать около получаса, прежде чем я от них отделался, и все равно, насколько я знаю, они продолжали погоню в надежде поймать меня.

Вскоре я добрался до Гаронны, остановил лошадь у тихой реки, вьющейся, как поток сверкающего серебра, между черными берегами. Какое-то время я сидел там, прислушиваясь к этому журчанию, и разглядывал замок с башенками, который возвышался над водой серой величавой громадой. Я размышлял, кто может быть его владельцем, и понял, что это, возможно, и есть Лаведан.

Я раздумывал, что же мне лучше сделать, и в конце концов принял решение переплыть через реку и постучаться в ворота. Если это действительно Лаведан, мне нужно лишь назваться, и человеку с таким именем будет оказан самый радушный прием. Даже если это не Лаведан, имени Марсея де Барделиса будет достаточно, чтобы обеспечить мне гостеприимное пристанище.

Хлыстом и уговорами я затащил своего боевого коня в реку. Есть такая пословица: вы можете подвести коня к воде, но не можете заставить его пить. Это был как раз тот самый случай: хотя я и смог затащить коня в воду, я не мог заставить его плыть; по крайней мере, я не мог заставить его противостоять потоку. Тщетно пытался я удержать его; он отчаянно ринулся в воду, хрипел, кашлял и храбро боролся с волнами, но течение относило нас в сторону, и все его старания ни на йоту не приближали нас к противоположному берегу. В конце концов я выбрался из седла и поплыл рядом с ним, держа его под уздцы. Но даже тогда он не смог справиться с течением, поэтому я отпустил его и поплыл один в надежде, что он приплывет к берегу ниже по течению и я перехвачу его там. Однако, добравшись до берега, я увидел, что это трусливое животное повернуло назад и теперь, выбравшись из реки, во весь опор мчалось по той дороге, по которой мы приехали. У меня не было ни малейшего желания догонять его, и, смирившись с потерей, я направился к замку.

Его огромное прямоугольное здание возвышалось на фоне черного, усыпанного звездами неба примерно в двухстах ярдах от реки. Прямо к реке спускалось полдюжины открытых галерей с перилами из белого мрамора и прямоугольными, с плоской поверхностью колоннами в флорентийском стиле. При свете луны можно было разглядеть замысловатую архитектуру этого величественного здания. Окна его были погружены во мрак, ни один звук не нарушал тишину ночи. Само это место напоминало гигантский склеп.

Мне было немного не по себе от этой всепоглощающей тишины. Я обогнул галереи и подошел к дому с восточной стороны. Там я обнаружил древний подъемный мост, — которым теперь конечно же никто не пользовался, — соединяющий берега канала, отведенного от основного русла реки и в былые времена служившего в качестве крепостного рва. Я перешел мост и оказался во внутреннем дворе замка. Здесь также господствовали тишина и мрак. Я остановился, не зная, что делать дальше, и прислонился к решетке. Теперь у меня было время подумать.

Я был слаб от голода, изможден быстрой ездой, и моя рана кровоточила. Кроме всего, моя одежда промокла, и я дрожал от холода. Нетрудно догадаться, что я мало походил на того Барделиса, которого называли Великолепным. И если я все-таки постучусь, то как же я смогу убедить этих людей — кто бы они ни были, — что я тот, за кого себя выдаю? Совершенно очевидно, что я больше походил на какого-то бедного повстанца, которого необходимо заточить в темницу, а затем передать моим «друзьям» драгунам, когда они появятся здесь. Мои слуги были далеко от меня, и при нынешнем положении вещей — если только это не Лаведан — пройдут дни прежде, чем они найдут меня.

Я уже начинал сожалеть о той глупости, которую совершил, оторвавшись от своих спутников и ввязавшись в драку с солдатами. Я решил найти какой-нибудь флигель во дворе замка, в котором я мог бы отлежаться до утра, как вдруг из одного окна на первом этаже вырвался луч света и осветил двор. Инстинктивно я отпрянул в тень и посмотрел вверх.

Внезапный луч света появился, потому что на окне раздвинули шторы. У распахнутого окна, выходящего на балкон, я увидел — а для меня это было то же самое, что явление Беатриче перед глазами Данте ^{note 19} — белую фигуру женщины. Вся окутанная лунным светом, она облокотилась на подоконник и смотрела в небесную даль. Передо мной было прелестное, нежное лицо, лишенное, пожалуй, той гармонии и пропорциональности черт, которые обычно служат критерием красоты, но светившееся какой-то Дивной красотой; девушка была красива скорее выразительностью своих черт, нежели их формой; в ее нежном лице, как в зеркале, отражались все прелести девичества — свежесть, чистота и невинность.

Я затаил дыхание и в восхищении созерцал это бледное видение. Если замок был Лаведан, а девушка — та самая холодная Роксалана, которая отправила моего храброго Шательро назад в Париж с пустыми руками, то моя задача оказалась очень даже приятной.

Насколько мало значения я придавал своей поездке для завоевания женщины по имени Роксалана де Лаведан, вы уже знаете. Но здесь, в этом самом Лангедоке, я увидел женщину, которую смог бы полюбить, потому что за десять лет — нет, за всю свою жизнь — я не встречал такого прелестного лица, которое перевернуло всю мою сущность и тянуло меня к себе с невероятной силой.

Я смотрел на это дитя и думал о женщинах, которых я знал, — высокомерных, раскрашенных куклах, которых называют первыми красавицами Франции. И тут меня осенило, что это никакая не *demoiselle* ^{note 20} из Лаведана, и вообще никакая не *demoiselle*, потому что вы никогда не найдете таких лиц среди французской *noblesse* ^{note 21}. Вы не найдете чистоты и невинности в породистых лицах наших аристократических семей; дети их слуг иногда обладают такими качествами. Да, я теперь понял. Это дитя было дочерью какого-нибудь сторожа в замке.

Она стояла, купаясь в лунном свете, и вдруг из уст ее полилась тихая мелодия. Это была старенькая провансальская песенка, которую я знал и любил. Нежный мелодичный голосок девушки был полон очарования. Я стоял и слушал его, как замороженный. Напевая, она повернулась и пошла внутрь комнаты, оставив окна широко раскрытыми, и ее голос слабо, как будто издали, доносился до меня.

И в эту минуту мне пришло в голову отдаться на милость этого чудесного создания. Не может же такая прелестная и невинная на вид девушка не проявить сострадания к несчастному? Вероятно, моя рана и все, что я перенес этой ночью, притупили мой разум и помutilи мой рассудок.

Собрав последние силы, я начал карабкаться на ее балкон. Это было несложно даже для человека в моем состоянии. Стена была увита плюшем, а окно внизу было хорошей опорой, и, встав на широкий карниз, я смог пальцами дотянуться до края балкона. Я взобрался и перекинул руку через перила. Я уже сидел верхом на перилах, когда она обнаружила мое присутствие.

Песня замерла на ее губах, а глаза, синие, как незабудки, широко раскрылись от страха, вызванного моим появлением. Еще мгновение, и она бы закричала и всполошила бы весь дом. Но я взмолился:

— Мадемуазель, ради Бога, не кричите! Я не причиню вам зла. Я — беглец. За мной гонятся.

Это была не подготовленная речь; слова вырвались произвольно. Я произнес их по

найтию, чувствуя, что именно так я смогу завоевать сочувствие этой дамы. И в общем-то, они были правдой.

Она стояла передо мной с широко раскрытыми глазами, и я заметил, что она не столь высока, как мне показалось снизу. На самом деле она была скорее невысокого роста, но была так сложена, что казалась высокой. В руке она держала тоненькую свечу, при свете которой она рассматривала себя в зеркале в момент моего появления. Ее темные распущенные волосы лежали на плечах, как мантия, и тут я заметил, что она в пеньюаре, и понял, что эта комната была ее спальней.

— Кто вы? — выдохнула она, как будто мое имя имело какое-то значение в такой ситуации.

Я чуть было не ответил ей так же, как и тем солдатам, что меня зовут Лесперон. Но, подумав, что здесь нет необходимости в этих уловках, я решил назвать ей свое настоящее имя. Заметив мое замешательство и неверно истолковав его, она опередила меня.

— Я понимаю, сударь, — сказала она уже более спокойно. — Вам нечего бояться. Вы среди друзей.

Она посмотрела на мою промокшую одежду, бледное лицо и кровь, струившуюся по моему камзолу. Из всего этого она заключила, что я был беглым повстанцем. Она втянула меня в комнату, закрыла окно, задернула тяжелые шторы, тем самым выказывая мне свое доверие, что сразило меня наповал — ведь таким образом получалось, что я обманул ее.

— Прошу прощения, мадемуазель, за то, что явился к вам столь грубым образом и напугал вас, — сказал я. Я никогда в жизни не чувствовал себя так неловко. — Но я очень устал. Я ранен, я долго ехал, и я переплыл реку.

Последние сведения были совершенно излишними, поскольку вода, стекавшая с моей одежды, уже образовала лужу у моих ног.

— Я увидел вас в окне, мадемуазель, и подумал, что такая милая дама конечно же проявит сострадание к несчастному.

Она заметила мой взгляд и инстинктивно поднесла руку к горлу, чтобы скрыть прелести своей шеи от моих слишком откровенных глаз, как будто ее дневной наряд был более закрытым.

Этот жест, однако, пробудил во мне чувство действительности. Что я здесь делаю? Это богохульство, осквернение; видите, каким хорошим вдруг стал Барделис.

— Сударь, — проговорила она, — вы утомлены.

— Но если бы я не ехал так быстро, — засмеялся я, — они, вероятно, отвезли бы меня в Тулузу, где бы я лишился головы прежде, чем мои друзья отыскали и освободили меня. Я надеюсь, вы видите, что это слишком симпатичная голова, чтобы так легко с ней расстаться.

— Для этого, — сказала она полусерьезно, полушутя, — даже самая уродливая голова будет слишком симпатичной.

Я тихо засмеялся; вдруг у меня закружилась голова, и мне пришлось опереться о стену. Я тяжело дышал. Увидев это, она вскрикнула.

— Сударь, умоляю вас, сядьте. Я позову моего отца, и мы вместе уложим вас в постель. Вам нельзя оставаться в этой одежде.

— Ангел доброты! — благодарно пробормотал я. Мои мозги были затуманены, и я перенес свои дворцовые уловки в эту спальню, взяв ее руку и поднеся к губам. Но прежде чем я

запечатлел этот поцелуй на ее пальчиках, — а благодаря какому-то чуду она не отдернула их, — наши глаза снова встретились. Я замер, как человек, совершивший святотатство. Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня, я смутился и выпустил ее руку.

Невинность, которую излучали глаза этого ребенка, испугала меня, и мне стало страшно от мысли, что меня могут увидеть здесь. Я подумал, что было бы последней низостью связать ее имя с моим. Эти мысли придали мне силы. Я, как одежду, сбросил с себя усталость и, выпрямившись, решительно шагнул к окну. Не говоря ни слова, я уже было раздвинул шторы, как вдруг ее рука легла на мой мокрый рукав.

— Что вы делаете, сударь? — с тревогой воскликнула она. — Вас могут увидеть.

Я был одержим мыслью, которая должна была бы прийти мне в голову прежде, чем карабкаться на ее балкон, и моим единственным желанием было выбраться отсюда как можно скорее.

— Я не имел права входить сюда, — пробормотал я. — Я... — я не стал договаривать, мое объяснение могло запятнать ее. — Спокойной ночи! Adieu! — резко закончил я.

— Но, сударь... — возразила она.

— Пустите меня, — сказал я почти грубо и высвободил свою руку.

— Подумайте, ведь вы устали. Если вы уйдете сейчас, сударь, вас непременно схватят. Вам не следует идти.

Я тихо засмеялся, правда, с некоторой горечью, так как был зол на себя.

— Тише, дитя мое, — сказал я. — Если этому суждено случиться, пусть так и будет.

С этими словами я раздвинул шторы и распахнул окно. Она осталась стоять посреди комнаты, наблюдая за мной, лицо бледное, в глазах — боль и изумление.

Я бросил на нее прощальный взгляд, перелезая через балкон. Затем я спустился тем же путем, что и поднимался. Я повис на руках, пытаюсь отыскать ногой карниз, как вдруг в голове у меня зашумело. В моих глазах промелькнула белая фигурка, склонившаяся ко мне с балкона; потом глаза мои заволокло туманом; я почувствовал, что падаю; на меня как будто налетел буйный ветер; а потом — ничего.

Глава V ВИКОНТ ДЕ ЛАВЕДАН

Проснувшись, я обнаружил, что лежу в постели в изысканных апартаментах, просторных и залитых солнечным светом, но совершенно мне незнакомых. Какое-то время мне было приятно лежать и ни о чем не думать. Мои глаза лениво блуждали по этой со вкусом обставленной спальне и наконец остановились на фигуре худого сгорбленного мужчины, который стоял ко мне спиной и перебирал какие-то склянки на столике недалеко от меня. Тут я окончательно проснулся и начал соображать, где я нахожусь. Я посмотрел в открытое окно, но из постели я мог увидеть только голубое небо и очертания гор в дымке тумана.

Я напряг память и вспомнил все события прошлой ночи. Я вспомнил девушку, балкон и мой побег, завершившийся головокружением и падением. Меня принесли в тот самый замок или... Или что? Никаких других предположений не приходило мне на ум, и, поскольку рядом находился человек, у которого я мог все узнать, я решил не ломать себе больше голову.

— Послушайте, сударь! — окликнул я его и попытался пошевелиться. Я вскрикнул от боли. Мое левое плечо онемело и распухло, а мою правую ногу пронзила острая боль.

Услышав мой крик, этот маленький сморщенный старик резко повернулся ко мне. У него было хищное лицо, желтое, как louis d'ornote 23, с большим крючковатым носом и черными глазами-бусинками, которые серьезно смотрели на меня. Если бы не рот, его лицо выглядело бы зловещим; было видно, что этот рот часто смеется, и, следовательно, у его обладателя хорошее чувство юмора. Но тогда у меня не было возможности как следует рассмотреть его, потому что я услышал еще какое-то движение у моей кровати и посмотрел в ту сторону. Ко мне приближался хорошо одетый дворянин внушительного роста.

— Вы проснулись, сударь? — произнес он.

— Будьте так любезны, сударь, скажите мне, где я нахожусь? — спросил я.

— Вы не знаете? Вы — в Лаведане. Я — виконт де Лаведан, к вашим услугам.

Хотя я ничего другого не ожидал, но почему-то удивился и задал совершенно глупый вопрос:

— В Лаведане? Но как я попал сюда?

— Как вы сюда попали, мне неизвестно, — он засмеялся. — Но готов поклясться, королевские драгуны дышали вам в спину. Мы нашли вас прошлой ночью во дворе без сознания, с раной в плече и с растяжением ноги. Это моя дочь подняла тревогу и призвала нас всех на помощь. Вы лежали под ее окном. — Затем, увидев изумление в моих глазах и приняв это за тревогу, он воскликнул: — Нет, не бойтесь, сударь. Вы поступили очень разумно, приехав к нам. Вы попали к друзьям. Мы здесь, в Лаведане, тоже орлеанисты, хотя я и не участвовал в сражении при Кастельнодари. Это не моя вина. Курьер его светлости прибыл ко мне слишком поздно, и, хотя я выехал вместе с моими людьми, мне пришлось повернуть назад, когда я доехал до Лотрека и услышал, что решающее сражение уже произошло и наши потерпели сокрушительное поражение. — Он тяжело вздохнул. — Да поможет нам Бог, сударь! Похоже, на этот раз монсеньер де Ришелье добьется своего. Но пока вы здесь, вы в безопасности. Пока Лаведан вне подозрений. Как я уже говорил, я опоздал на сражение и поэтому вернулся спокойно домой спасать свою шкуру, чтобы послужить еще нашему делу, если представится такая возможность. Укрывая вас, я служу Гастону Орлеанскому, и для того, чтобы я мог продолжать это делать, я молю Бога, чтобы подозрение продолжало обходить меня стороной. Если в Тулузе узнают об этом — или о том, как я деньгами и другими средствами помогал этому восстанию, — я нисколько не сомневаюсь, что платой за все будет моя голова.

Я был поражен, с какой свободой этот очень добродушный дворянин обратился с изменнической речью к совершенно незнакомому человеку.

— Но скажите мне, господин де Лесперон, — продолжал мой радушный хозяин, — что же с вами произошло?

Я вздрогнул от удивления.

— Как... откуда вы знаете, что я — Лесперон? — спросил я.

— Ma foi note 24! — рассмеялся он. — Неужели вы думаете, что я мог говорить столь откровенно с человеком, о котором ничего не знаю? Не думайте обо мне так плохо, сударь, умоляю вас. Я нашел эти письма у вас в кармане прошлой ночью и по подписи узнал, кто вы. Ваше имя мне хорошо известно, — добавил он. — Мой друг господин де Марсак часто говорил о вас и вашей преданности делу, и мне доставляет немалое удовольствие оказать услугу человеку, которого я высоко ценил уже заочно.

Я откинулся на подушки и застонал. В хороший же переплет я попал! Приняв меня за этого несчастного мятежника, которому я помог в Мирепуа и чьи письма я взялся доставить к женщине, имя которой он так и не успел назвать перед смертью, виконт де Лаведан вылил на меня эту изобличающую историю своей измены.

Что, если открыть ему глаза? Что, если сказать, что я не Лесперон и вообще никакой не повстанец, а Марсель де Барделис, фаворит короля? Вряд ли он сочтет меня вражеским лазутчиком; но совершенно очевидно, что моя жизнь будет для него угрозой; он будет опасаться моего предательства и, чтобы защитить себя, может пойти на крайние меры. Мятежники не слишком разборчивы в своих методах, и вполне возможно, что я больше никогда не встану с этой роскошной кровати, в которую уложило меня его гостеприимство. Но даже если я преувеличиваю и виконт не так кровожаден, как свойственно людям его окружения, даже если он примет мое обещание забыть все его слова, тем не менее он — ввиду своей неосторожности — может потребовать, чтобы я немедленно покинул Лаведан. А как же тогда мое пари с Шательро?

Вспомнив о пари, я подумал о самой Роксалане — об этом милом, прелестном дитя, в чью спальню я вторгся прошлой ночью. И можете ли вы поверить, что я — циничный, пресыщенный скептик Барделис — пришел в ужас от одной только мысли, что мне придется покинуть Лаведан и я никогда больше не увижу эту провинциальную барышню.

Не желая лишиться ее общества, я решил остаться. Я прибыл в Лаведан как Лесперон, беглый мятежник. В этом качестве я предстал прошлой ночью перед девушкой. В этом качестве я был радушно принят ее отцом. Следовательно, я должен оставаться Леспероном для того, чтобы быть рядом с ней, чтобы просить ее руки и добиться согласия и таким образом — хотя, клянусь, сейчас это было почти неважно — оправдать свое хвастовство и выиграть пари, которое в противном случае должно разорить меня.

Я лежал с закрытыми глазами и обдумывал ситуацию, и мысль о достижении своей цели при сложившихся обстоятельствах доставляла мне странное удовольствие. Шательро предоставил мне свободу выбора. Я мог добиваться руки мадемуазель де Лаведан любыми средствами. Но он бросил мне в лицо вызов, заявив, что, даже если я ослеплю ее всем своим великолепием, всей моей свитой и завидным положением в обществе, мне не удастся растопить самое холодное сердце Франции.

А теперь! Вы только подумайте! Я сбросил с себя все эти внешние украшения, я приехал без всякой помпы, без каких-либо символов богатства, без каких-либо символов власти; я явился как несчастный беглый дворянин, изгнанник, без гроша в кармане — поскольку имение Лесперона без сомнения будет конфисковано. Клянусь честью, завоевать ее в таком облике было бы достойной победой, подвигом, которым можно гордиться.

Итак, я оставил все как есть, поскольку я не отрицал всего того, что мне здесь приписывали, и остался Леспероном для виконта и его семьи.

А тем временем он подозвал старика к моей постели, и они обсуждали мое состояние.

— Ты думаешь, Анатоль, — сказал он наконец, — что через три-четыре дня господин де Лесперон сможет встать?

— Я в этом уверен, — ответил старый слуга, и тогда, повернувшись ко мне, Лаведан сказал:

— Не падайте духом, сударь. Ваша рана оказалась не настолько серьезной.

Я начал что-то говорить о своей благодарности и заверять, что я себя прекрасно чувствую, как вдруг мы услышали грохот, напоминающий отдаленные раскаты грома.

— Mordieu! — выругался виконт, и на его лице появилось выражение тревоги. Он наклонил голову, прислушиваясь.

— Что это? — спросил я.

— Всадники — на мосту, — коротко ответил он. — По звуку целый отряд.

А затем в подтверждение его слов раздался топот копыт по каменным плитам двора. Старый слуга ломал руки в беспомощном страхе и причитал:

— Господин, господин!

Но виконт быстро подошел к окну и выглянул. Он засмеялся с облегчением и радостным голосом сообщил:

— Это не солдаты. Они больше похожи на компанию слуг; так, еще и карета — pardieu, две кареты!

Я сразу же вспомнил о Роденаре и моих спутниках и поблагодарил Небо за то, что я был в постели и он не мог увидеть меня. Ему скажут, что его хозяина здесь не было и его приезд не ожидается, и он уедет отсюда с пустыми руками.

Но мои выводы были слишком поспешны. Ганимед обладал упорным характером, и теперь он это доказал. Узнав, что в Лаведане ничего не известно о маркизе де Барделисе, мой верный оруженосец объявил о намерении остаться здесь и подождать меня, так как, заверил он виконта, Лаведан был целью моего путешествия.

— Моим первым желанием, — сказал Лаведан, когда позднее он пришел рассказать мне об этом, — было отправить его отсюда немедленно. Но, подумав хорошенько и вспомнив, насколько велика власть этого безобразного распутника Барделиса и благосклонность к нему короля, я решил, что разумнее будет предоставить кров этой возмутительной компании. Его управляющий — сморщенное, нахальное существо — говорит, что Барделис оставил их прошлой ночью недалеко от Мирепуа и поскакал сюда, приказав им следовать за ним. Странно, что у нас нет никаких известий о нем! Надеяться, что он упал в Гаронну и утонул, было бы слишком большой удачей.

Я мысленно поздравил себя, поскольку злость, с которой он говорил обо мне, подтвердила правильность моего решения о принятии на себя роли Лесперона. Однако, вспомнив, что он и мой отец были хорошими друзьями, его отношение ко мне привело меня в замешательство. В чем была причина такой враждебности к сыну? Неужели только лишь благодаря моему положению при дворе я выглядел врагом в их глазах?

— Вы знакомы с этим Барделисом? — я решил попытаться выяснить причину.

— Я знал его отца, — ответил он хриплым голосом. — Честный, порядочный дворянин.

— А сын, — робко спросил я, — он не обладает ни одним из этих достоинств?

— Я не знаю, какие достоинства могут быть у этого человека, его пороки известны всему миру. Он распутник, игрок, повеса и мот. Говорят, он один из фаворитов короля и благодаря своим чудовищным выходкам завоевал титул «Великолепный». — Он издал короткий смешок. — Достойный слуга для такого хозяина, как Людовик Справедливый!

— Господин виконт, — сказал я, воодушевленный своей собственной защитой, — клянусь, вы несправедливы к нему. Он экстравагантен, но ведь он богат; он — распутник, но ведь он же молод; он — игрок, но честен до щепетильности в игре. Поверьте мне, сударь, я немного знаю Марселя Барделиса, и его пороки не настолько ужасны, как их изображают, а в его

пользу можно, я думаю, сказать то же самое, что вы только что сказали об его отце — он честный, порядочный дворянин.

— А этот постыдный случай с герцогиней Бургундской? — спросил он, как бы задавая вопрос, на который не может быть ответа.

— Mon dieu note 25! — вскричал я. — Неужели мир никогда не забудет об этом опрометчивом поступке? Это была ошибка молодости, которую, несомненно, сильно преувеличивают.

Какое-то время виконт удивленно смотрел на меня.

— Господин де Лесперон, — наконец заговорил он, — я вижу, вы очень высоко цените этого Барделиса. В вашем лице он имеет верного сторонника и надежного защитника. Но меня вы не сможете убедить. — Он грустно покачал головой. — Даже если бы я не думал о нем так, как я только что говорил, а считал бы его образцом добродетели, все равно я не потерплю его присутствия здесь.

— Но почему, господин виконт?

— Потому что я знаю, зачем он едет в Лаведан. Он едет добиваться руки моей дочери.

Если бы он бросил мне в постель бомбу, эффект был бы меньший.

— Вы удивлены, а? — он горько засмеялся. — Но уверяю вас, это так. Месяц назад меня посетил граф де Шательро — еще один замечательный фаворит его величества. Он приехал без приглашения; не назвал причины своего приезда, кроме той, что он совершает увеселительную поездку по провинции. Мы были едва знакомы, и у меня не было ни малейшего желания познакомиться с ним поближе; однако он устроился здесь, прихватив с собой парочку слуг, и ясно дал понять, что он здесь надолго.

Я был удивлен, но на следующий день я получил объяснение. Курьер, которого прислал мой старый друг, состоящий при дворе, привез мне письмо с информацией о том, что господин де Шательро прибыл в Лаведан по наущению короля просить руки моей дочери. Угадать причину не представляло большого труда. Король, который любит его, хотел бы сделать его богатым; самый простой способ — это выгодный брак, а Роксалана считается богатой наследницей. Кроме того, широко известно мое влияние в провинции, и все боятся моего отречения от партии кардинала. Какой еще цепью можно опять приковать меня к Короне — а Корона и Митра стали синонимами в этой перевернутой вверх дном Франции, — кроме как выдать мою дочь замуж за одного из фаворитов короля?

Если бы не это своевременное предупреждение, один Бог знает, какая беда могла бы произойти. Однако господину де Шательро удалось увидеть мою дочь всего два раза. В тот же день, когда я получил известие, о котором говорил, я отправил ее в Ош к родственникам ее матери. Шательро провел здесь еще неделю. Затем, решив проявить настойчивость, он спросил, когда вернется моя дочь. «Когда вы уедете, сударь,» — ответил я ему. У меня были причины разговаривать с ним в подобном тоне. Через двадцать четыре часа он уехал назад в Париж.

Виконт сделал паузу и прошелся по комнате, а я в это время обдумывал его слова, которые раскрыли мне некоторые любопытные факты. Затем он продолжал.

— И теперь, когда Шательро потерпел фиаско, король выбирает более опасного человека для удовлетворения своих желаний. Он посылает в Лаведан маркиза Марселя де Барделиса с той же целью. Не сомневаюсь, он считает, что Шательро потерпел неудачу в результате своей неловкости, и на этот раз он решил выбрать человека, знаменитого своими светскими манерами и обладающего таким искусством оболъщения, что моя дочь непременно

попадется в его сети. Это большая честь для нас, что он послал сюда самого красивого и самого искусного дворянина своего двора — по крайней мере, таким его считают, — однако эта честь для меня ничего не значит. Барделис уедет отсюда с пустыми руками, так же, как и Шательро. Пусть он только покажется здесь, и моя дочь снова отправится в Ош. Я очень предусмотрительный человек, не правда ли, господин де Лесперон?

— Ну да, — ответил я медленно, как человек, обдумывающий свои слова, — если вы убеждены в правильности своих выводов насчет Барделиса.

— Я более чем убежден. Что еще могло привести его в Лаведан?

На этот вопрос я даже не пытался ответить. Возможно, он и не ждал от меня ответа. Он оставил меня в раздумье над другим аспектом дела, которое полностью заполнило мои мысли. Шательро поступил со мной нечестно. После отъезда из Парижа я часто думал, почему он с такой готовностью поставил на карту свое состояние и заключил пари, исход которого зависел от каприза женщины. Шательро не мог не принимать во внимание мои явные преимущества — внешность, происхождение и богатство. Однако, несмотря на эти преимущества и на то, что при их помощи я смогу завоевать расположение этой дамы, он ввязался в это опрометчивое пари.

Он должен был понимать, что, если он потерпел поражение, это не означает, что и меня ждет та же участь. В этом не было логики, и, как я уже сказал, в последние дни я часто думал о той готовности, с которой он бросил мне вызов. Теперь я получил объяснение этому. Он рассчитывал на то, что виконт де Лаведан будет рассуждать именно так, как он сейчас рассуждает, и был уверен, что мне не представится ни малейшей возможности видаться с прекрасной и холодной Роксаланой.

Коварную же ловушку он мне расставил, достойную лишь хитреца.

Однако в игру включилась судьба и поменяла карты после моего отъезда из Парижа. Условия пари позволяли мне выбрать любой способ действия, но за меня выбрала судьба, и эта линия поведения, по крайней мере, позволяла мне преодолеть родительское сопротивление — этот бруттер, на который втайне надеялся Шательро.

Как повстанца Рене де Лесперона меня приютили в Лаведане, и мне оказал радушный прием мой соратник виконт, который, по-моему, уже проникся ко мне симпатией и который высоко ценил меня еще до встречи со мной благодаря тому, что ему рассказал обо мне этот господин Марсак — кто бы он ни был. Я должен оставаться Рене де Леспероном и наилучшим образом использовать мое временное пристанище, моля Бога, чтобы этот самый господин де Марсак был настолько любезен, что воздержался бы от посещения Лаведана, пока я здесь.

Глава VI Я ВЫЗДОРАВЛИВАЮ

Я испытываю некоторые трудности в описании первой недели моего пребывания в Лаведане. Для меня это время было наполнено событиями — событиями, которые заново формировали мой характер и превращали меня в человека, который разительно отличался от Марселя де Барделиса, известного в Париже под прозвищем «Великолепный». Но эти события, хотя в целом очень значительные, по отдельности были настолько расплывчаты, что, когда я решил написать о них, оказалось, что мне почти нечего рассказать.

Роденар и его спутники пробыли в замке два дня, и для меня его пребывание было источником постоянной тревоги, поскольку я не знал, как долго этот глупец сочтет приличным

оставаться здесь. Слава Богу, что эту тревогу разделял господин де Лаведан, которого раздражало присутствие в такой момент людей, связанных с общеизвестным сторонником короля. В конце концов он пришел посоветоваться со мной, какие меры можно предпринять, чтобы выпроводить их отсюда, и я, весьма охотно войдя с ним в сговор, предложил ему сказать Роденару, что, вероятно, с господином Барделисом случилось несчастье, и вместо того, чтобы терять время в Лаведане, ему следует поехать по провинции в поисках хозяина.

Виконт принял этот совет, и он дал такие превосходные результаты, что в этот же день — через час, если быть точным, — Ганимед с проснувшимся чувством долга отправился на мои поиски. Несмотря на все его недостатки, этот негодник преданно любил меня.

Это произошло на третий день моего пребывания в Лаведане. На следующий день я встал, поскольку моя нога полностью зажила. Я чувствовал легкую слабость от потери крови, но Анатолий, который, несмотря на свой злобный вид, оказался добрым и учтивым слугой, был уверен, что через несколько дней — самое большее через неделю — я буду полностью здоров.

Я ничего не говорил об отъезде из Лаведана. Но виконт, один из самых великодушных и благородных людей, с которыми мне довелось когда-либо встретиться, предупредил меня. Он настаивал на том, что я должен остаться в замке до полного выздоровления и, вообще, сколько мне будет угодно.

— В Лаведане вы будете в безопасности, мой друг, — уверял он меня, — поскольку, как я вам уже говорил, мы вне подозрений. Я настоятельно прошу вас остаться до тех пор, пока король не прекратит преследовать нас.

А когда я начал возражать и говорить о злоупотреблении его гостеприимством, он отмахнулся от моих возражений с резкостью, граничащей с гневом.

— Поверьте, сударь, для меня большая честь оказать услугу человеку, который так предан нашему делу и стольким пожертвовал ради него.

От этих слов я содрогнулся, будучи не совсем уж бесстыдным человеком, и сказал себе, что мое поведение недостойно, что я занимаюсь отвратительным обманом. Но думаю, я могу рассчитывать на некоторое снисхождение, учитывая, что я стал жертвой обстоятельств. Я был убежден, что если бы назвал ему свое настоящее имя, то никогда не выбрался бы отсюда живым. У виконта было благородное сердце, но он слишком много поведал мне в те дни, когда я лежал в постели, и много людей оказалось бы в опасности, если бы я обнародовал все, что узнал от него. И поэтому я решил, что, если раскрою свое настоящее имя, он будет вынужден принять крайние меры ради спасения друзей, которых, сам того не желая, предал.

На следующий день после отъезда Роденара я обедал со всей семьей виконта и снова встретился с мадемуазель де Лаведан, которую не видел с той ночи, когда проник в ее комнату. На обеде также присутствовала виконтесса, дама с суровым и благородным лицом — худая, как щепка, и с огромным носом, — но, как я вскорости обнаружил, эту даму очень занимали скандалы и интриги двора, при котором прошло ее девичество.

В этот день из ее уст я услышал старую скандальную историю давнего увлечения монсеньера Ришелье Анной Австрийской^{note 26}. Смакуя подробности, она рассказала нам, как королева заставила наряжаться его преосвященство в костюм шута, чтобы выставить его на посмешище перед придворными, которых она спрятала за гобеленами в своей спальне.

Она описывала этот эпизод в присутствии дочери со множеством интимных подробностей, не обращая ни малейшего внимания на румянец, заливший щеки этого бедного дитя. По всем признакам она принадлежала к тому типу женщин, среди которых я провел свою молодость.

Именно такой тип женщин разрушил мою веру и повлиял на мое отношение к противоположному полу. Лаведан женился на ней и привез ее в Лангедок, где она проводила свои дни в воспоминаниях о событиях своей молодости и, похоже, при любом удобном случае навязывала эту тему каждому новому посетителю замка.

Переведя взгляд на ее дочь, я поблагодарил Небеса за то, что Роксалана не имела ничего общего со своей матерью. Она не была похожа на нее ни лицом, ни характером. И душой, и внешностью мадемуазель де Лаведан была точной копией своего отца, этого благородного, доблестного дворянина.

За столом присутствовал еще один человек, о котором я подробно расскажу в дальнейшем. Это был некий шевалье де Сент-Эсташ — молодой человек приятной внешности, пожалуй, только излишне щеголеватый. Господин де Лаведан представил его как дальнего родственника. Он был очень высокий — такого же роста, как я, — прекрасно сложен, хотя очень молод. Но его голова была слишком мала для его тела, его добродушный рот носил признаки слабого характера, что подтверждали нечеткие линии подбородка, а глаза были поставлены так близко, что вряд ли могли быть искренними.

Он был приятный парень с точки зрения своей безвредности, но в целом скучный и наивный — неотесанный, что неудивительно для человека, который большую часть своей жизни провел в провинции. Его неотесанность становилась еще более явной от того, что он всеми силами пытался ее скрыть.

После того, как мадам рассказала эту непристойную историю о кардинале, он повернулся ко мне и спросил, хорошо ли я знаю двор. Я чуть было не рассмеялся ему в лицо, чем совершил бы грубейшую ошибку; но, вовремя опомнившись, я уклончиво ответил, что кое-какие знания о нем у меня имеются, после чего он мне задал такой вопрос, что я чуть не упал со стула: он спросил меня, встречал ли я когда-нибудь Великолепного Барделиса.

— Я... я знаком с ним, — осторожно ответил я. — А почему вы спрашиваете?

— Здесь были его слуги, и я вспомнил о нем. Вы ожидали самого маркиза, не так ли, господин виконт?

Лаведан резко поднял голову, как человек, которому нанесли публичное оскорбление.

— Нет, шевалье, — подчеркнул он. — Его управляющий, наглец по имени Роденар, сообщил мне, что этот Барделис намеревался посетить меня. Он не приехал, и я искренне надеюсь, что он и не приедет. Большого труда мне стоило отделаться от его слуг, и, если бы не удачный совет господина де Лесперона, они до сих пор были бы здесь.

— Вы так и не встретились с ним? — спросил шевалье.

— Нет, — ответил хозяин дома таким тоном, что только дурак бы не догадался, что этой встречи он желал меньше всего на свете.

— Восхитительный человек, — пробормотал Сент-Эсташ, — выдающаяся, потрясающая личность.

— Вы... вы знакомы с ним? — спросил я.

— Знаком? — повторил этот хвастливый лжец. — Мы были как братья.

— О, как интересно! А почему вы никогда не говорили нам об этом? — спросила мадам. Ее глаза с завистью смотрели на молодого человека — такой же сильной, как и отвращение в глазах Лаведана. — Мне очень жаль, что господин Барделис изменил свои планы и решил не посещать нас. Встретиться с таким человеком — то же самое, что дышать одним воздухом с

grand mondenote 27. Вы помните, господин де Лесперон, этот роман с герцогиней Бургундской? — и она игриво улыбнулась мне.

— Да, кое-что припоминаю, — холодно ответил я. — Но я думаю, что слухи сильно преувеличивают события. Когда языки начинают болтать как помело, маленький ручеек превращается в горный поток.

— Вы не говорили бы так, если бы знали то, что знаю я, — сообщила она шаловливо. — Я признаю, что слухи часто преувеличивают значение affairenote 28 такого рода, но в этом случае я не думаю, что слухи оценивают его по достоинству.

Я сделал протестующий жест и собирался сменить тему, но, прежде чем я смог это сделать, снова залепетал этот глупец Сент-Эсташ.

— Вы помните дуэль, которая была после, господин де Лесперон?

— Да, — утомленно кивнул я.

— Которая стоила несчастному юноше жизни, — проворчал виконт. — Это было просто убийство.

— Нет, сударь, — вскричал я с неожиданным жаром так, что они все уставились на меня, — здесь вы не правы. Противником господина де Барделиса была лучшая шпага Франции. Репутация этого человека как фехтовальщика была настолько высока, что он умудрился продержаться на ней в течение года, совершая самые неподобающие поступки безнаказанно в силу того страха, который он нагнал на всех окружающих. В этом неудачном деле, о котором мы говорим, он вел себя просто бесчестно. О, я знаю подробности, господа, уверяю вас. Он думал напугать Барделиса своей репутацией. Со всеми другими у него это получалось, но Барделис оказался крепким орешком. Барделис послал вызов этому знаменитому молодому человеку, а на следующий день проткнул его шпагой на конном дворе за особняком Вандом. Но это было далеко не убийство, сударь, это был акт возмездия и самая заслуженная кара, которая только может постигнуть человека.

— Даже если так, — воскликнул виконт в некотором удивлении, — почему вы с таким жаром защищаете драчуна?

— Драчуна? — повторил я. — О, нет. Даже злейшие враги Барделиса не могут предъявить ему такого обвинения. Он не драчун. Эта дуэль была первой и последней, потому что тогда репутация, которую до этого имел Вертоль, перешла к нему, и теперь во всей Франции не найдется ни одного человека, которому хватило бы смелости послать ему вызов. — И, заметив, какое удивление вызвали мои слова, я решил, что было бы неплохо заручиться чьей-либо поддержкой. Я повернулся к шевалье: — Я уверен, — сказал я, — что господин Сент-Эсташ подтвердит мои слова.

И, польщенный, шевалье начал пересказывать то, что я только что рассказал с таким жаром, что мои слова выглядели просто жалко по сравнению с его речью.

— По крайней мере, — рассмеялся виконт, — у него нет недостатка в защитниках. Что касается меня, я молю Бога, чтобы он не приехал в Лаведан.

— Mais voyonsnote 29, Леон, — возразила виконтесса, — почему ты заранее относишься к нему с таким предубеждением? По крайней мере подожди, пока ты сам увидишь его и сможешь составить о нем свое собственное мнение.

— Я уже составил о нем свое мнение; я молюсь, чтобы мне никогда с ним не встречаться.

— Говорят, он очень красивый мужчина, — сказала она, обращаясь ко мне за

подтверждением.

Лаведан с тревогой взглянул на нее, и я чуть было не засмеялся. До сих пор его единственной заботой была дочь, но вдруг он подумал, что, вероятно, даже возраст не сможет уберечь виконтессу от неблагоразумных поступков, если этот сердцеед все-таки явится сюда.

— Мадам, — ответил я, — его не считают уродом. — И с просящей улыбкой добавил: — Говорят, я чем-то похож на него.

— Что вы говорите? — воскликнула она, удивленно подняв брови, и посмотрела на меня более внимательно. И мне показалось, что на лице ее промелькнула тень разочарования. Если этот Барделис был не более красив, чем я, значит, он был не настолько красив, как она представляла себе. Виконтесса повернулась к Сент-Эсташу.

— Это действительно так, шевадьё? — спросила она. — Вы замечаете сходство?

— Vanitas vanitatumnote 30, — пробормотал юноша, у которого были небольшие познания в латыни, и он не упускал случая похвастаться ими. — Я не вижу ни малейшего сходства. Должен сказать, господин де Лесперон достаточно хорош. Но Барделис! — Он закатил глаза. — Во Франции только один Барделис.

— Enfinnote 31, — засмеялся я, — несомненно, у вас есть все основания, чтобы быть судьей в этом вопросе. Я льстил себя надеждой, что какое-то сходство все-таки есть, но, видимо, вы встречались с маркизом чаще, чем я, и, возможно, знаете его лучше. Тем не менее, если он приедет сюда, я попрошу вас рассмотреть нас со всех сторон и решить, похожи ли мы с ним.

— Если я буду здесь, — сказал он с неожиданной сдержанностью, которую нетрудно было понять, — я буду счастлив выступить в качестве арбитра.

— Если вы будете здесь? — переспросил я. — Но ведь, наверное, если вы услышите, что господин Барделис должен приехать, вы отложите все свои дела и окажете маркизу честь, возобновив с ним тесную дружбу, о которой вы нам столько рассказывали?

Шевадьё посмотрел на меня так, как великан мог бы посмотреть на маленькую букашку. Виконт улыбнулся, с задумчивым видом поглаживая свою светлую бороду, и даже в глазах Роксаланы (она, к счастью, была избавлена от участия в нашей беседе и просто слушала ее) зажегся веселый огонек. Одна виконтесса — которая, как и все женщины ее типа, была исключительно глупа — ничего не заметила.

Дабы защититься и показать, насколько хорошо он знаком с Барделисом, Сент-Эсташ пустился в подробное описание великолепия этого дворянина. Он рассказывал о его вечеринках, его свите, его экипажах, его лошадях, его замке, о благосклонности к нему короля, о его успехах с прекрасным полом, — признаюсь, даже для меня во всем этом была некоторая степень новизны. Было видно, что Роксалану забавляет его рассказ, и это говорило о том, насколько хорошо она его знает. Позже, когда мы оказались с ней одни на берегу реки, куда мы отправились после трапезы и завершения реминисценций шевадьё, она вернулась к этому разговору.

— Не правда ли, мой кузен большой fanfaronnote 32, сударь? — спросила она.

— Вы конечно же знаете своего кузена лучше, чем я, — ответил я осторожно. — Почему же вы спрашиваете меня об особенностях его характера?

— Это не было вопросом; я просто комментировала. Однажды он провел две недели в Париже и теперь считает себя близким приятелем всех придворных Люксембургского дворца

и хочет, чтобы мы думали так же. О он очень забавный, этот мой кузен, но и утомительный тоже. — Она засмеялась, и в ее смехе слышался легкий оттенок презрения. — А что касается этого маркиза де Барделиса, было совершенно ясно, что шевалье хвастал, когда говорил, что они были, как братья — он и маркиз, — не так ли? Он почувствовал себя не в своей тарелке, когда вы напомнили ему о возможности приезда маркиза в Лаведан. — И она звонко рассмеялась. — Вы думаете, он действительно знает Барделиса? — неожиданно спросила она.

— Не настолько хорошо, как может показаться из его слов, — ответил я. — У него полно сведений об этом недостойном дворянине, но это те сведения, которые вам может рассказать самая последняя судомойка в Париже, и абсолютно недостоверные к тому же.

— Почему вы считаете его недостойным? Вы думаете о нем так же, как и мой отец?

— Да, у меня есть на то причина.

— Вы хорошо знаете его?

— Знаю его? *Pardieu*, он мой злейший враг. Потрепанный распутник; насмешливый, циничный женоненавистник; отвратительный кутила; самовлюбленный человечиска. Клянусь вам, во всей Франции нет более недостойного человека. *Peste!* От одного воспоминания об этом парне мне делается дурно. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Но хотя я страстно желал этого, у меня ничего не вышло. В воздухе внезапно появился тяжелый запах мускуса, и перед нами предстал шевалье де Сент-Эташ все с той же темой — господин де Барделис.

Бедняга пришел с хорошо продуманным планом и с твердыми намерениями уничтожить меня своими знаниями и тем самым унизить меня в глазах своей кузины.

— Что касается Барделиса, господин де Лесперон...

— Мой дорогой шевалье, мы уже закрыли эту тему.

Он мрачно улыбнулся.

— Так давайте откроем ее.

— Но ведь на свете существует множество других интересных вещей, о которых мы могли бы поговорить.

Эти слова он расценил как признак страха и поэтому решил раздавить меня своим, как он считал, преимуществом.

— Тем не менее потерпите; есть один вопрос, на который вы, вероятно, сможете ответить.

— Это невозможно, — сказал я.

— Вы знакомы с герцогиней Бургундской?

— Был знаком, — небрежно ответил я и так же небрежно добавил: — А вы?

— Очень хорошо знаком, — без малейшего колебания сказал он. — Я был в Париже в то время, когда произошел скандал с Барделисом.

Я быстро взглянул на него.

— Вы тогда познакомились с ней? — как можно незаинтересованнее спросил я.

— Да. Я пользовался доверием Барделиса, и однажды после вечеринки в его особняке — одной из тех, на которых блистают самые остроумные люди Парижа, — он спросил меня, не смогу ли я сопровождать его в Лувр. Мы поехали. На нас были маски.

— А, — сказал я с видом человека, который вдруг понял, о чем идет речь, — и в этой маске вы встретились с герцогиней?

— Вы абсолютно правы. Ах, сударь, вы были бы очень удивлены, если бы я рассказал вам все, что видел той ночью, — сказал он с важным видом и бросил быстрый взгляд на мадемуазель, пытаюсь определить, насколько глубоко она поражена этими картинками его порочного прошлого.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — сказал я и, вспомнив о его богатом воображении, подумал, что он действительно мог бы рассказать самые удивительные вещи об этом эпизоде. — Но если я вас правильно понял, все это происходило во время того скандала, о котором вы говорили?

— Скандал разразился через три дня после нашего маскарада. Он был неожиданностью для большинства людей. Что касается меня, — из того, что мне говорил Барделис, — я и не ожидал ничего другого.

— Простите, шевалье, но сколько же вам лет?

— Станный вопрос, — сказал он, нахмутив брови.

— Возможно. Но может быть, вы ответите на него?

— Мне двадцать один, — сказал он. — И что из этого?

— Вам двадцать, mon cousinnote 33, — поправила его Роксалана.

Он обиженно посмотрел на нее.

— Ну да, двадцать! Это так, — неохотно согласился он и снова спросил: — Что из этого?

— Что из этого, сударь? — повторил я. — Вы простите меня, если я выражу удивление по поводу вашего раннего развития и поздравлю вас с этим?

Он еще больше нахмурил брови и густо покраснел. Он чувствовал, что где-то его ожидает ловушка, но пока не мог понять, где.

— Я не понимаю вас.

— Подумайте, шевалье. Со времени того скандала прошло десять лет. Следовательно, во время вашей вечеринки с Барделисом и остряками Парижа, тогда, когда вы были доверенным лицом Барделиса и он в маске отвез вас в Лувр, во время вашего знакомства с герцогиней Бургундской вам было всего десять лет. Я никогда не был высокого мнения о Барделисе, но если бы вы не сказали мне об этом сами, я бы вряд ли подумал, что он такой гнусный развратник и растлитель молодежи.

Он покраснел до корней волос. Роксалана рассмеялась.

— Мой кузен, мой кузен, — воскликнула она, — великие мира сего рано начинают свою карьеру, не так ли?

— Господин де Лесперон, — сказал он сухо, — должен ли я понимать что вы учинили мне этот допрос с целью подвергнуть сомнению мои слова?

— Но разве я сделал это? Разве я усомнился в ваших словах? — кротко спросил я.

— Так я понял.

— Значит, вы поняли неправильно. Уверяю вас, ваши слова не вызывают ни малейшего сомнения. А сейчас, сударь, прошу вас, будьте милосердны, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Я так устал от этого несчастного Барделиса и его проделок. Возможно, он в моде в Париже и при дворе, но здесь одно его имя оскверняет воздух. Мадемуазель, — я повернулся к Роксалане, — вы обещали дать мне урок цветоводства.

— Пойдемте, — сказала она и, будучи очень умной девушкой, тотчас же принялась рассказывать об окружающих нас кустарниках.

Так мы предотвратили грозу, которая вот-вот должна была разразиться. Тем не менее некоторый вред мне это принесло, хотя и пользу тоже. Поскольку, унизив шевалье де Сент-Эсташа в глазах единственной женщины, перед которой он мечтал бы блистать, и приобретя врага в его лице, я в то же время протянул некую ниточку между Роксаланой и мной, когда унизил этого глупого шута, чье бахвальство давно уже утомило ее.

Глава VII ВРАЖДЕБНОСТЬ СЕНТ-ЭСТАША

В последующие дни я много общался с шевалье де Сент-Эташем. Он был частым гостем в Лаведане, и причину его визитов было нетрудно угадать. Что касается меня, он не нравился мне — я невзлюбил его с той минуты, как только увидел его, а поскольку ненависть так же, как и любовь, очень часто бывает взаимной, шевалье отвечал мне тем же. Постепенно наши отношения становились все более прохладными, и к концу недели они стали настолько враждебными, что Лаведан решил поговорить со мной об этом.

— Остерегайтесь Сент-Эсташа, — предупредил он меня. — Вы слишком откровенно выражаете неприязнь друг к другу, и я прошу вас быть осторожнее. Я не доверяю ему. Он без энтузиазма относится к нашему делу, я это беспокоит меня, поскольку он может причинить большой вред, если захочет. Только поэтому я терплю его присутствие в Лаведане. Честно говоря, я боюсь его, и я бы советовал вам относиться к нему так же. Этот человек — лжец, хотя и хвастливый лжец, а лжецы всегда приносят зло.

В его словах была неоспоримая истина, но следовать его совету было не так-то просто, особенно человеку в таком необычном положении, как мое. В общем-то, у меня было мало причин бояться, что шевалье причинит мне какое-нибудь зло, но я был вынужден подумать о том зле, которое он может причинить виконту.

Несмотря на растущую неприязнь, мне часто приходилось встречаться с шевалье. Причина заключалась конечно же в том, что где бы ни находилась Роксалана, там были и мы оба. Но у меня было одно преимущество, которое и порождало его злобу, основанную на ревности: в то время, как он был лишь ежедневным посетителем Лаведана, я находился там постоянно.

Мне трудно описать, какую пользу принесло мне мое пребывание в Лаведане. С того момента, как я впервые увидел Роксалану, я понял, насколько был прав Шательро, утверждая, что я никогда не знал настоящей женщины. Это было действительно так. Те, которых я знал и по которым оценивал противоположный пол, по сравнению с этим ребенком не имели никакого права на звание женщины. Добродетель была для меня пустым звуком; невинность — синонимом невежества; любовь — легендой, красивой сказкой для детей. В обществе Роксаланы де Лаведан все эти циничные понятия, основанные на малоприятном

опыте юности, разбились вдребезги, и на поверхность всплыла вся их ошибочность. Постепенно я поверил в любовь, над которой так долго насмеялся, и совершенно потерял голову, как какой-нибудь неоперившийся юнец в своей первой amournote 34.

Dame!note 35 Со мной происходили совершенно невероятные вещи — у меня учащался пульс и менялся цвет лица при ее приближении; я краснел от ее улыбки и бледнел, когда она была недовольна; в голове у меня роились рифмы, а душа была настолько поработана, что я знал — если я не смогу завоевать ее, я умру от тоски.

Прекрасное настроение для человека, который побился об заклад, что завоюет сердце девушки и женится на ней. Проклятое пари — как я сожалел о нем в эти дни в Лаведане! Как я проклинал Шательро, этого хитрого, изощренного обманщика! Как я проклинал себя за недостаток чести и благородства, за то, что я так легко позволил себя втянуть в такое отвратительное предприятие! Когда я вспоминал об этом пари, меня охватывало отчаяние. Если бы Роксалана оказалась такой женщиной, какую я ожидал увидеть, — единственный тип женщин, который я знал, — все было бы гораздо проще. Я хладнокровно взялся бы завоевать ее сердце любым известным мне способом, и я бы женился на ней с тем же настроением, с каким человек совершает любой необходимый поступок в своей жизни. Я бы сказал ей, что меня зовут Барделис, и мне не представляло бы никакого труда сделать признание женщине, которую я ожидал здесь увидеть. Но Роксалане! Если бы не было пари, я мог открыться ей. Но признать одно без другого было невозможно, поскольку невинность ее нежной, доверчивой души остановила бы самого распутного человека прежде, чем он бы решился совершить какую-нибудь низость по отношению к ней.

В течение этой недели мы проводили много времени вместе, и день за днем, час за часом моя страсть усиливалась, пока полностью не поглотила меня, и мне казалось, что она пробудила ответные чувства в ее душе. Временами в ее задумчивых глазах появлялся странный свет, а когда она улыбалась мне, в ее улыбке светилась нежность, которая, если бы все было по-другому, просто осчастливила бы меня, но сейчас, при сложившихся обстоятельствах, только усиливала мое отчаяние. Я знал женщин, у меня был опыт и мне были знакомы эти признаки. Но я не решался откровенно поговорить с ней. Я понимал, какую боль и какой стыд она почувствует, когда услышит мое признание. Любовь этого милого дитя, такого честного и благородного, превратится в презрение и отвращение, когда я сброшу свою маску и покажу ей свое уродливое лицо.

И тем не менее я продолжал плыть по течению. Я привык плыть по течению, а от давно приобретенных привычек не так просто избавиться в один день, каким бы твердым не было ваше решение. Сколько раз я говорил себе, что зло только усиливается, если на него не обращать внимания. Сколько раз признание чуть не срывалось с моих губ и я жаждал рассказать ей все с самого начала — о моем прежнем окружении и о том, что происходило со мной теперь — и сдаться на ее милость.

Она могла принять мою историю и, поверив мне, простить мой обман и увидеть искренность моего признания в любви. Но, с другой стороны, она могла не принять ее; она могла подумать, что мое признание входит в мои коварные планы, и в страхе я продолжал хранить молчание.

Я хорошо понимал, что с каждым часом признание будет все труднее и труднее. Чем скорее я это сделаю, тем скорее мне поверят, чем дольше я буду оттягивать это, тем вероятнее будет недоверие к моим словам. Увы! По-видимому, помимо всех прочих своих недостатков, Барделис оказался еще и трусом.

Что касается холодности Роксаланы, это была сказка, придуманная Шательро; или просто предположение, выдумка фантазера Лафоса. Напротив, я не заметил в ней ни надменности, ни холодности. Совершенно несведущая в женских уловках, полностью лишенная кокетства,

она была само воплощение естественности и девической простоты. Она жадно и очарованно слушала мои истории — в которых я опускал нежелательные подробности — о жизни при дворе. Я рисовал ей картины Парижа, Люксембургского дворца, Лувра, дворца кардинала, я рассказывал ей о придворных, которые населяли эти исторические места; и, как Отелло, завоевавший сердце Дездемоны рассказом о своих страданиях, так же и я, как мне кажется, завоевывал сердце Роксаланы рассказами о том, что я видел.

Несколько раз она удивлялась, откуда могут быть столь глубокие познания у простого гасконского дворянина. В качестве объяснения я сообщил ей, что Лесперон несколько лет назад служил в королевской гвардии — в таком положении наблюдательный человек может узнать очень многое.

Виконт замечал нашу растущую близость, но не пытался препятствовать ей. Я думаю, в глубине сердца этот благородный дворянин был бы рад, если бы наши отношения пришли к закономерному концу, поскольку, каким бы бедным он ни считал меня — как я уже говорил, земли Лесперона в Гаскони должны были конфисковать в наказание за его измену, — он помнил о причине всего этого и о глубокой преданности человека, которым я представлялся, Гастону Орлеанскому.

К тому же он боялся слишком явных ухаживаний шевалье де Сент-Эсташа и с радостью принял бы такой поворот событий, который смог бы нарушить планы шевалье, потому что виконт не доверял ему, почти боялся, о чем он не раз говорил мне.

Что касается виконтессы, ее расположение я завоевал тем же способом, каким я завоевал внимание ее дочери.

До моего появления она была привязана к шевалье. Но что мог знать шевалье о высшем свете по сравнению с тем, что рассказывал я? Ее любовь к интригам притягивала ее ко мне, и она без конца расспрашивала меня о том или другом человеке, большинство из которых она знала только понаслышке.

Моя осведомленность и изобилие подробностей — несмотря на мою сдержанность, дабы они не подумали, что я знаю слишком много, — доставляли удовольствие ее похотливой душонке. Если бы она была хорошей матерью, эта моя осведомленность заставила бы ее задуматься о том, какую жизнь я веду, и она бы поняла, что я не подхожу ее дочери. Но, так как виконтесса была эгоисткой, она мало обращала внимания на интересы других людей — даже если этим другим человеком была ее собственная дочь, — и она совершенно не замечала, что события принимают опасный оборот.

Таким образом, все — за исключением, пожалуй, отношений с шевалье де Сент-Эташем — складывалось для меня весьма удачно, и если бы Шательро мог видеть это, он бы заскрежетал зубами от ярости, однако я сам сжимал зубы в отчаянии, когда начинал подробно обдумывать свое положение.

Однажды вечером — я пробыл в замке уже десять дней — мы поднялись вверх по Гаронне в лодке, Роксалана и я. Когда мы возвращались, плывя по течению с опущенными на воду веслами, я заговорил об отъезде из Лаведана.

Она быстро взглянула на меня; ее лицо выражало тревогу; она смотрела на меня широко раскрытыми глазами — как я уже говорил, она была совершенно неопытна и бесхитростна, чтобы притворяться или скрывать свои чувства.

— Но зачем вам уезжать так скоро? — спросила она. — В Лаведане вы в безопасности, а если вы уедете, вы можете попасть в беду. Всего лишь два дня назад они взяли несчастного молодого дворянина в По; значит, преследования еще не прекратились. Вам... — ее голос задрожал, — вам скучно у нас, сударь?

Я покачал головой и мечтательно улыбнулся.

— Скучно, — повторил я. — Вы не можете так думать, мадемуазель. Я уверен, ваше сердце должно говорить вам совсем обратное.

Она опустила глаза, не выдержав моего горящего страстью взора. И когда она наконец ответила мне, в ее словах не было ни капли лукавства; они были продиктованы интуицией ее пола, и ничем больше.

— Но ведь это возможно, сударь. Вы привыкли вращаться в высшем свете...

— В высшем свете Лесперона, в Гаскони? — прервал я ее.

— Нет, нет, в высшем свете, к которому вы принадлежали в Париже и прочих местах. Я понимаю, что вам неинтересно в Лаведане, и ваша бездеятельность удручает вас и вызывает желание уехать.

— Если бы мне действительно было неинтересно, то все могло бы быть именно так, как вы говорите. Но, мадемуазель... — я резко замолчал. Глупец! Соблазн был настолько велик, что я чуть было не поддался ему. Тихий, ласковый вечер, широкая, гладкая поверхность реки, вниз по которой мы скользили, листва, тени на воде, ее присутствие и наше уединение — все это на мгновение затмило пари и мое двуличие.

Она нервно засмеялась и, может, для того, чтобы снять напряжение, вызванное моим внезапным молчанием, сказала:

— Вот видите, вам даже не хватает воображения, чтобы придумать какое-нибудь доказательство. Вы хотели сказать мне о... о том, что удерживает вас в Лаведане, но вам так ничего и не пришло в голову. Разве... разве не так? — Она задала этот вопрос очень робко, как будто боялась ответа.

— Нет, это не так, — сказал я.

Я замолчал на мгновение, и в это мгновение я боролся с собой. Признание и раскаяние — раскаяние в том, что я намеревался сделать, признание в любви, которая так неожиданно пришла ко мне, — чуть было не сорвались с моих губ, но страх заставил меня замолчать.

Разве я не говорил, что Барделис стал трусом? И моя трусость подсказала мне выход — побег. Я уеду из Лаведана. Я вернусь в Париж к Шательро, признаю свое поражение и заплачу свою ставку. Это был единственный выход для меня. Моя честь, проснувшаяся так поздно, требовала от меня этой жертвы. Хотя я решился поступить так скорее потому, что это был самый легкий путь. Я не знал, что со мной будет потом, да и в этот час моих душевных страданий это не имело никакого значения.

— Очень многое, мадемуазель, действительно очень многое крепко держит меня в Лаведане, — наконец заговорил я. — Но мои... мои обязательства требуют, чтобы я уехал.

— Вы имеете в виду ваше дело, — воскликнула она. — Но поверьте мне, сейчас вы ничего не можете сделать. Если вы принесете себя в жертву, это никому не принесет пользы. Вы сослужите лучшую службу герцогу, если подождете, пока наступит время для следующего удара. А где вы лучше всего можете сохранить свою жизнь, как не в Лаведане?

— Я не думал о нашем деле, мадемуазель, я думал о себе — о моей собственной чести. Я хотел бы вам все объяснить, но я боюсь. — Запинаясь, проговорил я.

— Бойтесь? — повторила она и удивленно посмотрела на меня.

— Да, боюсь. Боюсь вашего презрения, вашей ненависти.

Ее взгляд стал еще более удивленным, а в глазах появился вопрос, на который я не мог ответить. Я наклонился вперед и взял ее за руку.

— Роксалана, — произнес я очень тихо, и мой голос, мое прикосновение и упоминание ее имени вновь заставили ее глаза спрятаться в укрытие ресниц. Ее матовая кожа покрылась румянцем, который тотчас же исчез, и ее лицо стало очень бледным. Ее грудь вздымалась от волнения, а маленькая ручка, которую я держал в своих руках, дрожала. Наступило молчание. Не потому, что мне нужно было придумывать или подбирать слова. Комок застрял у меня в горле — да, я не боюсь признаться в этом, потому что добрые, настоящие чувства заполнили мою душу в первый раз с тех пор, когда герцогиня Бургундская десять лет назад вдребезги разбила мои иллюзии.

— Роксалана, — продолжал я, когда самообладание вернулось ко мне, — мы были хорошими друзьями, вы и я, с той ночи, когда я нашел убежище в вашей спальне, не так ли?

— Конечно, так, сударь, — нерешительно произнесла она.

— Это было десять дней назад. Подумайте об этом — всего десять дней. А мне кажется, что я в Лаведане уже несколько месяцев, так мы с вами подружились. За эти десять дней у нас сложилось мнение друг о друге. С одной лишь разницей — мое мнение правильное, а ваше — нет. Вы самая добрая, самая нежная во всем мире. Боже, если бы я встретил вас раньше! Я бы мог быть другим; я мог бы быть — я был бы — другим и не сделал бы того, что я сделал. Вы считаете меня несчастным, но честным дворянином. Это не так. Вы видите меня в ложном свете, мадемуазель. Несчастный, может быть, по крайней мере я стал таким с недавних пор. Но честным я не был никогда. Больше я ничего не могу вам сказать, дитя мое. Я слишком большой трус. Но когда вы узнаете правду, — потом, после моего отъезда, когда вам будут рассказывать странную историю о бедняге Леспероне, который нашел радушный прием в доме вашего отца, — умоляю, вспомните о моей сдержанности в этот час, подумайте о моем отъезде. Возможно, вы поймете меня. Подумайте об этом, и вы, вероятно, найдете объяснение всему. Будьте милосердны ко мне тогда, не судите меня слишком сурово.

Какое-то время мы молчали. Вдруг она посмотрела на меня, ее пальцы сжали мою руку.

— Господин де Лесперон, — умоляющим голосом сказала она, — о чем вы говорите? Вы мучаете меня, сударь.

— Посмотрите мне в лицо, Роксалана. Разве вы не видите, как я сам себя мучаю?

— Тогда скажите мне, сударь, — произнесла она с нежной, трогательной мольбой в голосе, — скажите мне, что тревожит вас и заставляет молчать. Я уверена, вы преувеличиваете. Не может быть, чтобы вы совершили что-нибудь бесчестное, что-нибудь низкое.

— Дитя мое, — вскричал я, — благодарю Бога за то, что вы оказались правы. Я не могу совершить бесчестный поступок и не совершу его, хотя месяц назад я побился об заклад, что сделаю это!

Внезапно в ее глазах вспыхнул ужас, сомнение и подозрение.

— Вы... вы хотите сказать, что вы шпион? — спросила она, и мое сердце пропело молитву благодарности Небесам за то, что по крайней мере это я мог отрицать честно.

— Нет, нет. Я не шпион.

Ее лицо просветлело, и она вздохнула.

— Это единственное, что я не смогла бы простить. Но раз это не так, может быть, вы скажете мне, в чем дело?

Я вновь испытал соблазн признаться, рассказать ей все. Но меня страшила бессмысленность моих признаний.

— Не спрашивайте меня, — взмолился я, — скоро вы все узнаете сами.

Я был уверен, что, как только я отдам свой проигрыш, эта новость и известие о разорении Барделиса разлетятся по всей Франции, как зыбь по воде.

— Простите меня за то, что я вошел в вашу жизнь, Роксалана! — умолял я. — *Helas!*^{note 36} Если бы я встретил вас раньше! Я даже не мог себе представить, что во Франции могут быть такие женщины.

— Я не буду настаивать, сударь, поскольку, я вижу, ваше решение окончательно. Но если... если после того, как я узнаю то, о чем вы говорите, — сказала она, не глядя на меня, — и если после того, как я узнаю это, я отнесусь к вам более благосклонно, чем вы относитесь к себе, и пошлю за вами, вы... вы вернетесь в Лаведан?

Мое сердце забилося — в нем вдруг появилась надежда. Но чувство безысходности тотчас вернулось ко мне.

— Вы не пошлете за мной, можете быть уверены, — твердо сказал я; и больше мы не произнесли ни слова. Я взялся за весла и энергично заработал ими. Мне хотелось быстрее решить этот вопрос. Завтра я должен подумать об отъезде, а сейчас, пока я греб, я размышлял над теми словами, которые мы сказали друг другу. Не было сказано ни одного слова о любви, однако в самом отсутствии заключалось признание. Странное это было ухаживание, которое полностью исключало победу, и тем не менее оно увенчалось успехом. Да, победа была завоевана, но ею нельзя было воспользоваться. Пока я работал веслами, мне в голову приходили оригинальные мысли и изящные парадоксы, потому что человеческий ум — это любопытная сложная штука, и некоторые из нас смеются, когда душа плачет.

Роксалана сидела бледная и задумчивая, с затуманенными глазами, и я не мог предположить, о чем она думает.

Наконец мы приплыли к замку, и, пока я затаскивал лодку, появился Сент-Эташ и предложил мадемуазель свою руку. Он заметил ее бледность и бросил на меня быстрый подозрительный взгляд. Мы приближались к замку.

— Господин де Лесперон, — сказал он со странной интонацией в голосе, — а вы знаете, что в провинции ходят слухи о вашей смерти?

— Я и рассчитывал, что после моего исчезновения появятся такие слухи, — спокойно ответил я.

— И вы даже не попытались опровергнуть их?

— А зачем, ведь эти слухи обеспечивают мне безопасность?

— И тем не менее, сударь, *voyouns*^{note 37}. По крайней мере вы могли бы избавить от страданий — я бы даже сказал, скорби — тех, кто оплакивает вас.

— Ах! — сказал я. — И кто бы это мог быть?

Он пожал плечами и поджал губы в какой-то странной улыбке. Покосившись на мадемуазель,

он усмехнулся:

— Вы хотите, чтобы я назвал мадемуазель де Марсак?

Я остановился, лихорадочно работая мозгами и бесстрастно отвечая на его пристальный взгляд. Внезапно я понял, что это, вероятно, была девушка, чьи письма были в кармане у Лесперона и чей портрет он передал мне.

Вдруг я почувствовал, что на меня еще кто-то смотрит — Роксалана. Она вспомнила, что я говорил, она могла вспомнить, как я жалел, что не встретил ее раньше, и быстро нашла объяснение моим словам. Я чуть не застонал от ярости. Я готов был отвести шевалье на задний двор замка и убить его с величайшим удовольствием. Но я сдержался и решил изобразить непонимание. У меня не было другого выбора.

— Господин де Сент-Эсташ, — холодно сказал я и посмотрел прямо в его близко посаженные глаза, — я снисходительно смотрел на ваши вольности, но есть вещи, которые я не спускаю никому, и, несмотря на все мое уважение к вам, я не могу сделать для вас исключение. К этим вещам относится вмешательство в мои дела. Будьте так добры, запомните это.

Через минуту он был сама покорность. Усмешка сползла с его лица, исчезло высокомерие. Его губы растянулись в улыбке, а на лице появилось выражение раболепия, как у последнего подхалима.

— Простите меня, сударь! — воскликнул он, простирая руки, с самой подобострастной улыбкой на свете. — Я понимаю, что позволил себе большую вольность; но вы неправильно меня поняли. Я хотел, чтобы вы оценили поступок, на который я решился.

— Да? — сказал я и откинул голову, остро чувствуя опасность.

— Сегодня я взял на себя смелость сообщить, что вы живы и здоровы человеку, который, как мне кажется, имеет полное право знать это и который приезжает сюда завтра.

— Вы можете пожалеть о своей смелости, — проговорил я сквозь зубы. — Кому вы сообщили эти сведения?

— Вашему другу, господину де Марсаку, — ответил он, и сквозь маску подобострастия вновь проступила усмешка. — Он будет здесь завтра, — повторил он.

Марсак был другом Лесперона, и благодаря его теплым словам о гасконском мятежнике виконт де Лаведан принимал меня с такой любезностью и обходительностью.

Не удивительно, что я застыл как вкопанный без единой мысли в голове и с затравленным выражением на лице. В Лаведан должен был приехать человек, который знает Лесперона, — человек, который разоблачит меня и скажет, что я самозванец. Что случится тогда? Они конечно же решат, что я шпион, и быстро разделяются со мной, не сомневаюсь. Но это волновало меня меньше, чем мнение мадемуазель. Как она истолкует то, что я сказал ей сегодня? Что она будет думать обо мне потом?

Эти вопросы пронеслись как быстрые стрелы в моей голове, а за ними пришла тупая злость на себя за то, что я не сказал ей все днем. Теперь уже было поздно. Теперь я признаюсь не по собственной воле, как можно было сделать еще час назад, а буду вынужден сказать правду под давлением обстоятельств. И тогда у меня не будет надежды на ее милосердие.

— Похоже, вы не рады этому известию, господин де Лесперон, — сказала Роксалана с непроницаемым видом.

Ее голос взволновал меня, потому что в нем звучало подозрение. У меня есть еще одна

надежда на спасение, а если я сейчас поддамся этому страху, все будет кончено. И взяв себя в руки, я ответил спокойным, ровным голосом, в котором не было и тени смятения, охватившего мою душу.

— Я не рад, мадемуазель. У меня есть веские причины не желать встречи с господином Марсаком.

— Вот уж воистину веские! — прошипел Сент-Эсташ, брызгая слюной. — Я сомневаюсь, что вы сможете правдоподобно объяснить, почему вы не сообщили ему и его сестре о том, что вы живы.

— Сударь, — медленно произнес я, — почему вы все время говорите о его сестре?

— Почему? — повторил он, глядя на меня с нескрываемым удивлением. Он стоял прямо, с высоко поднятой головой, опираясь рукой на трость. Он перевел взгляд на Роксалану, затем снова посмотрел на меня. И наконец сказал: — Вас удивляет, что я упоминаю имя вашей невесты? Но может быть, вы будете отрицать, что помолвлены с мадемуазель де Марсак?

И я, на мгновение забыв о своей роли и о человеке, маску которого я надел, с жаром ответил:

— Да, отрицаю.

— Ну, значит, вы лжете, — сказал он и презрительно пожал плечами. Вряд ли кто-нибудь сможет сказать, что когда-либо в своей жизни я поддавался чувству ярости. Грубый, нетренированный ум может пасть жертвой страсти, но дворянин, я полагаю, никогда не бывает разгневан. Я не был зол и тогда, если не считать внешних признаков гнева. Я снял шляпу и бросил ее Роксалане, которая стояла и смотрела на нас с ужасом и изумлением.

— Мадемуазель, простите, но мне придется высечь этого говорливого школяра в вашем присутствии.

Затем с самыми учтивыми манерами я отступил в сторону и выдернул трость из-под руки шевалье прежде, чем он успел сообразить, что я намереваюсь сделать. Я поклонился ему с исключительной вежливостью, словно призывая его к терпению и испрашивая позволения на тот поступок, который я намеревался совершить, а потом, прежде чем он оправился от изумления, я трижды ударил его этой тростью по плечам. Вскрикнув одновременно от боли и унижения, он отпрыгнул назад и схватился за эфес своей шпаги.

— Сударь, — крикнула ему Роксалана, — разве вы не видите, что он безоружен?

Но Сент-Эсташ ничего не видел, а если и видел, благодарил Небо за это. Он выхватил шпагу. Роксалана попыталась встать между нами, но я отстранил ее.

— Не бойтесь, мадемуазель, — спокойно сказал я, — если рука, которая победила Вертоля, не сможет справиться, пусть даже при помощи палки, с парочкой таких шпаг, как шпага этого пижона, то мне не смуть позора за всю оставшуюся жизнь.

Он с яростью бросился на меня, его шпага была направлена прямо мне в горло. Я отразил его удар тростью, а когда он нацелился ниже, я поставил круговую защиту и, поймав его шпагу, выбил ее у него. Она блеснула на солнце и со звоном отлетела к мраморной лестнице. Казалось, что вместе со шпагой улетучилась и его смелость: он стоял весь в моей власти, любопытное сочетание глупости, удивления и страха.

Шевалье де Сент-Эсташ был молодым человеком, а молодым многое прощается. Но простить тот поступок, который совершил он — бросился со шпагой на безоружного человека, — было бы не только возмутительной глупостью, но и грубым нарушением долга. Будучи

старше, я обязан был преподнести шевалье урок хороших манер и дворянского благородства. Поэтому совершенно бесстрастно и исключительно для его же блага я задал ему хорошую взбучку. Ритмичными движениями я опускал на него трость, а куда она попадала — на голову, на спину или на плечи — было скорее его делом, чем моим. Мне нужно было внушить ему, что хорошо, а что плохо, а раны, которые он мог получить в ходе моего нравоучения, были ничтожны по сравнению с уроком, который получала его душа. Два или три раза он попытался схватить меня, но я увернулся — я не собирался опускаться до вульгарного обмена ударами. Моей целью была не драка, а порка, и, мне кажется, я выполнил эту задачу довольно успешно.

В конце концов вмешалась Роксалана, но только тогда, когда от одного из ударов, может быть, чуть более сильного, чем предыдущие, сломалась трость, а господин де Сент-Эсташ упал и превратился в стонущую массу.

— Простите, мадемуазель, за то, что я оскорбил ваш взор этим зрелищем, но такие уроки необходимо давать сразу же, иначе их действие не будет столь благотворным.

— Он заслужил это, сударь, — сказала она с почти жестоким оттенком в голосе.

У нас настолько бедные души, что, когда я увидел ее презрение к этой стонущей груди тряпок и рубцов, мое сердце затрепетало от радости. Я подошел к тому месту, куда упала его шпага, и поднял ее.

— Господин де Сент-Эсташ, — сказал я, — вы опорочили эту шпагу, и я не думаю, что вы когда-нибудь сможете снова воспользоваться ею. — С этими словами я сломал ее об колено и выбросил в реку, несмотря на то, что эфес был очень богатым, отделанный бронзой и золотом.

Он посмотрел на меня, лицо его было синего цвета, в глазах горела беспомощная ярость.

— *Par la mort Dieu!* — прохрипел он. — Вы еще ответите за это!

— Если вы еще не удовлетворены, я к вашим услугам, — учтиво сказал я.

И, прежде, чем он успел ответить, я увидел господина де Лаведана и виконтессу, торопливо идущих к нам через цветник. Виконт был мрачен и казался разгневанным, но я понял, что помрачнел он от дурных предчувствий.

— Что случилось? Что вы сделали? — спросил он меня.

— Он жестоко избил шевалье, — пронзительно завопила мадам, злобно уставившись на меня. — Он еще ребенок, этот несчастный Сент-Эсташ, — сказала она мне с укором. — Я все видела в окно, господин де Лесперон. Это было ужасно, это было жестоко. Так избить мальчика! Стыдно! Если вы поссорились с ним, неужели не существует более приемлемых способов для разрешения споров между дворянами? *Pardieu*, неужели вы не могли дать ему надлежащее удовлетворение?

— Если мадам возьмет на себя труд внимательно осмотреть этого бедного Сент-Эсташа, — сказал я с сарказмом, вызванным ее злобой, — я думаю, вы согласитесь, что я дал ему самое надлежащее и самое полное удовлетворение. Я бы принял его вызов со шпагой в руке, но шевалье, как и все очень молодые люди, действовал слишком поспешно; он очень торопился и не мог ждать, пока я возьму шпагу. Поэтому я был вынужден орудовать тростью.

— Но вы спровоцировали его, — резко ответила она.

— Кто бы ни сказал вам это, мадам, он сказал вам неправду. Наоборот, он спровоцировал меня. Он обманул меня. Я ударил его — что я еще мог сделать? — а он выхватил шпагу. Я

защищался и помогал себе тростью, чтобы этот несчастный Сент-Эсташ понял, насколько недостойно его поведение. Вот и все, мадам.

Но успокоить ее было не так-то просто, даже несмотря на то, что мадемуазель и виконт встали на мою сторону и пытались оправдать мое поведение. В этом был весь Лаведан. Несмотря на то что он очень страшился последствий и мести Сент-Эсташа — хотя тот был еще очень молод, — он открыто выразил свое мнение о поведении шеваляе и о правильности наказания, которое тот понес.

Виконтесса не испытывала страха перед своим мужем, но она не осмеливалась оспаривать его мнение по вопросам чести. Она пыталась помочь распростертому шеваляе, который, мне кажется, нарочно продолжал лежать, чтобы вызвать ее сочувствие, как вдруг она переключилась на Роксалану.

— Где ты была? — внезапно спросила она.

— Когда, мама?

— Днем, — раздраженно ответила виконтесса. — Шеваляе ждал тебя целых два часа.

Роксалана покраснела до корней волос. Виконт нахмурился.

— Ждал меня, мама? Но почему меня?

— Отвечай на мой вопрос — где ты была?

— Я была с господином де Леспероном, — просто ответила она.

— Вы были одни? — виконтесса чуть не визжала.

— Ну да, — в голосе бедного дитя слышалось удивление от этого неожиданного допроса.

— Боже правый! — взвизгнула виконтесса. — Похоже, моя дочь не лучше, чем...

Одному Богу известно, что она могла сказать, так как у нее был самый злой и ядовитый язык, который только может быть у женщины, я бы сказал, даже слишком злой для человека, жившего при дворе. Но виконт, видимо разделяя мои опасения и желая избавить ребенка от таких высказываний, быстро вмешался.

— Успокойтесь, мадам, что за беда случилась? Какие такие добродетели мы задели? Мы не в Париже. Это не Люксембургский дворец. En province comme en provincenote 38, а мы — простые люди...

— Простые люди? — аж задохнулась она. — Боже мой, я что — замужем за крестьянином? Я виконтесса де Лаведан или жена грубого деревенского мужика? А честь вашей дочери...

— Честь моей дочери здесь ни при чем, — оборвал виконт с внезапной суровостью, которая моментально погасила ее негодование. Затем спокойным, ровным голосом он сказал: — А, вот и слуги. Позвольте им, мадам, позаботиться о господине де Сент-Эсташе. Анатолий, вам лучше подать карету господину шеваляе. Я не думаю, что он сможет поехать домой верхом.

Анатолий посмотрел на бледного молодого человека, распростертого на земле, а затем его маленькое умное лицо повернулось ко мне. Он все понял и широко улыбнулся. Похоже, господина де Сент-Эсташа здесь не очень любили.

Тяжело опираясь на руку одного из лакеев, шеваляе с трудом шел в сторону внутреннего двора, где для него готовили карету. В последний момент он оглянулся и подозвал виконта.

— Бог свидетель, господин де Лаведан, — он тяжело дышал от душившей его ярости, — вы очень сильно пожалеете о том, что сегодня взяли сторону этого гасконского бандита. Вспомните обо мне, когда будете ехать в Тулузу.

Виконт бесстрастно стоял рядом с ним, равнодушный к его зловещей угрозе, хотя для него это прозвучало как смертный приговор.

— Адью, месье, скорейшего выздоровления, — все, что он сказал. Но тут я шагнул к ним.

— Вам не кажется, виконт, что нам лучше было бы задержать его? — спросил я.

— Тьфу! — воскликнул он. — Пусть едет.

Шевалье посмотрел на меня с выражением ужаса в глазах. Вероятно, этот молодой человек уже пожалел о своей угрозе и понял, какую ошибку он совершил, угрожая человеку, в чьей власти он находился.

— Подумайте, сударь! — вскричал я. — Ваша честная благородная жизнь приносит много пользы. Моя жизнь тоже сколько-нибудь стоит. Так неужели мы позволим этому подонку разрушить наши жизни и счастье вашей жены и дочери?

— Пусть он едет, сударь, пусть едет. Я не боюсь.

Я поклонился и отступил назад, жестом приказав лакею увезти его, таким жестом я мог приказать убрать ему грязь из-под моих ног.

Виконтесса с глубоким возмущением удалилась в свою комнату, и в этот вечер я ее больше не видел. Мадемуазель я видел всего несколько минут, и она использовала это время для того, чтобы расспросить меня о первопричине моей ссоры с Сент-Эташем.

— Он действительно лгал, господин де Лесперон? — спросила она.

— Клянусь честью, мадемуазель, — серьезно ответил я, — я не обручен ни с одной из живущих на этом свете женщин. — И голова моя упала на грудь, когда я подумал, что завтра она будет думать обо мне, как о самом гнусном обманщике, — я собирался, уехать до приезда Марсака, — потому что настоящий Лесперон, я не сомневался в этом, был действительно помолвлен с мадемуазель Марсак.

— Я уеду из Лаведана завтра рано утром, мадемуазель, — продолжал я. — Сегодняшние события еще больше усиливают необходимость моего отъезда. Промедление грозит опасностью. Вы услышите обо мне странные вещи, как я уже предупреждал вас. Но будьте милосердны. Многое будет правдой, многое — ложью; но сама правда будет очень низкой и... — я замолчал в ужасе от того, что должно произойти. Я пожал плечами, оставив всякую надежду, и повернулся к окну. Она подошла ко мне и встала рядом.

— Вы не скажете мне? Вы совсем не верите мне? Ах, господин де Лесперон...

— Тише, дитя мое, я не могу. Теперь уже поздно рассказывать вам.

— О, нет, не поздно! Из ваших слов я поняла, что мне расскажут о вас хуже, чем вы того заслуживаете? В чем ваша тайна? Скажите мне, сударь. Скажите.

Говорила ли хоть одна женщина столь откровенно о своей любви к мужчине и о том, что ее любовь найдет любые оправдания его поступкам? Можно ли найти более подходящий момент для объяснения в любви женщине, которая знает, что ее любят, которая чувствует эту любовь каждой клеточкой своей души и готова принять ее? Такие мысли пришли мне в голову, и я решил рассказать ей все сейчас, в одиннадцатом часу.

И тут — я не знаю как — возникла новая преграда. Я должен буду не только рассказать ей о пари, которое заключил, не только о своей двуличности и обманах, благодаря которым я завоевал ее расположение и доверие ее отца, не только признаться, что я не Лесперон, но я также должен буду сказать ей, кто я. Даже если она и простит мне все остальное, сможет ли она простить мне то, что я — Барделис, тот самый пресловутый Барделис, распутник и повеса, о подвигах которого она знала из рассказов своей матери, представленных в гораздо более черном свете, чем было на самом деле? Не отшатнется ли она от меня, когда я скажу ей, что я и есть тот самый человек? Будучи чистой и невинной, она, несомненно, считала, что жизнь каждого человека, который называет себя дворянином, должна быть умеренной и добродетельной. Она увидит во мне — как ее мать — лишь представителя высшего сословия Франции со всеми присущими этому сословию пороками. Для нее я буду распутным чудовищем — ах, Dieu!note 39 — пусть она так думает, когда меня уже здесь не будет.

Возможно — а сейчас, когда я оглядываюсь назад, я знаю наверняка, — мои страхи были преувеличены. Я думал, что она посмотрит на все моими глазами. Поскольку теперь, когда ко мне пришла эта большая любовь, — поверите ли вы? — ко мне вернулись все идеалы детства, и я возненавидел того человека, которым я был до сих пор. Жизнь, которую я вел, теперь вызывала у меня лишь ненависть и отвращение; мои принципы казались мне порочными и извращенными, мой цинизм — пустым и несправедливым.

— Господин де Лесперон, — тихо окликнула она, прервав мое молчание.

Я повернулся к ней. Я слегка коснулся ее руки и посмотрел в ее обращенные ко мне глаза — голубые, как незабудки.

— Вы страдаете! — произнесла она с трогательным состраданием.

— Хуже, Роксалана! Я заронил семя страданий и в ваше сердце. О, какой же я низкий человек! — воскликнул я. — И когда вы узнаете, насколько я низок, вам будет больно; вы будете оскорблены тем, что были так добры ко мне. — Она улыбнулась недоверчиво, как бы отрицая мои слова. — Нет, дитя мое, я не могу сказать вам.

Она вздохнула, и мы не успели произнести больше ни слова, как раздался звук открывающейся двери, и мы отпрянули друг от друга. Вошел виконт, и я потерял последний шанс на признание или хотя бы на предотвращение того, что последовало.

Глава VIII ПОРТРЕТ

Временами каждому думающему человеку приходят горькие мысли о том, что мы полностью находимся в руках судьбы, что мы являемся жертвами ее капризов и прихотей. Мы можем принять самое благородное, самое твердое решение — всю свою жизнь следовать выбранному пути, — однако малейшая случайность может увести нас совсем в другую сторону.

Теперь, если господин де Марсак соблаговолит посетить Лаведан в любое время суток, я уже буду ехать по дороге в Париж с намерением признать свое поражение и заплатить залог по пари. Проведя ночь, полную раздумий, и приняв решение следовать этому пути, я вдруг подумал, что потом я смогу вернуться к Роксалане. И хотя тогда я буду действительно бедным человеком, но по крайней мере мои намерения уже не смогут быть неправильно истолкованы.

Из-за этих мыслей я долго не мог заснуть. Когда я наконец погрузился в сон, я почувствовал

себя гораздо счастливее, чем в последние дни. Я был уверен в любви Роксаланы, и мне казалось, что я смогу завоевать ее, как только, поборов свой стыд, который сдерживал меня сейчас, я объяснюсь с ней.

На следующий день, когда я проснулся, утро уже было в полном разгаре. Моя комната была заполнена солнечным светом, а рядом с кроватью стоял Анатолий.

— Сколько времени? — спросил я и вскочил.

— Одиннадцатый час, — сказал он с неодобрением в голосе.

— И вы позволили мне спать? — воскликнул я.

— А мы ничего другого не делаем в Лаведане, даже когда бодрствуем, — проворчал он. — Господину незачем было вставать. — Затем он протянул мне бумагу: — Господин Станислас де Марсак был здесь утром вместе со своей сестрой. Он оставил для вас письмо, сударь.

Удивление и страх тотчас сменились облегчением, так как из слов Анатолия я понял, что Марсак уже уехал. Тем не менее я взял письмо с дурным предчувствием и, пока вертел его в руках, обо всем расспросил старого слугу.

— Он пробыл в замке час, сударь, — сообщил мне Анатолий. — Господин виконт собирался разбудить вас, но он и слышать об этом не хотел. «Если то, что рассказал мне господин де Сент-Эсташ о вашем госте, окажется правдой, — сказал он, — я предпочел бы не встречаться с ним под вашей крышей». «Господин Сент-Эсташ, — отвечал мой хозяин, — не тот человек, к чьим словам может прислушиваться честный дворянин». Но несмотря на это, господин де Марсак был тверд в своем решении, и, хотя он не дал никаких объяснений моему хозяину, вас все-таки не разбудили.

Через полчаса пришла его сестра вместе с мадемуазель. Они прогуливались по террасе, и мадемуазель де Марсак выглядела очень сердитой. Дело обстоит именно так, как говорил господин де Сент-Эсташ, сказала она брату. И тогда он произнес самое чудовищное проклятие, которое я когда-либо слышал, и потребовал письменные принадлежности. Перед отъездом он попросил меня передать вам это письмо. Он уехал в бешенстве, видимо поссорившись с господином виконтом.

— А его сестра? — быстро спросил я.

— Она уехала вместе с ним. Чудесная парочка, ничего не скажешь! — добавил он, подняв глаза.

Я облегченно вздохнул. Они уехали, и, как бы они не опорочили беднягу Рене де Лесперона, их здесь не было, и они не могли разоблачить меня и назвать самозванцем. Мысленно извинившись перед тенью усопшего Лесперона за тот позор, которым я покрыл его имя, я вскрыл это серьезное послание, и из него выпал кусок веревки длиной около тридцати двух дюймов.

«Сударь, — прочитал я, — как только мне представится возможность встретиться с вами, моим долгом будет убить вас».

Обещающее начало, клянусь честью! Если и все послание было написано в таком же бескомпромиссном драматическом стиле, то оно стоило того, чтобы расшифровать его, потому что писал де Марсак жуткими каракулями.

«Именно поэтому, — писал он дальше, — я воздержался от встречи с вами этим утром. Сейчас слишком беспокойное время, и провинция находится в слишком опасном положении, чтобы совершить поступок, который привлечет внимание Хранителя Печати к Лаведану. Вы

остались живы только благодаря моему уважению к господину де Лаведану и благодаря моей преданности делу, которому мы оба служим. Я еду в Испанию, чтобы скрыться от преследований короля.

Спасти себя — это мой долг, который я обязан выполнить как перед собой, так и перед нашим делом. Но у меня есть еще один долг, который я должен выполнить перед моей сестрой, которую вы жестоко оскорбили, и этот долг, ей-богу, я выполню до отъезда. Мы не будем говорить о вашей чести, сударь, по причинам, которые не нужно называть, и я не собираюсь взывать к ней. Но если в вас осталась хоть капля мужества, если вы не полный трус и подлец, я буду ждать вас послезавтра в любой час до полудня в трактире де ла Курон. И там, если вы будете так любезны, мы разрешим наш спор. Для того чтобы вы могли прийти подготовленным и чтобы не терять времени, когда мы встретимся, я сообщаю вам длину моей шпаги».

Так закончилось это сердитое, пышущее огнем письмо. Я задумчиво сложил его и, приняв решение, вскочил с постели и попросил Анатоля помочь мне одеться.

Я застал виконта размышляющим над столь необычным поведением Марсака, но, к счастью, он не мог догадаться о причинах. В ответ на вопросы, с которыми он, естественно, набросился на меня, я заверил его, что это было просто недоразумение; что господин де Марсак предложил мне встретиться с ним в трактире через два дня и что тогда я точно все выясню.

И все-таки я сожалел об этом событии, так как из-за него должен был остаться и еще два дня пользоваться гостеприимством виконта. На все это он отреагировал так, как я и ожидал, заметив, что на данный момент шевалье де Сент-Эсташ, похоже, удовлетворен тем, что поссорил меня с Марсаком.

Из слов Анатоля я уже понял, что Марсак ничего не сказал. Но беседа его сестры и Роксаланы вызывала у меня серьезное беспокойство. Женщины обычно не бывают сдержанны в таких ситуациях. Даже если мадемуазель де Марсак не сказала прямо, что я неверный возлюбленный, все равно я очень боялся, что Роксалана, как и любая женщина, понимающая с полуслова, придет к заключению, что я лгал ей прошлой ночью. С тяжелым сердцем я отправился искать ее. Она гуляла в старом розовом саду за замком.

Сначала она не заметила меня, и некоторое время я мог наблюдать за ней. Она медленно шла по саду. Я заметил, каким печальным было ее лицо. Это была моя работа — моя и Шательро, а также всех остальных веселых господ, которые сидели за моим столом в Париже около месяца назад.

Гравий захрустел под моими ногами, и она обернулась. Увидев меня, она вздрогнула. Кровь прилила к ее лицу и тотчас отхлынула. Она стала бледнее, чем прежде. Сначала она повернулась, чтобы уйти, но затем передумала и стояла неподвижная и внешне спокойная, ожидая моего приближения.

Но глаза ее были опущены, она тяжело дышала, а на лице была маска безразличия. Однако, когда я подошел, она заговорила первой, и банальность ее слов изумила меня, и — несмотря на все мои знания о женщинах — на какое-то мгновение ее спокойствие показалось мне натуральным.

— У вас сегодня утомленный вид, господин де Лесперон. — Усмехнувшись, она повернулась ко мне и сорвала розу.

— Да, — глупо ответил я, — я поздно встал.

— Какой ужас, ведь из-за этого вы не увиделись с мадемуазель де Марсак. Вам сказали, что

она была здесь?

— Да, мадемуазель. Станислас де Марсак оставил письмо.

— Несомненно, вы очень расстроены, что не встретились с ними? — промолвила она.

Я сделал вид, что не заметил вопросительной интонации в ее голосе.

— Это их вина. Похоже, они предпочли не встречаться со мной.

— Вас это удивляет? — гневно вспыхнула она, но быстро взяла себя в руки. С прежним безразличием она добавила: — Вы не выглядите взволнованным, сударь.

— Напротив, мадемуазель, я глубоко взволнован.

— Потому что не встретились со своей... невестой? — спросила она и в первый раз подняла глаза. Наши глаза встретились, и ее взгляд пронзил меня, как кинжал.

— Мадемуазель, я уже имел честь сообщить вам вчера, что я не связан словом ни с одной женщиной.

При упоминании вчерашнего дня она поморщилась, и я пожалел о своих словах, так как они, должно быть, вновь обнажили рану, нанесенную ее гордости. Вчера я почти сказал, что люблю ее, и вчера она ответила, что любит меня, потому что вчера я поклялся, что рассказ Сент-Эсташа о моей помолвке был ложью. Сегодня она получила подтверждение правдивости его слов от самой женщины, с которой был обручен Лесперон, и я мог представить, какие чувства она испытывала.

— Вчера, сударь, — с презрением ответила она, — вы очень много лгали.

— Нет, я говорил чистую правду. О, Боже, мадемуазель, — воскликнул я с внезапной страстью. — Неужели вы не верите мне? Неужели вам не достаточно моего слова, и вы не можете потерпеть, пока я не освобожусь от своих обязательств и объясню вам все?

— Объясните? — сказала она, обжигая меня своим презрением.

— Все это — чудовищное недоразумение. Я пал жертвой обстоятельств. О, я не могу сказать больше. Я легко могу успокоить этих Марсаков. Послезавтра я должен встретиться с господином де Марсаком. У меня в кармане лежит письмо от этого фехтовальщика, в котором он пишет, что с удовольствием убьет меня. Но...

— Я надеюсь, он сделает это, сударь! — оборвала она с такой яростью, что я просто онемел и не смог закончить фразу. — Я буду молиться Богу, чтобы он смог это сделать! — добавила она. — Вы, как никто другой, заслуживаете этого!

Минуту я стоял, пораженный ее словами. Затем я понял причину ее ярости, и внезапная радость охватила меня. Ее ярость была следствием ненависти, до которой, как известно, от любви один шаг, хотя эта ненависть может быть смертельной. И тем не менее ее ярость красноречиво сказала мне о тех чувствах, которые она так тщательно пыталась скрыть, и, движимый внезапным порывом, я шагнул к ней.

— Роксалана, — с жаром произнес я, — вы не хотите этого. Как вы будете жить, если я умру? Дитя мое, вы любите меня так же, как я люблю вас. — Я неожиданно притянул ее к себе с откровенной нежностью, почти с благоговением. — Неужели вы не хотите прислушаться к голосу вашей любви? Неужели вы не можете хоть немного поверить мне? Вы не думаете, что, если бы я был настолько недостойным, как вы себе представляете, эта любовь никогда не смогла бы возникнуть?

— Она не возникла! — крикнула она. — Вы лжете... так же, как и во всем остальном. Я не люблю вас. Я ненавижу вас. Dieu! Как я вас ненавижу!

До сих пор она лежала в моих объятиях, подняв лицо кверху и глядя на меня жалобными, испуганными глазами — как пойманная змеей птица, которая с ужасом, но тем не менее зачарованно смотрит в глаза своего мучителя. Сейчас, когда она заговорила, воля вернулась к ней, и она попыталась вырваться из моих объятий. Но я крепко держал ее. Чем сильнее она ненавидела меня, тем решительнее я становился.

— Почему вы ненавидите меня? — твердо спросил я. — Спросите себя, Роксалана, и скажите мне, какой ответ дает ваше сердце. Разве оно не говорит вам, что вы не ненавидите меня — что на самом деле вы любите меня?

— О, Боже, терпеть такое оскорбление! — вскрикнула она. — Пустите меня, miserablenote 40. Мне что, позвать на помощь? О, вы ответите за это! Если на свете есть Бог, вы будете наказаны.

Но, охваченный страстью, я не отпускал ее, несмотря на просьбы, угрозы и сопротивление. Я был груб, если хотите. Но подумайте, что творилось в моей душе от того, в какое положение я попал, и не судите меня слишком строго. Внезапно я опять обрел смелость, которой мне так не хватало, и решил признаться. Я должен сказать ей. Будь что будет, худшего все равно уже не может случиться.

— Послушайте, Роксалана!

— Я не желаю вас слушать! С меня достаточно оскорблений! Пустите меня!

— Нет, вы должны выслушать меня. Я — не Рене де Лесперон. Если бы у этих Марсаков было побольше терпения и ума, если бы они дождались меня этим утром, они бы сказали вам об этом.

На секунду она прекратила свою борьбу и внимательно посмотрела на меня. Затем с презрительным смешком она возобновила свои усилия еще более яростно, чем прежде.

— Какую новую ложь вы придумали для меня? Пустите меня, я ничего не хочу больше слышать!

— Небо свидетель, я сказал вам правду. Я знаю, насколько дико она звучит, и это — одна из причин, почему я не говорил вам об этом раньше. Но я не могу вынести ваше презрение. Я не смогу смириться с тем, что вы считаете меня лжецом, когда я открыто признаюсь в любви к вам...

Ее сопротивление стало настолько неистовым, что я вынужден был ослабить свои объятия. Но я сделал это столь неожиданно, что она потеряла равновесие и чуть не упала. Чтобы удержаться на ногах, она схватилась за мой камзол, и он расстегнулся.

Мы стояли на некотором расстоянии друг от друга, и она смотрела на меня, белая и дрожащая от гнева. В ее глазах полыхала ненависть, но не выдержав моего прямого, твердого взгляда, она опустила их. Когда она снова подняла глаза, на ее губах появилась улыбка, полная невыразимого презрения.

— Так вы клянетесь, — сказала она, — что вы не Рене де Лесперон? Что мадемуазель де Марсак — не ваша невеста?

— Да, всеми святыми! — страстно воскликнул я.

Она продолжала смотреть на меня с этой насмешливой, презрительной улыбкой.

— Я слышала, — произнесла она, — что самые большие лжецы — это те, которые с готовностью дают клятву. — И задохнувшись от ненависти, сказала: — По-моему, вы что-то уронили на землю. — И не дожидаясь ответа, она развернулась и ушла.

У моих ног лицом кверху лежала миниатюра, которую перед смертью передал мне несчастный Лесперон. Она выпала из моего камзола во время борьбы, и теперь я нисколько не сомневался, что на портрете была изображена мадемуазель де Марсак.

Глава IX НОЧНАЯ ТРЕВОГА

В тот день, возвращаясь после долгой прогулки, — мое незавидное настроение заставляло меня постоянно двигаться — я обнаружил во дворе дорожную карету, готовую к отъезду. Я поднимался по ступенькам замка и столкнулся с идущей вниз мадемуазель. Я отошел в сторону, пропустив ее, и она прошла мимо с высоко поднятой головой, подобрав юбку, чтобы, не дай Бог, не коснуться меня.

Я хотел заговорить с ней, но она смотрела прямо перед собой, и взгляд ее был грозен; кроме того, за нами наблюдало полдюжины слуг. Я низко поклонился — подметая землю пером своей шляпы — и пропустил ее. Я не двинулся с места и остался стоять там, где она прошла мимо меня. Я стоял и смотрел, как она садилась в карету, как карета выехала со двора и с грохотом покатила по мосту, оставляя за собой клубы пыли.

В эту минуту я испытывал чувство полного опустошения и невыразимой боли. Мне казалось, что она ушла из моей жизни навсегда — ничем не искупить свою вину и не вернуть ее после того, что произошло между нами этим утром. Ее гордость уже была задета тем, что рассказала ей мадемуазель де Марсак о наших отношениях, а мое поведение в розовом саду завершило работу и превратило в ненависть те нежные чувства, в которых еще вчера она почти призналась мне. Я был уверен, что теперь она действительно ненавидит меня. Только сейчас я понял, насколько опрометчивым, просто безумным был мой отчаянный поступок, и теперь, с горечью думал я, я лишился последнего шанса когда-либо исправить ситуацию.

Мне уже ничего не поможет, даже если я заплачу свою ставку по пари и вернусь под своим настоящим именем. Да уж, заплачу свою ставку! А в чем, собственно, героизм этого поступка? Разве я не проиграл пари на самом деле? Следовательно, расплата неизбежна.

Глупец! Глупец! Почему я не воспользовался ее настроением, когда мы плыли вниз по реке? Почему я тогда не рассказал ей все об этом безобразном деле с самого начала? Почему я не сказал ей, что, для того чтобы исправить зло, я собираюсь поехать в Париж и заплатить свою ставку, а когда это будет сделано, я вернусь к ней и буду просить ее стать моей женой? Любой разумный человек поступил бы именно так. Он бы увидел, какие опасности подстерегают его в такой ситуации, и предпочел бы предупредить их единственным возможным способом.

О-хо-хо! Дело сделано. Игра подошла к концу, и я сам виноват в том, что проиграл. Осталось выполнить последнюю задачу — встретиться в трактире с Марсаком и восстановить справедливость в отношении бедняги Лесперона. Что может случиться потом, меня не волновало. Я буду разорен после того, как урегулирую свои дела с Шательро, и Марсель де Сент-Пол де Барделис, яркая звезда, сверкающая на небосклоне французского двора, закатится и погаснет навсегда. Но в ту минуту это не имело для меня никакого значения. Я потерял все, что было мне дорого, все, что могло внести радость в мою порочную, сытую жизнь.

Вечером виконт сказал мне, что ходят слухи о смерти маркиза Барделиса. Я равнодушно спросил его, как появились эти слухи, и он ответил, что несколько дней назад крестьяне поймали лошадь, которая, по словам слуг господина де Барделиса, принадлежала хозяину, и, поскольку никто не видел его и не слышал о нем в течение двух недель, решили, что с ним произошел несчастный случай. Даже это сообщение не могло вызвать моего интереса. Пусть считают меня мертвым, если им так хочется. Для человека, пережившего нечто худшее, чем смерть, это не имело большого значения.

Следующий день прошел без каких-либо событий. Мадемуазель по-прежнему отсутствовала. Мне хотелось спросить об этом виконта, но по вполне понятным причинам я не стал этого делать.

На следующий день я должен был покинуть Лаведан, но не было видно никаких приготовлений, никаких сборов. Вы помните, как я прибыл сюда? Все, даже одежду, которую я носил, я получил благодаря щедрому гостеприимству виконта. Мы тихо поужинали вместе — виконт и я, — так как виконтесса не выходила из комнаты.

Я рано ушел в свою комнату и долго лежал с открытыми глазами, размышляя о печальном будущем, которое ожидало меня. Я не думал о том, что буду делать после объяснения с господином де Марсаком, и, насколько помню, меня это совсем не волновало. Я свяжусь с Шательро и сообщу ему, что считаю себя проигравшим. Я отправлю ему долговую расписку, передам ему мои земли в Пикардии и попрошу заплатить моим слугам в Париже и Барделисе и отпустить их.

Что касается меня самого, то я мало беспокоился о том, куда забросит меня жизнь. У меня оставалась еще кое-какая собственность, но у меня не было ни малейшего желания заниматься ею. В Париж я не вернусь; это я решил твердо. Я думал отправиться в Испанию. Однако этот выбор казался мне таким же пустым, как и все остальные. Наконец я заснул с мыслью, что получу прощение и вопрос о моем будущем разрешится сам собой, если я не проснусь больше никогда.

Но мне суждено было проснуться, как раз когда завеса ночи уже начала подниматься, и в воздухе чувствовалось прохладное дыхание рассвета. Я услышал громкий стук в ворота Лаведана, приглушенные голоса, топот ног и звуки хлопающих дверей в замке.

В дверь моей спальни постучали, и когда я открыл, то увидел на пороге виконта в ночном колпаке, рубашке и с зажженной свечой.

— У ворот солдаты! — воскликнул он, войдя в комнату. — Этот мерзавец Сент-Эсташ уже поработал!

Несмотря на все свое возбуждение, внешне виконт был, как всегда, спокоен.

— Что будем делать? — спросил он.

— Вы их, конечно, впустите? — сказал я с вопросом в голосе.

— Да, конечно. — Он пожал плечами. — Как мы можем сопротивляться им? Даже если бы я был готов к этому, мы не смогли бы долго продержаться.

Я завернулся в халат, так как утро было прохладным.

— Господин виконт, — мрачно сказал я, — я искренне сожалею, что дела господина Марсака задержали меня здесь. Если бы не он, я бы покинул Лаведан два дня назад. Я боюсь за вас, но мы, по крайней мере, можем надеяться, что мой арест в вашем доме не повлечет за собой тяжелых последствий для вас. Я никогда не прощу себе, если из-за того, что вы дали мне

укрытие, с вами что-нибудь случится.

— Об этом не может быть и речи, — ответил он с благородством, присущим этому человеку. — Это работа Сент-Эсташа. Я всегда боялся, что рано или поздно это случится. Рано или поздно мы должны были стать врагами из-за моей дочери. Я был в руках у этого подлеца. Он знал о моем участии в последнем восстании, и я был уверен, что, если он захочет причинить мне вред, он, не задумываясь, предаст меня. Боюсь, господин де Лесперон, что не только за вами — а может быть, и вообще не за вами — пришли эти солдаты. Возможно, они пришли за мной.

Не успел я ответить ему, как дверь широко распахнулась и в комнату, в ночном колпаке и в наспех накинутом халате, выглядя настоящей мегерой в этом бесформенном *deshabillenote 41*, ворвалась виконтесса.

— Посмотри, — крикнула она своему мужу, ее резкий голос звенел от возмущения, — посмотри, к чему ты привел нас!

— Анна! Анна! — воскликнул он, подойдя к ней и пытаясь успокоить ее. — Успокойся, детка, будь мужественной.

Но она вырвалась из его объятий и металась по комнате, тощая и злая, как фурия.

— Успокойся? — презрительно повторила она. — Будь мужественной? — У нее вырвался короткий смешок — отчаянное, мрачное, насмешливое выражение гнева. — Неужели, помимо всего прочего, ты еще и наглец? И ты смеешь просить меня успокоиться, быть мужественной в такую минуту? Разве я не предупреждала тебя двенадцать месяцев назад? Ты не обращал внимания на мои слова, ты смеялся надо мной, а теперь, когда мои страхи оправдались, ты просишь меня успокоиться?

Снизу раздался скрип ворот. Виконт услышал его.

— Мадам, — сказал он, отбросив уговоры, и теперь его голос был полон достоинства, — солдат уже впустили в замок. Я прошу вас уйти. Наше положение не позволяет...

— А какое у нас положение? — резко оборвала она. — Мятежники, высланные, бездомные нищие — вот наше положение, благодаря тебе и твоему дурацкому участию в заговоре. Что станет с нами, глупец? Что станет с Роксаланой и со мной, когда они повесят тебя, а нас выселят из Лаведана? Боже правый, подходящее время для разговора о достоинстве! Разве я не просила тебя, *malheureusnote 42*, не вмешиваться в эти распри? Ты смеялся надо мной.

— Мадам, ваша память несправедлива ко мне, — ответил он подавленным голосом. — Я никогда в жизни не смеялся над вами.

— Ну ты недалеко от этого ушел. Разве ты не говорил мне, что я должна заниматься своими делами? Разве ты не говорил мне, что будешь идти своим путем? Ну вот ты и пришел, о Боже! Эти слуги короля заставят тебя пройти еще немного, — продолжала она с жестоким, отвратительным сарказмом. — Тебе придется дойти до эшафота в Тулузе. Это, ты скажешь, твое личное дело? Но разве ты обеспечил будущее своей жены и дочери? Выходит, я вышла за тебя замуж и родила тебе дочь только для того, чтобы мы с ней погибли от голода? Или же ты прикажешь наняться в прислуги или пойти в белошвейки?

Виконт со стоном упал на кровать и закрыл лицо руками.

— Господи, помоги мне! — воскликнул он со страданием в голосе. Это страдание было вызвано не страхом смерти; он страдал от бездушия этой женщины, которая в течение двадцати лет делила с ним кров и постель и которая в минуту несчастья предала его.

— Да, — издевалась она, — проси Бога о помощи, потому что от меня ты ее не дождешься.

Она ходила взад и вперед по комнате, как тигрица в клетке, ее лицо позеленело от злости.

Она больше не задавала ему вопросов; она больше не обращалась к нему; с ее тонких губ одно за другим срывались проклятия, и я содрогнулся от чудовищности ругательств, произносимых женскими устами. Наконец мы услышали тяжелые шаги по лестнице, и, движимый внезапным порывом, я вскричал:

— Мадам, пожалуйста, возьмите себя в руки!

Она повернулась ко мне, ее близко посаженные глаза полыхали от гнева.

— Sangdieu! По какому праву вы... — начала было она.

Но сейчас было не время для женской болтовни; не время для соблюдения этикета; не время для расшаркивания и учтивых улыбок. Я крепко схватил ее за руку и, наклонившись прямо к ее лицу, сказал:

— Folle!note 43

Готов поклясться — ни один мужчина не называл ее таким словом. Она задохнулась от удивления и гнева. Я понизил голос, чтобы меня не услышали приближающиеся солдаты.

— Вы хотите погубить и себя, и виконта? — тихо произнес я. Ее глаза задавали мне вопрос, и я ответил: — Откуда вы знаете, что солдаты пришли за вашим мужем? Вполне возможно, им нужен я — и только я. Скорее всего, они ничего не знают об отступничестве виконта. Вы что, своей тирадой и своими обвинениями хотите сообщить им об этом?

Она раскрыла рот от удивления. Об этом она не подумала.

— Прошу вас, мадам, отправляйтесь в свою комнату и возьмите себя в руки. Скорее всего у вас нет причин для беспокойства.

Она уставилась на меня в смятении и замешательстве, и, хотя она уже не успевала уйти, мое предупреждение прозвучало вовремя.

В этот момент дверь снова открылась, и на пороге возник молодой человек в латах и в шляпе с пером, в одной руке он держал обнаженную шпагу, а в другой — фонарь. За его спиной блестели клинки солдат.

— Который из вас господин Рене де Лесперон? — вежливо спросил он с сильным гасконским акцентом.

Я шагнул вперед.

— Меня называют этим именем, господин капитан, — сказал я.

Он посмотрел на меня с сожалением, как бы извиняясь, и сказал:

— Именем короля, господин де Лесперон, я прошу вас сдаться!

— Я ждал вас. Моя шпага там, сударь, — учтиво сказал я. — Если вы позволите мне одеться, я буду готов идти с вами через несколько минут.

Он поклонился, и сразу стало ясно, что он прибыл в Лаведан — как я и говорил виконтессе — только из-за меня.

— Я благодарен вам за вашу покорность, — сказал этот вежливый господин. Это был симпатичный паренек с голубыми глазами и улыбочивым ртом, которому даже его топорщившиеся усы не смогли придать суровое выражение. — Прежде чем вы начнете одеваться, сударь, я должен выполнить еще одну обязанность.

— Выполняйте свою обязанность, сударь, — ответил я. Он подал знак своим людям, и через минуту они уже рылись в моих вещах. В это время он повернулся к виконту и виконтессе и принес им свои извинения за то, что нарушил их сон, и за то, что грубо отобрал у них гостя. Он говорил, что наступили смутные времена. Он осыпал проклятиями обстоятельства, которые вынуждают его солдат выполнять неприятные обязанности судебного пристава, и надеялся, что мы все равно будем считать его честным дворянином, несмотря на его неприглядные действия.

Из карманов моей одежды они вытащили письма, адресованные Лесперону, которые этот несчастный передал мне перед смертью; среди них было письмо от самого герцога Орлеанского, одного этого письма было достаточно, чтобы повесить целый полк. Кроме того, они взяли письмо господина де Марсака, написанное два дня назад, и медальон с портретом мадемуазель де Марсак.

Они передали бумаги и медальон капитану. Он взял их с осуждением, почти с отвращением, которым были окрашены все его действия, связанные с моим арестом.

Именно из-за отвращения к этой своей работе он предложил мне ехать без конвоя, если я дам ему слово не пытаться бежать.

Мы стояли в зале. Его люди были уже во дворе, и с нами оставались только господин виконт и Анатолий — на лице последнего, как в зеркале, отражалась скорбь его хозяина. Великодушие капитана явно выходило за пределы его полномочий, и это тронуло меня.

— Господин крайне великодушен, — сказал я.

Он раздраженно пожал плечами.

— *Car de diou!* — воскликнул он, и его ругательства напомнили мне о моем друге Казале. — Это не великодушие, сударь. Это желание придать грязной работе более благопристойный вид. Черт меня побери, я не могу вытравить из себя дворянина даже ради самого короля. Кроме того, господин де Лесперон, разве мы с вами не земляки? Разве мы не гасконцы оба? *Pardiou*, во всей Гаскони трудно найти более уважаемое имя, чем Лесперон, и того, что вы принадлежите к такой благородной семье, более чем достаточно для некоторых привилегий, которые я могу предоставить вам своей властью.

— Я даю вам слово не пытаться бежать, господин капитан, — ответил я и поклонился в знак признательности за его добрые слова.

— Я — Миронсак де Кастельру из Шато-Руж в Гаскони, — сообщил он, поклонившись в ответ. Клянусь, если бы он не был хорошим солдатом, он бы смог стать прекрасным учителем этикета.

Мое прощание с господином де Лаведаном было коротким, но сердечным; извиняющимся с моей стороны и сочувствующим — с его. Итак, вдвоем с Кастельру мы отправились по дороге в Тулузу. Своим людям он приказал следовать за нами через полчаса и не торопиться.

Мы ехали не спеша — Кастельру и я. По дороге мы говорили о многих вещах, и я обнаружил, что он интересный и приятный собеседник. Не будь я в таком подавленном настроении, меня бы встревожило то, что он рассказал мне; как оказалось, дела арестованных по обвинению в государственной измене и за участие в последнем мятеже рассматривались весьма

поверхностно. Большинство из них не могли даже выступить в свою защиту. Доказательства их отступничества передавались в трибунал, а решение принимали судьи, которые не желали слушать какие-либо оправдания.

Моя личность была полностью доказана: я сам сообщил свое имя Кастельру; измена Лесперона также была полностью доказана: она была известна всем; да еще письмо герцога, найденное среди моих вещей. Если судьи не пожелают слушать мои заверения в том, что я никакой не Лесперон, а пропавший Барделис, мои проблемы разрешатся очень простым способом. Но я не испытывал никакого страха. Мне было абсолютно все равно. Для меня жизнь уже кончилась. Я погубил единственный шанс на счастье, который мне предоставила судьба, и, если господа судьи в Тулузе отправят меня на плаху, какое это может иметь значение?

Но все-таки было одно дело, которое волновало меня, — мой разговор с Марсаком. И я заговорил об этом с моим стражником.

— Я хотел бы встретиться с одним дворянином в Гренаде сегодня утром. Среди моих бумаг есть письмо, в котором говорится об этой встрече. Господин капитан, я был бы вам очень признателен, если бы вы решили позавтракать там и предоставили мне возможность встретиться с ним. Это дело чрезвычайной важности.

— И оно касается?.. — спросил он.

— Дамы, — ответил я.

— Ах, да! Но в письме он бросает вам вызов, не так ли? Естественно, я не могу позволить вам рисковать своей жизнью.

— Чтобы не расстроить палача в Тулузе? — я рассмеялся. — Не бойтесь. Дуэли не будет, я вам обещаю.

— Тогда я согласен, сударь, и вы встретитесь с вашим другом.

Я поблагодарил его, и мы заговорили о других вещах, следуя по тулузской дороге ранним утром. Наш разговор, сам не знаю как, коснулся Парижа и двора, и, когда я мимоходом сказал, что хорошо знаю Люксембургский дворец, он спросил, не приходилось ли мне встречаться с одним молодым франтом по имени Миронсак.

— Миронсак? — повторил я. — Да, конечно. — И чуть было не сказал, что знаю этого юношу очень близко и очень люблю его, но счел это неразумным. Я лишь спросил: — Вы его знаете?

— Pardiou! — воскликнул он. — Этот парень — мой кузен. Мы оба Миронсаки; он — из Кастельвера, а я, если помните, — Миронсак из Кастельру. Чтобы не путать нас, его называют Миронсак, а меня — Кастельру. Peste! Это не единственное различие. Пока он загорает в высшем свете Парижа — эти Миронсаки из Кастельвера очень богаты, — я, его бедный гасконский брат, вынужден изображать судебного пристава в Лангедоке!

Я взглянул на него с новым интересом, так как упоминание об этом милом Миронсаке напомнило мне ту ночь в Париже, когда я заключил злосчастное пари, и я вспомнил, как этот благородный юноша пытался — но было уже поздно — отговорить меня от этого предприятия, которое выглядело недостойным в его честных глазах.

Мы заговорили о кузене Кастельру, и я дошел до того, что признался в своем расположении к этому юноше. Это еще больше усилило благосклонность, которую мой юный капитан проявлял ко мне с момента моего ареста, и я осмелел настолько, что попросил его оказать

мне еще одну услугу и вернуть мне портрет, который его люди вытащили из моего кармана. Я хотел отдать его Марсаку. Это послужило бы подтверждением моего рассказа.

У Кастельру не было никаких возражений.

— Конечно, — сказал он и протянул мне его. — Прошу прощения, что сам не подумал об этом. Зачем Хранителю Печати этот портрет?

Я поблагодарил его и спрятал медальон в карман.

— Бедняжка! — вздохнул он, в его голосе звучало сочувствие. — Ей-богу, господин де Лесперон, подходящая работа для солдата, не правда ли? *Diable!*^{note 44} От этой работы дворянина просто вывернет наизнанку, и ему придется всю свою жизнь прятаться от глаз честных людей. Если бы я знал, что солдатская служба включает в себя такие гнусности, я бы дважды подумал, прежде чем выбрать ее. Я бы лучше остался в Гаскони и обрабатывал землю, чем заниматься такими делами.

— Мой юный друг, — с улыбкой сказал я, — все, что вы делаете, вы делаете от имени короля.

— Как и всякий палач, — раздраженно ответил он, его усы встали дыбом от презрительной усмешки, которая скривила его рот. — Подумать только! И я приложу руку к слезам, которыми покроются глаза этой прекрасной дамы! *Quelle besogne! Bon Dieu, quelle besogne!*^{note 45}

Я рассмеялся над тем, как он выражал свои страдания в этой причудливой гасконской манере, а он смотрел на меня с удивлением, к которому примешивалось восхищение. Поскольку, если дворянин был настолько мужественным, что мог смеяться в такой ужасной ситуации, он был достоин восхищения.

Глава X ВОССТАВШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ

Было около десяти часов, когда мы въехали во двор таверны де ла Курон в Гренаде.

Кастельру занял симпатичную комнатку на первом этаже с выходящими во двор окнами. Я расспросил хозяина, и он сообщил мне, что господин де Марсак еще не приехал.

— Мы договорились встретиться до полудня, господин Кастельру, — сказал я. — С вашего разрешения я подожду.

Он не возражал. Два часа не имели никакого значения. Мы все встали очень рано, и, как он сказал, он тоже имеет право на отдых.

Я стоял у окна и увидел, как из таверны вышел очень высокий, небрежно одетый дворянин и заговорил с конюхом. Он с трудом передвигался, опираясь на толстую палку. Когда он пошел обратно в таверну, я заметил, что он ужасающе бледен. Что-то в его лице и во всей его фигуре показалось мне знакомым — это озадачило меня, и я продолжал о нем думать, когда мы с Кастельру сели завтракать.

Примерно через полчаса, закончив нашу трапезу, мы сидели и разговаривали. Меня начинало раздражать, что господин де Марсак заставляет себя ждать, как вдруг я услышал топот копыт. Я вновь подошел к окну. Какой-то дворянин на полном скаку въехал в *porte-cochere*^{note 46}. Это был богато одетый худой, энергичный человек. Его смуглое лицо и черная борода придавали ему почти зловещий вид.

— А-а, так ты здесь! — воскликнул он, обращаясь к кому-то на крыльце. — Par la mort Dieu, я даже не надеялся увидеть тебя!

С крыльца раздался удивленный возглас:

— Марсак! Ты здесь?

— Так вот он, этот дворянин! — Он легко спрыгнул на землю, и помощник конюха взял его лошадь. Теперь в моем поле зрения появился этот хромающий дворянин.

— Мой дорогой Станислас! — воскликнул он. — Не могу выразить, как я счастлив видеть тебя! — и с этими словами он направился к Марсаку, раскрыв руки для объятия.

Какое-то время Марсак удивленно смотрел на него ничего не понимающим взглядом. Затем, резко подняв руку, он ударил его в грудь с такой силой, что, если бы не конюх, этот несчастный непременно бы упал. В изумлении больной человек смотрел на своего противника. Марсак шагнул ему навстречу.

— Что это? — грубо закричал он. — Что за притворная немощность? Меня не удивляет твоя бледность, трус! Но откуда эта нетвердая походка? Что это ты такой слабый? Хочешь провести меня?

— Ты что, лишился разума? — воскликнул другой. в его голосе появилась нотка гнева. — Ты сошел с ума, Станислас?

— Оставь свое притворство, — прозвучал презрительный ответ. — Два дня назад в Лаведане мне сообщили, что ты совершенно здоров; из того, что я услышал, мне стало ясно, почему ты задержался там и ничего не сообщил нам о себе. Именно поэтому, как ты, наверное, догадался, я написал тебе. Моя сестра оплакивала твою смерть, а ты в это время сидел у ног своей Роксаланы и наслаждался ее любовью среди роз Лаведана.

— Лаведана? — медленно повторил его противник. И тут он вскипел: — О чем ты говоришь, черт побери? Какой Лаведан?

Внезапно до меня дошло, кто был этот больной дворянин. Роденар, глупец, ошибся, когда сказал, что Лесперон скончался. Теперь ясно, что он просто потерял сознание. Итак, там, внизу, стоял Лесперон собственной персоной, тот самый человек, которого я оставил в сарае близ Мирепуа.

В этот момент я не думал о том, где и как он выздоровел, не пытался раскрыть эту тайну: он был здесь, и этого было достаточно. Одному Богу известно, какие осложнения вызовет его присутствие.

— Прекрати эту комедию! — орал взбешенный Марсак. — Тебе это не поможет. Слезы моей сестры ничего не значат для тебя, но ты заплатишь за них и за то оскорбление, которое ты нанес ей.

— Боже мой, Марсак! — крикнул Лесперон, дойдя до той же степени бешенства. — Может быть, ты объяснишь?

— Да, — прорычал Марсак и обнажил шпагу, — я объясню. Клянусь Богом, я объясню тебе — вот этим! — И он покрутил своей шпагой. — Давай, мой господин, представление окончено. Выброси свой костыль и защищайся; давай, парень, или, sangdieu, я проткну тебя насквозь!

Внизу все пришло в волнение. Хозяин и толпа слуг — официантов и конюхов — бросились между ними и попытались удержать разъяренного Марсака. Но он стряхнул их с себя, как бык стряхивает свору собак. Через мгновение его искрометная шпага расчистила пространство

вокруг него. Его стремительные удары сыпались во все стороны. Один из слуг получил удар в ногу, увидев кровь, он завопил, что его убили. Марсак изрыгал проклятия и угрозы. Судомойка, заняв выгодную позицию на ступеньках, пыталась пристыдить его: она откровенно выражала свое отношение к его поведению, крича, что только самый последний трус может напасть на беспомощного человека, который едва стоит на ногах.

— Po Car de Diou! — выругался Кастельру. — Вы когда-нибудь видели такую суматоху? Что случилось?

Но я не ответил ему. Если я не буду действовать быстро, обязательно прольется кровь. Я был единственным, кто мог все объяснить. Лесперону крупно повезло, что я оказался рядом в момент его встречи с этим драчуном Марсаком. Я забыл об обстоятельствах, которые связывали меня с Кастельру; я забыл обо всем, кроме необходимости немедленно вмешаться. Я посмотрел вниз, примерно в семи футах от нашего окна был козырек крыльца; от него до земли было еще футов восемь. Прежде чем мой гасконский капитан понял, что я собираюсь сделать, я выпрыгнул из окна и приземлился на выступающий козырек. Через секунду я был в самом центре событий, и все глаза устремились на меня. Встревоженный Кастельру, который подумал, что я решил бежать, бросился за мной тем же необычным путем и при этом кричал:

— Господин де Лесперон! Эй! Господин де Лесперон! Mordiou! Вы же дали мне слово, господин де Лесперон!

Трудно было придумать более подходящий способ сдержать натиск Марсака; ничто не могло лучше заставить его выслушать меня, потому что было более чем очевидно, что Кастельру обращался ко мне и что именно меня он называет Леспероном. В мгновение ока я оказался рядом с Марсаком, но не успел вымолвить и слова.

— Что все это значит, черт побери? — спросил он, глядя на меня с подозрением.

— Это значит, сударь, что во Франции есть несколько Лесперонов. Я — тот самый Лесперон, который был в Лаведане. Если вы не верите мне, спросите этого господина, который арестовал меня там прошлой ночью. Спросите его также, почему мы остановились здесь. Попросите его показать вам письмо, которое вы оставили в Лаведане, назначив встречу сегодня здесь до полудня, и которое я получил.

Подозрение погасло в глазах Марсака, и они округлялись от удивления, пока он слушал эти многочисленные доказательства. Лесперон смотрел на меня с не меньшим удивлением, однако я понял по его взгляду, что он не узнает во мне того человека, который пришел ему на помощь в Мирепуа. В конце концов это вполне естественно; ведь мозг человека, находящегося в таком состоянии, в каком он был той ночью, не способен четко воспринимать окружающие предметы, а уж тем более запомнить их.

Не успел Марсак ответить мне, Кастельру уже стоял рядом со мной.

— Тысяча извинений! — засмеялся он. — Даже глупец мог догадаться, зачем вы выпрыгнули в окно, и только глупец мог подозревать, что вы хотите сбежать. Я вел себя недостойно, господин Лесперон.

Я повернулся к нему и, пока все стояли с разинутыми ртами, отвел его в сторону.

— Господин капитан, — сказал я, — вас терзают угрызения совести из-за тех арестов, которые вам приходится совершать, не правда ли?

— Mordiou! — красноречиво согласился он.

— И если вы случайно услышите разговор каких-либо людей, и их слова выдадут в них мятежников, хотя вы никогда бы о них этого не подумали, ваш долг солдата, тем не менее, заставит вас задержать их, так?

— Ну да. Боюсь, что так, — скривился он.

— Но если вас заранее предупредят, что, находясь в определенном месте, вы услышите такие слова, какой путь вы выберете?

— Побегу оттуда, как от чумы, сударь, — быстро ответил он.

— Тогда, господин капитан, могу я еще раз воспользоваться вашим великодушием и попросить вас позволить мне отвести этих спорщиков в нашу комнату и оставить нас там на полчаса?

Искренность была лучшим оружием в общении с Кастельру — искренность и его отвращение к тому, чем ему приходилось заниматься. Что касается Марсака и Лесперона, они оба жаждали получить мои разъяснения, и когда — с разрешения Кастельру — я пригласил их в свою комнату, они с радостью согласились.

Поскольку господин де Лесперон не узнал меня, я решил не сообщать ему свое имя. У меня были все основания для этого. Как только они сели на стулья, я сразу же приступил к сути дела без всяких прелюдий.

— Две недели назад, господа, — сказал я, — меня преследовал отряд драгунов, и я был вынужден переплыть через Гаронну. Я был ранен в плечо и падал от изнеможения, поэтому я постучал в ворота Лаведана и попросил укрытия. Это укрытие, господа, было мне предоставлено, а когда я назвался господином де Леспероном, ко мне отнеслись еще более радушно, потому что некий господин де Марсак, который является другом виконта де Лаведана и сторонником герцога Орлеанского, часто говорил о господине де Леспероне как о своем лучшем друге. Я не сомневаюсь, господа, что вы осудите меня за то, что я ввел виконта в заблуждение. Но у меня были на это причины, о которых, я надеюсь, вы не будете спрашивать, так как я вряд ли смогу ответить вам правду.

— Но вас зовут Лесперон? — раздался возглас Лесперона.

— Это не имеет значения, сударь. Лесперон я или нет, я признаю, что вел себя двулично по отношению к виконту и его семье, так как я, естественно, не тот Лесперон, которого изображал. Но поскольку я принял ваше имя, сударь, я также взял на себя ваши обязательства, и надеюсь, что вы будете милосердны и сможете простить меня. В качестве Рене де Лесперона из Лесперона в Гаскони я был арестован прошлой ночью в Лаведане, и, как вы смогли заметить, меня везут в Тулузу, чтобы предать суду по обвинению в государственной измене. Я не протестовал; в трудную минуту я не отказался от имени, которое помогло мне, когда это было нужно. Я отведал и горечи и радости, и, уверяю вас, господа, горечи было гораздо больше.

— Но так не должно быть, — воскликнул Лесперон, вставая. — Я не знаю, как вы использовали мое имя, но у меня нет никаких оснований считать, что вы каким-либо образом запятнали его, и поэтому...

— Благодарю вас, сударь, но...

— И поэтому я не могу позволить, чтобы вы отправились в Тулузу вместо меня. Где этот ваш офицер? Пожалуйста, позовите его, и мы все поставим на свои места.

— Вы очень великодушны, — спокойно ответил я. — Но я совершил достаточно

преступлений, и поэтому, если со мной случится самое худшее, я просто отвечу за нас обоих.

— Но это меня не касается! — вскричал он.

— Это как раз очень вас касается. Если вы совершите эту страшную ошибку и назоветесь, вы погубите себя, не сделав при этом никакой пользы для меня.

Он по-прежнему возражал, но в конце концов мне все же удалось убедить его, что, выдав себя, он не спасет меня, а только пойдет со мной вместе на эшафот.

— Кроме того, господа, — продолжал я, — мой случай не такой уж безнадежный. У меня есть все основания полагать, что если я в нужный момент назову свое настоящее имя, то, если мне этого захочется, смогу спасти свою голову от плахи.

— Если вам этого захочется? — воскликнули они оба, вопросительно глядя на меня.

— Пусть будет так, — ответил я, — в данный момент это не самое главное. Я хочу, чтобы вы поняли, господин Лесперон, что если я отправлюсь в Тулузу один, то, когда выяснится, что я — не Рене де Лесперон из Лесперона в Гаскони, все решат, что вас нет в живых, а меня признают невиновным. Но если вы поедете со мной и тем самым представите доказательство того, что вы живы, мое стремление выдать себя за вас может погубить меня. Они решат, что я — ваш сообщник, что я хотел обмануть правосудие и что я назвался вашим именем для того, чтобы помочь вам избежать наказания. За это, можете быть уверены, меня сурово накажут.

Теперь вы понимаете, что я буду в безопасности, если вы тихо покинете Францию и заставите всех поверить, что вас нет в живых — эти слухи быстро распространятся, как только я откажусь от вашего имени. Вы понимаете меня?

— С трудом, сударь. Возможно, вы правы. Что ты скажешь, Станислас?

— Что я скажу? — вскричал пылкий Марсак. — Я сгораю от стыда, мой бедный Рене, что я мог так плохо думать о тебе.

Он собирался еще что-то сказать в этом же духе, но Лесперон прервал его и попросил заняться более важным вопросом. Они долго не могли принять решение, так как я напустил много тумана, но наконец, ободренные моими заверениями, что для меня будет лучше, если Лесперон не поедет со мной, они согласились на мои предложения.

Марсак был уже готов к отъезду в Испанию. Его сестра, сказал он нам, ждет его в Каркасоне. Лесперон должен немедленно отправиться вместе с ним, и через сорок восемь часов они будут вне досягаемости.

— Я хочу попросить вас об одном одолжении, господин де Марсак, — сказал я, вставая. — Если у вас будет возможность связаться с мадемуазель де Лаведан, не могли бы вы ей сказать, что я — не тот Лесперон, который помолвлен с вашей сестрой.

— Я скажу ей об этом, сударь, — с готовностью ответил он; и вдруг в его глазах появилось выражение понимания и откровенной жалости. — Боже мой! — воскликнул он.

— Что такое, сударь? — спросил я, пораженный его внезапным возгласом.

— Не спрашивайте меня, сударь, не спрашивайте. На мгновение я забыл, разволновавшись от всех этих откровений. Но... — он замолчал.

— Что, сударь?

Он задумался, затем снова посмотрел на меня с тем же сочувствием.

— Лучше сказать вам об этом, — промолвил он. — Однако мне трудно это сделать. Теперь мне многое стало ясно. Вы... вы не подозреваете, почему вас арестовали?

— За мое предполагаемое участие в последнем мятеже?

— Да, да. Но кто сообщил о вашем местонахождении? Кто сказал Хранителю Печати, где вас нужно искать?

— Ах, это? — спокойно ответил я. — На этот счет у меня не было никаких сомнений. Это сделал Сент-Эсташ. Я высек его...

Я внезапно замолчал. В смуглом лице Марсака, в его взгляде было что-то такое, какая-то невысказанная правда. И я вдруг понял.

— Матерь Божья! — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что это сделала мадемуазель де Лаведан?

Он молча кивнул головой. Неужели она так ненавидела меня? Неужели только моя смерть сможет облегчить ее страдания? Неужели я полностью уничтожил любовь, которую она какое-то время испытывала ко мне, и довел ее до того, что она смогла передать меня в руки палачу?

Боже! Какой удар! Меня замутило от горя и от злости — не на нее, о, нет, не на нее, а на судьбу, которая все подстроила.

Я взял себя в руки, поскольку их глаза были все еще устремлены на меня. Я подошел к двери и открыл ее. Они, понимая мое отчаяние, были достаточно тактичны, чтобы обойтись без долгих прощаний. Марсак задержался на пороге, как будто хотел сказать мне что-нибудь утешительное. Но, видимо, чувствуя, что любые слова прозвучат сейчас слишком банально и только усилят боль открывшейся раны, он вздохнул и просто сказал:

— Прощайте, сударь! — И пошел своей дорогой.

Когда они ушли, я вернулся к столу, сел и обхватил голову руками. За всю свою легкую, счастливую жизнь я никогда не испытывал такого страшного горя. Представить только, что она могла совершить такой поступок! Женщина, которую я любил, чистая, нежная, невинная девочка, за которой я так пылко ухаживал в Лаведане, могла опуститься до такого предательства! До чего я довел ее!

Вскоре мое отчаяние сменилось успокоением. Я был потрясен этим неожиданным известием и на какое-то время лишился рассудка. Теперь, когда боль притупилась, я понял, что ее поступок был доказательством — неоспоримым доказательством — глубины ее чувств. Такую ненависть могла породить только сильная любовь; реакция всегда соизмеряется с действием, которое ее вызвало, и глубокое отвращение может быть вызвано только глубокой привязанностью. Если бы я был безразличен ей или если бы для нее это было лишь мимолетным увлечением, она бы не страдала так сильно.

Теперь я понял, насколько мучительной должна была быть ее боль, если она довела ее до такого поступка. Но она любила меня, да и сейчас любит, хотя думает, что ненавидит, и хотя поступила так, как если бы ненавидела. Даже если я ошибаюсь, даже если она действительно ненавидит меня, каковы будут ее чувства, когда она узнает, что — какими бы ни были мои прегрешения — ее любовь не была для меня игрушкой; что я не был, как она считала, помолвлен с другой женщиной!

Эта мысль разогрела мне кровь, как бокал крепкого вина. Мое безразличие улетучилось, и

мне уже не было все равно, умру я или буду жить. Я должен жить. Я должен назвать свое настоящее имя Хранителю Печати и судьям в Тулузе. Какие могут быть сомнения? Барделис Великолепный должен вновь вернуться к жизни, и тогда... Что тогда?

Мое возбуждение быстро сменилось унынием. Уже появился слух о смерти Барделиса. Я не сомневаюсь, что за этими слухами последует рассказ о пари, которое привело его в Лангедок. И что тогда? Будет ли она любить меня сильнее? Будет ли она меньше ненавидеть меня? Если сейчас она убеждена, что я посмеялся над ее любовью, и это убеждение глубоко ранило ее, не будет ли она столь же сильно задета, когда узнает правду?

Да, запутанный клубок. Однако я был полон решимости. Теперь нужно было срочно осуществить мое прежнее намерение — только так я мог искупить вину в ее глазах. Я должен заплатить свой проигрыш прежде, чем вновь смогу отправиться к ней, хотя при этом я лишусь всего своего великолепия. А пока я молил Бога, чтобы она ничего не узнала до моего возвращения к ней.

Глава XI УПОЛНОМОЧЕННЫЙ КОРОЛЯ

По-моему, этот самый дружелюбный из всех гасконских кадетов, господин де Кастельру, достоин самой высокой похвалы. По отношению ко мне он проявил себя как доблестный, великодушный и благородный дворянин, и быть его пленником доставляло даже некоторое удовольствие. Он ничего не спросил о моей беседе с этими двумя господами в таверне де ла Курон, и, когда я попросил его передать пакет тому, что повыше, он сделал это без единого вопроса. В пакете был портрет мадемуазель де Марсак, но на конверте была записка для Лесперона с просьбой не открывать пакет до прибытия в Испанию.

До нашего отъезда из таверны я больше не видел ни Марсака, ни Лесперона.

В момент выезда произошел любопытный эпизод. Когда мы сели на лошадей, во двор въехали драгуны Кастельру. Они построились по команде лейтенанта, чтобы дать нам проехать, но, когда мы подъехали к воротам, нас задержала дорожная карета, явно прибывшая из Тулузы и заехавшая сменить лошадей. Нам с Кастельру пришлось отъехать назад, и мы оказались в кругу драгунов и так стояли, пока проезжала карета. Когда она поравнялась с нами, одна из занавесок открылась, и мое сердце бешено заколотилось при виде бледного женского лица с голубыми глазами и каштановыми локонами, обрамлявшими стройную шею. Ее взгляд упал на меня, безоружного, в окружении солдат, и я низко поклонился, опустив голову к самому загривку лошади и сняв шляпу для приветствия.

Занавеска снова задернулась и скрыла лицо предавшей меня женщины. Я молча ехал рядом с Кастельру, в голове у меня роилось множество самых невероятных предположений о том, какие чувства она могла испытывать, когда увидела меня. Раскаивалась ли она? Было ли ей стыдно? Какие бы чувства она ни испытывала при виде меня, совершенно очевидно, что скоро она будет мучиться от угрызений совести, так как в таверне де ла Курон были те, кто раскроет ей глаза.

Мысль о том, как она будет страдать и раскаиваться, когда узнает правду и по-другому будет расценивать то, что я говорил ей в Лаведане, наполнила меня печалью и жалостью. Мне не терпелось скорее добраться до Тулузы и рассказать судьям о произошедшей ошибке. Они наверняка слышали мое имя, и мне казалось, что одно упоминание заставит их приостановить дело и навести справки прежде, чем отправить меня на эшафот. Однако не могу сказать, что я был совершенно спокоен, так как рассказ Кастельру о том, насколько поверхностно рассматривались дела осужденных до обвинению в государственной измене,

внушал мне некоторые опасения.

Поэтому я решил поговорить с моим стражником об этих процессах и узнать имена судей. Я выяснил, что, помимо обычного трибунала, его величество назначил специального уполномоченного, который вот-вот должен прибыть в Тулузу. Его миссия будет заключаться в руководстве и надзоре за расследованием. Он также добавил, что сам король едет в Тулузу, чтобы присутствовать на суде над господином герцогом де Монморанси. Но он ехал с частыми остановками, и поэтому его прибытие ожидалось лишь через несколько дней. Когда я услышал это, мое сердце подпрыгнуло от радости, но тут же упало при мысли о том, что меня могут казнить до приезда короля. Мне следовало искать помощи в другом месте и попытаться найти человека, который смог бы под присягой опознать меня.

— Вам известно имя королевского уполномоченного? — спросил я.

— Это некий граф де Шательро, дворянин, который, говорят, пользуется большой благосклонностью короля.

— Шательро! — воскликнул я с радостным изумлением.

— Вы его знаете?

— Просто превосходно! — рассмеялся я. — Мы очень близко знакомы.

— Ну тогда, сударь, я думаю, дружба с этим господином поможет вам выбраться из беды. Хотя... — будучи очень добрым и мягким человеком, он замолчал.

Я рассмеялся.

— Я действительно надеюсь на это, мой дорогой капитан, — сказал я, — хотя в нашем мире дружба — это такое понятие, которое мало знакомо неудачникам.

Однако я рано радовался, как вы вскоре узнаете.

Мы продолжали наш путь, который лежал вдоль плодородных берегов Гаронны. Сейчас они были золотыми от колосившейся пшеницы. Вечером мы сделали последнюю остановку в Фенуле, откуда оставалось два часа езды до Тулузы.

На почтовой станции мы догнали карету, которая остановилась, очевидно, для того, чтобы сменить лошадей, и которую я едва удостоил взглядом.

Пока Кастельру договаривался насчет лошадей, я прошел в общую комнату и несколько минут обсуждал с хозяином наше меню. Когда я наконец решил, что холодный пирог и бутылка арманьяка удовлетворит наши потребности, я огляделся вокруг и стал рассматривать остальных путешественников. Вдруг одна группа в дальнем углу настолько привлекла мое внимание, что я не услышал голоса Кастельру, который только что вошел и стоял рядом со мной. В центре этой группы был сам граф Шательро, коренастый, угрюмый, одетый с присущим ему похоронным великолепием.

Но мое изумление вызвал не он. Благодаря сообщению Кастельру я был готов к встрече с ним и прекрасно понимал, почему он здесь находится. Мое удивление было вызвано тем, что среди окружающих его людей, которые явно были его свитой, я увидел Сент-Эсташа. У меня, знавшего о предательских наклонностях шеваляе, было достаточно причин для удивления, когда я встретил его в такой компании. Было также очевидно, что он в очень близких отношениях с графом, так как, когда я посмотрел на него, он фамильярно шептал что-то на ухо Шательро.

Их взгляды — и взгляды всей компании — были устремлены на меня. Возможно, не было

ничего удивительного в том, что Шательро так странно смотрел на меня, ведь наверняка он слышал о том, что я умер? Кроме того, я был без шпаги и рядом со мной стоял королевский офицер, что являлось достаточным доказательством моего положения. Он, очевидно, понял, что я — пленник и, вероятно, поэтому так уставился на меня.

Я увидел, как он вздрогнул от того, что говорил ему Сент-Эсташ, и выражение его лица странно изменилось. Сначала оно выражало замешательство, поскольку, думая, что я мертв, он несомненно считал себя победителем, а теперь, когда он увидел меня живым, эта приятная убежденность рассыпалась в прах. Но сейчас его лицо выражало облегчение и что-то еще, похожее на злое коварство.

— Это, — сказал мне на ухо Кастельру, — и есть королевский уполномоченный.

Как будто я этого не знал. Не ответив ему, я пересек комнату и протянул Шательро свою руку — через стол.

— Мой дорогой граф, — воскликнул я, — мы встретились весьма удачно.

Я хотел еще что-то добавить, но что-то в его взгляде заставило меня замолчать. Он повернулся ко мне боком и стоял, положив руку на бедро, откинув свою массивную голову назад и немного набок, с выражением холодного и презрительного изумления.

Если его взгляд наполнил меня удивлением и дурным предчувствием, можете себе представить, как на меня подействовали его слова.

— Господин де Лесперон, я просто поражен вашей наглостью. Если мы когда-то и были знакомы, неужели вы думаете, что это достаточно веское основание, чтобы я мог подать вам руку теперь, когда вы заняли такую позицию, которая не позволяет верному слуге его величества знать вас?

Я отшатнулся от него, мой мозг не мог постичь всей глубины этого невероятного поведения.

— Это вы мне, Шательро? — выдохнул я.

— Вам? — внезапно вскипел он. — А что же вы еще ожидали, господин де Лесперон?

Мне хотелось уличить его во лжи, разоблачить его как низкого обманщика и подлого мошенника. Я вдруг понял значение этой его замечательной выходки. От Сент-Эсташа он узнал о том, что произошла ошибка, и ради своего пари решил оставить все как есть и побыстрее отправить меня на плаху. Что еще я мог ожидать от человека, который втянул меня в такое пари, заранее зная, что он выиграет? Разве тот, кто нечестно сдает карты, упустит возможность снова обмануть в процессе самой игры?

Как я уже сказал, у меня была мысль уличить его во лжи. Я хотел крикнуть, что я не Лесперон и он знает, кто я на самом деле. Но я сразу же понял тщетность этого крика отчаяния. Я стоял перед ним и его свитой — ухмыляющийся Сент-Эсташ среди них — и, боюсь, выглядел очень глупо.

— В таком случае мне больше нечего сказать, — наконец пробормотал я.

— Нет есть! — возразил он. — Придется сказать еще очень много. Вам придется рассказать о вашем предательстве, и я боюсь, мой бедный мятежник, что вашей симпатичной голове придется расстаться с вашим стройным телом. Мы с вами встретимся в Тулузе. Все, что должно быть сказано, будет сказано там, на суде.

Меня охватил ужас. Я был обречен. Этот человек, в чьей власти будет находиться провинция до приезда короля, сделает все, чтобы не нашлось ни одного человека, который смог бы

узнать меня. Он быстро разыграет комедию суда надо мной, который закончится трагедией моей казни. К моим заверениям в том, что произошла ошибка и что меня зовут Барделис, если мне придется кого-нибудь заверять, отнесутся с презрением и не обратят на них никакого внимания. Боже мой! В какую историю я себя втянул! Во всем этом была какая-то доля комедии — мрачной трагикомедии, если хотите, но все же комедии. Я заключил пари, что завоюю женщину. И именно эта женщина предала меня и передала в руки того человека, с которым я заключил пари.

Но это было не все. Как я сказал Миронсаку той ночью в Париже, когда все началось, это была дуэль между Шательро и мной — дуэль за благосклонность короля. Мы были соперниками, и он жаждал моего отстранения от двора. Ради этого он втянул меня в сделку, которая должна была завершиться моим финансовым крахом, и тем самым вынудить меня отказаться от роскошной жизни в Люксембургском дворце. И тогда он станет единственным и неоспоримым фаворитом его величества, и все королевские милости будут принадлежать только ему. Теперь Судьба вложила в его руку более надежное и смертоносное оружие, оружие, которое не только сделает его обладателем моего богатства, но и удалит меня навсегда, оружие, в тысячу раз более эффективное, чем просто мое разорение.

Я был обречен. Теперь я полностью осознал это, и страшное чувство горечи охватило меня. Никто не заметит моего исчезновения, и никто не будет оплакивать меня; как мятежник, под чужим именем и с чужими грехами на своих плечах, я, почти незамеченный, отправлюсь на плаху. Барделис Великолепный — маркиз Марсель де Сент-Пол де Барделис, величие которого было известно всей Франции, — исчезнет, как оплывшая свеча.

Эта мысль привела меня в страшное бешенство, которое часто бывает следствием беспомощности, — такое бешенство, наверное, испытывают обреченные на вечные муки в аду. В эту минуту я забыл свою заповедь, что дворянин ни в каких ситуациях не должен давать волю гневу. В слепой ярости я бросился через стол и схватил подлого мошенника за горло прежде, чем кто-либо из его свиты успел остановить меня.

Он был крупным человеком, хотя и невысоким. Он обладал невероятной силой. Однако в этот момент ярость придавала мне такие силы, что я сбил его с ног, как будто он был тщедушным, хилым существом. Я затащил его на стол и начал колотить по лицу с величайшим наслаждением.

— Ты — обманщик, мошенник, вор! — рычал я, как взбесившаяся дворняжка. — Король узнает об этом, подлец! Ей-богу, узнает!

Наконец они оттащили меня от него — эти его комнатные собачки, -сбили меня с ног, и я очутился на пыльном полу. Если бы не вмешательство Кастельру, они скорее всего разделались бы со мной прямо тогда.

Но с букетом своих «mordious», «sangdious» и «po'car de dious» маленький гасконец бросился к моему распростертому телу, встал перед ними и именем короля приказал отойти.

Шательро, крайне потрясенный, рухнул на стул. Его лицо стало багровым, из носа струилась кровь. Он встал, но сначала не мог вымолвить ни слова и издавал только какие-то бессвязные, яростные звуки.

— Как ваше имя, сударь? — наконец промычал он, обращаясь к капитану.

— Амеде де Миронсак де Кастельру, Шато-Руж в Гаскони, — ответил мой стражник торжественно.

— Почему вы разрешаете своим пленникам свободно разгуливать? Кто дал вам такое право?

— Мне не нужно никаких прав, сударь, — ответил гасконец.

— Да? — заорал Шательро. — Посмотрим. Подождите, мы еще встретимся в Тулузе, мой дерзкий друг.

Кастельру вытянулся. Он стоял прямой, как рапира, его лицо слегка покраснело, а глаза наполнились гневом, однако он не растерялся и смог взять себя в руки.

— У меня есть приказ Хранителя Печати арестовать господина де Лесперона и доставить его, живым или мертвым, в Тулузу. Как я буду выполнять этот приказ — мое личное дело, и, если кто-то позволяет себе резко критиковать мои действия, я расцениваю это как сомнение в моей честности и нанесение мне оскорбления. А тот, кто наносит мне оскорбление, сударь, кто бы он ни был, должен дать мне сатисфакцию. Я прошу вас учесть это обстоятельство.

Его усы оцетинились, он выглядел свирепым и разъяренным. В какое-то мгновение я испугался за него. Но граф, очевидно, предпочел не ввязываться в ссору, из которой он явно не выйдет победителем, даже несмотря на то, что он — уполномоченный короля. Офицер и граф обменялись сомнительными комплиментами, после чего, дабы избежать дальнейших неприятностей, Кастельру препроводил меня в нашу комнату, где мы поужинали в угрюмом молчании.

Только через час, когда мы оседлали лошадей и тронулись в путь, я объяснил Кастельру причину моего безумного нападения на Шательро.

— Вы совершили крайне опрометчивый и неразумный поступок, сударь, — с сожалением сказал он, и в ответ на это я выплеснул всю свою историю. Я пришел к мысли рассказать ему обо всем, еще когда мы ужинали, поскольку Кастельру был теперь моей единственной надеждой. И пока мы ехали под звездами сентябрьской ночи, я раскрыл ему свое настоящее имя.

Я сказал ему, что Шательро знает меня, и рассказал о нашем пари — не касаясь его сути, — которое привело меня в Лангедок и поставило меня в столь затруднительное положение. Поначалу он слушал меня с недоверием, но когда наконец я убедил его страстностью своих заверений, он высказал такое мнение о графе де Шательро, что я тотчас же всем сердцем полюбил его.

— Вы видите, мой дорогой Кастельру, что теперь вы — моя последняя надежда, — сказал я.

— Но очень слабая, мой бедный господин! — простонал он.

— Нет, это не так. Мой управляющий Роденар и около двадцати моих слуг должны быть где-то между Лангедоком и Парижем. Прикажите искать их, и будем молить Бога, чтобы они еще были в Лангедоке и их нашли вовремя.

— Это будет сделано, сударь, обещаю вам, — торжественно ответил он. — Но я умоляю вас не слишком надеяться на это. Шательро имеет все полномочия действовать безотлагательно, и можете быть уверены, он не будет терять времени после того, что произошло.

— Тем не менее у нас есть два или три дня, а за это время вы должны сделать все возможное, мой друг.

— Можете рассчитывать на меня, — пообещал он.

— А пока, Кастельру, — сказал я, — не говорите никому ни слова об этом.

Он обещал мне это, и вскоре впереди показались огни, возвещавшие об окончании нашего

путешествия.

Эту ночь я провел в темной и сырой тюремной камере в Тулузе без всякой надежды на то, что кто-нибудь составит мне компанию в эту тяжелую, бессонную ночь.

Мою душу заполняла тупая ярость, когда я думал о своем положении, поскольку я и без Кастельру знал, насколько мала надежда на то, что он сможет вовремя найти Роденара и моих слуг и спасти меня. Единственным утешением были, пожалуй, мысли о Роксалане. Во мраке моей камеры мне виделось ее нежное девичье лицо. Мне представлялось, что на нем лежала печать сожаления и скорби обо мне и о том, что она сделала.

Я был уверен в том, что она любит меня, и поклялся, если я останусь жив, все равно завоевать ее, несмотря на все преграды, которые сам себе возвел.

Глава XII ТРИБУНАЛ В ТУЛУЗЕ

Я надеялся, что пробуду в тюрьме несколько дней, прежде чем предстану перед судом, и что за это время Кастельру, может быть, удастся отыскать кого-нибудь, кто сможет опознать меня. Поэтому можете представить себе мой ужас, когда на следующее утро меня вызвали в суд и я предстал перед судьями.

Из тюрьмы в здание суда меня вели в кандалах, как какого-нибудь вора, -закон требовал, чтобы этому оскорблению подвергались все обвиняемые в тех преступлениях, которые были приписаны мне. Расстояние было коротким, но мне показалось оно слишком длинным, и это неудивительно. Когда я проходил, люди выстраивались в ряд и осыпали меня градом оскорбительных насмешек, поскольку Тулуза была преданным своему королю городом. Недалеко от здания суда, в толпе я вдруг увидел лицо, при виде которого застыл от изумления. И сразу же получил удар в спину толстым концом пики одного из моих охранников.

— Ну что у вас там случилось? — раздраженно спросил он. — Вперед, monsieur le traître!^{note 47}

Я пошел дальше, не обратив внимания на его грубость, я продолжал смотреть на это лицо — белое, жалобное лицо Роксаланы. Я улыбнулся, пытаюсь одобрить и утешить ее, но моя улыбка еще больше усилила тот ужас, который был написан на ее лице. Затем она исчезла из виду, и мне осталось только догадываться о причинах, побудивших ее вернуться в Тулузу. Может быть, сообщение, которое ей должен был передать вчера Марсак, заставило ее приехать сюда, чтобы быть рядом со мной в последние минуты моей жизни; а может быть, для ее возвращения были более веские основания? Может быть, она надеялась исправить зло, которое она причинила? Увы, бедное дитя! Если у нее и были такие надежды, боюсь, что они окажутся тщетными.

Я бы очень кратко описал этот суд, если бы мой рассказ не требовал большего. Даже сейчас, когда прошло много лет, у меня перехватывает горло при воспоминании, в какую пародию эти господа от имени короля превратили правосудие. Я допускаю, что времена были очень тревожные, и могу понять, что в случаях гражданских волнений и мятежей, может быть, и целесообразно быстро расправляться с мятежниками, но никакие оправдания не могут заставить меня забыть и простить методы проведения этого трибунала.

Суд проходил при закрытых дверях. Его вел Хранитель Печати — худой морщинистый человек, затхлый и высохший, как пергаменты, среди которых проходила его жизнь. Ему

помогали шестеро судей, а справа от него сидел королевский уполномоченный господин де Шательро — синяки на его лице свидетельствовали о нашей вчерашней встрече.

Когда меня попросили назвать мое имя и место жительства, я привел всех в некоторое замешательство своим наглым ответом:

— Я — господин Марсель де Сент-Пол, маркиз де Барделис из Барделиса в Пикардии.

Председатель — то есть Хранитель Печати — вопросительно посмотрел на Шательро. Но граф лишь улыбнулся и указал на что-то в бумаге, развернутой на столе. Председатель кивнул.

— Господин Рене де Лесперон, — сказал он, — возможно, суд не сможет определить, является ли ваше заявление умышленной попыткой ввести нас в заблуждение, или же, либо как последствие ваших ран, либо как Божья кара, вы стали жертвой галлюцинаций. Но суд желает, чтобы вы поняли, что у него нет никаких сомнений по поводу вашей личности. Бумаги, найденные при вас в момент вашего ареста, а также другие известные нам сведения исключают всякую возможность ошибки в этой связи. Следовательно, мы просим, в ваших же собственных интересах, отказаться от этих ложных заявлений, если вы еще в своем уме. Вашей единственной надеждой на спасение могут быть только правдивые ответы на наши вопросы, и даже тогда, господин де Лесперон, надежда на то, что мы вас оправдаем, очень мала, можно сказать, что никакой надежды нет вовсе.

Наступила пауза, во время которой другие судьи кивали головами, с глубокомысленным видом одобряя слова своего председателя. А я молча ждал следующего вопроса, понимая, что мои дальнейшие возражения не принесут мне никаких плодов.

— Вы были арестованы, сударь, два дня назад в имении господина де Лаведана отрядом драгун под предводительством капитана де Кастельру. Это так?

— Это так, сударь.

— И в момент вашего ареста, когда вас называли Рене де Леспероном, вы не отреклись от этого имени; напротив, когда господин де Кастельру спросил господина де Лесперона, вы вышли вперед и сказали, что это вы.

— Простите, сударь. Я сказал только, что меня называют этим именем.

Председатель зло усмехнулся, и лица судей приняли точно такое же выражение.

— Такие детали, господин де Лесперон, характерны для слабоумных, — сказал он. — Боюсь, это вам не поможет. Человека обычно называют его именем, разве не так?

Я не ответил ему.

— Может быть, нам следует пригласить господина де Кастельру, чтобы он подтвердил мои слова?

— В этом нет необходимости. Поскольку вы допускаете, что я мог сказать, что меня называют этим именем, но отказываетесь увидеть различия между этим и утверждением, что меня зовут Лесперон, я думаю, бессмысленно вызывать капитана.

Председатель кивнул, и на этом вопрос был исчерпан. Он продолжал спокойно, как будто не было никаких проблем с моим именем.

— Вы обвиняетесь, господин де Лесперон, в государственной измене в самой страшной и опасной форме. Вы обвиняетесь в вооруженном выступлении против его величества. Вам

есть что сказать?

— Я могу сказать, что это ложь, сударь; что у его величества нет более преданного и любящего подданного, чем я.

Председатель пожал плечами, и на его лице мелькнула тень раздражения.

— Если вы явились сюда только для того, чтобы отрицать мои утверждения, боюсь, мы напрасно теряем время, — вспыхнул он. — Если вы желаете, я могу пригласить господина де Кастельру, чтобы он под присягой сказал, что, когда вас арестовали и предъявили вам обвинение, вы ничего не отрицали.

— Естественно, нет, сударь, — воскликнул я, слегка разозленный этим умышленным игнорированием важных фактов, — потому что я понимал, что господин де Кастельру должен арестовать меня, а не судить. Господин де Кастельру — офицер, а не трибунал, и отрицать что-либо перед ним было бы пустым сотрясением воздуха.

— Ах! Очень ловко, очень ловко, господин де Лесперон, но вряд ли убедительно. Продолжим. Вы обвиняетесь в участии в нескольких перестрелках с армиями маршала де Шомберга и Ла Форсаноте 48 и, наконец, в содействии господину де Монморанси во время битвы при Кастельнодари. Что вы можете сказать?

— Что это — абсолютная ложь.

— Однако ваше имя, сударь, значится в списке, найденном среди бумаг господина герцога де Монморанси.

— Нет, сударь, — упрямо отрицал я, — это не так.

Председатель ударил по столу с такой силой, что все бумаги разлетелись в разные стороны.

— Par la mort dieu! — закричал он с самым неподобающим выражением гнева для человека, занимающего такой пост. — С меня достаточно ваших возражений. Вы забываете, сударь, о вашем положении...

— По крайней мере, — грубо прервал я, — не более, чем вы забываете о своем.

Хранитель Печати хватал ртом воздух, а его братья судьи сердито переговаривались между собой. На лице Шательро по-прежнему играла сардоническая усмешка, но он не произнес еще ни слова.

— Мне бы хотелось, господа, — вскричал я, обращаясь к ним всем, — чтобы его величество присутствовал здесь и увидел, как вы проводите свои заседания и позорите его суды. Что касается вас, господин председатель, вы нарушаете свои священные обязанности, давая волю гневу; это непростительно для судьи. Я ясно сказал вам, господа, что я не Рене де Лесперон, чьи преступления вы ставите мне в вину. Однако, несмотря на все мои возражения, игнорируя их или объясняя их бесполезной попыткой защитить себя, или галлюцинациями, жертвой которых, по вашему мнению, я стал, вы продолжаете вменять мне в вину эти преступления, а когда я отрицаю ваши обвинения, вы говорите о доказательствах, применимых к другому человеку.

Как присутствие имени Лесперона в бумагах герцога Монморанси может доказать мою виновность в государственной измене, если я говорю вам, что я — не Лесперон? Если бы у вас было хоть малейшее, хоть отдаленное чувство долга, господа, вы бы попросили меня объяснить, как случилось, если то, что я говорю, является правдой, что меня приняли за Лесперона и арестовали вместо него. Затем, господа, вы могли бы попытаться проверить достоверность моих заявлений, но ваше заседание нельзя назвать судом, это просто

убийство. Правосудие представлено добродетельной женщиной с завязанными глазами и с беспристрастными весами в руке, но вы, господа, ей-богу, превратили ее в шлюху, сжимающую чаевые в кулаке.

Циничная ухмылка Шательро стала еще шире во время моей речи, которая разожгла ненависть в сердцах этих величественных господ. Хранитель Печати то бледнел, то краснел, и, когда я закончил, наступила выразительная тишина, которая длилась несколько мгновений. Наконец председатель наклонился к Шательро и шепотом посоветовался с ним. Затем напряженно-спокойным голосом — таким же спокойным, как природа перед надвигающейся грозой, — он спросил меня:

— Кто же вы на самом деле, сударь?

— Я один раз уже сказал вам, и позволю себе заметить, что мое имя не так просто забыть. Я — господин Марсель де Сент-Пол, маркиз де Барделис из имения Барделис в Пикардии.

Его губы раздвинулись в хитрой усмешке.

— У вас есть свидетели, которые могут подтвердить это?

— Сотни, сударь! — с готовностью ответил я, чувствуя, что спасение уже у меня в руках.

— Назовите кого-нибудь из них.

— Я назову вам одного — одного, в чьих словах вы не посмеете усомниться.

— И кто же это?

— Его величество король. Мне известно, что он едет в Тулузу, и я прошу вас, господа, дождаться его приезда и только потом продолжать заседание.

— Не можете ли вы назвать каких-либо других свидетелей, сударь? Кого-нибудь, кто смог бы быстро приехать сюда. Поскольку, если вы на самом деле тот человек, на имя которого вы претендуете, зачем вам томиться в тюрьме несколько недель?

Его голос был мягким и вкрадчивым. Гнев испарился, и я, как глупец, решил, что это благодаря моему упоминанию о короле.

— Все мои друзья сейчас либо в Париже, либо в кортеже его величества, и поэтому они вряд ли придут сюда раньше него. Есть еще мой управляющий Роденар и мои слуги — около двадцати человек, — которые могут быть еще в Лангедоке и которых я попросил бы вас найти. Их вы можете найти через несколько дней, если они еще не решили вернуться в Париж, считая меня мертвым.

Он задумчиво погладил подбородок, его глаза были подняты к освещенному солнцем стеклянному куполу.

— Ага! — вздохнул он. Было непонятно, что означает этот вздох, не то сожаление, не то раздражение. — Значит, в Тулузе нет ни одного человека, который мог бы подтвердить вашу личность?

— Боюсь, что нет, — ответил я. — Я никого здесь не знаю.

Когда я произнес эти слова, выражение лица председателя изменилось так резко, как будто он взял и снял маску. Из мягкого, доброжелательного человека, каким он был несколько мгновений назад, он вдруг превратился в свирепого тигра. Он вскочил на ноги, лицо побагровело, глаза метали молнии, а слова полились горячим, сбивчивым, почти бессвязным

ПОТОКОМ.

— Meserable! — прорычал он. — Вы сами подписали себе смертный приговор. Подумать только, вы стоите здесь и отнимаете время у этого суда — время его величества — своей отвратительной ложью! Какую цель вы преследуете, пытаетесь оттянуть приговор? Может быть, вы надеетесь, что, пока мы разыскиваем в Париже ваших свидетелей, королю наскучит справедливость, и в порыве милосердия он объявит всеобщее прощение? Такие вещи имели место, и, может быть, ваш гнусный обман был нацелен именно на это. Но правосудие не проведешь, глупец. Если бы вы на самом деле были Барделисом, вы бы увидели, что здесь присутствует человек, который близко знаком с ним. Вот он, сударь; это господин граф де Шательро, о котором вы, вероятно, слышали. Однако, когда я спрашиваю вас, есть ли в Тулузе свидетели, которые могут подтвердить вашу личность, вы отвечаете, что никого не знаете. Я не буду больше терять на вас время, обещаю вам.

Он упал в кресло с видом изможденного человека и вытер лоб большим платком, который он извлек из своей мантии. Судьи собрались вместе и теперь, улыбаясь и подмигивая, обменивались хитрыми взглядами, они обсуждали происшедшее и восхищались удивительной проницательностью и остротой ума этого Соломона. Шательро сидел и торжествующе улыбался.

Я был просто оглушен и не мог вымолвить ни слова, сраженный наповал таким поворотом событий. Как глупец, я попался в ловушку, которую расставил мне Шательро — я не сомневался, что это была его идея. Наконец...

— Господа, — сказал я, — эти выводы могут показаться вам правдоподобными, но, поверьте мне, они ошибочны. Я хорошо знаком с господином де Шательро, а он со мной, и если бы он говорил правду и хоть раз в жизни повел себя как мужчина и дворянин, он бы сказал вам, что меня действительно зовут Барделис. Но у господина графа есть свои причины желать моей смерти. В каком-то смысле именно при его содействии я оказался в таком положении и меня перепутали с Леспероном. Какую же пользу мне принесло бы обращение к нему? И все же, господин председатель, он был рожден дворянином, и, может быть, в нем еще осталась хоть капля чести. Спросите его, сударь... спросите его напрямик, кто я — Марсель Барделис или нет.

Твердость моего голоса произвела некоторое впечатление на этих слабоумных. Председатель дошел даже до того, что вопросительно взглянул на Шательро. Но граф, превосходно владеющий ситуацией, лишь пожал плечами и улыбнулся терпеливой, многострадающей улыбкой.

— Должен ли я отвечать на этот вопрос, господин председатель, — спросил он таким голосом и с таким видом, что было совершенно ясно, насколько низкой будет его оценка умственных способностей председателя, если ему все-таки придется сделать это.

— Конечно, нет, господин граф, — торопливо ответил председатель, с пренебрежением отбросив эту идею. — Вам совсем не обязательно отвечать.

— Задайте этот вопрос, господин председатель! — крикнул я, протягивая руку к Шательро. — Спросите его — если у вас осталось еще хоть какое-нибудь чувство долга, — спросите его, как меня зовут.

— Молчать! — заорал председатель. — Вам больше не удастся одурачить нас, вы — хитрый лжец!

Я опустил голову. Этот трус разрушил мою последнюю надежду.

— Когда-нибудь, сударь, — сказал я очень тихо, — обещаю вам, что ваше поведение и эти

необоснованные оскорбления будут стоить вам вашей должности, и молитесь Богу, чтобы они не стоили вам вашей головы!

К моим словам они отнеслись так же, как относятся к угрозам ребенка. Моя безрассудная смелость окончательно решила мою судьбу, если она не была уже заранее решена.

Со множеством оскорбительных эпитетов, которые можно употреблять только к самым страшным преступникам, они вынесли мне смертный приговор. Упав духом, оставив всякую надежду, я был уверен, что мне не придется долго ждать, когда меня отведут на плаху. И вот я вновь прошел по улицам Тулузы к тюрьме.

Я могу развлечь вас подробным рассказом о своих ощущениях, когда шел между охранниками, — ощущениях человека, стоящего на пороге вечности. Сотни мужчин и женщин глазели на меня — мужчин и женщин, которые проживут еще много лет и увидят еще много таких же несчастных, как я. Ярко светило солнце, и этот ослепительный свет как будто насмеялся надо мной! И через века оно будет светить так же и освещать дорогу на эшафот. Небо безжалостно сияло своей кобальтовой синевою. Природа и люди казались мне совершенно бесчувственными, настолько они не соответствовали моему мрачному настроению. Если вы хотите получить пищу для размышлений о мимолетности жизни, о ничтожности человека, о пустом, бездушном эгоизме, присущем человеческой натуре, сделайте так, чтобы вас приговорили к смерти, а потом посмотрите вокруг. Все это обрушилось на меня с такой силой, что, когда первая боль прошла, я почувствовал почти радость от того, что все произошло именно так и что я должен умереть, вероятно, еще до захода солнца. Этот мир стал казаться мне недостойным, чтобы тратить время на жизнь в нем; тщеславный, подлый, лживый мир, в котором не было ничего, кроме иллюзий. Знание того, что я скоро умру и избавлюсь от всего этого, казалось, сорвало завесу с моих глаз и открыло никчемность всего того, что я должен был покинуть. Вполне возможно, что это лишь предсмертные мысли, которые нашептывает человеку милосердный Бог, чтобы отвлечь его от тоски и страданий перед смертью.

Я провел в своей камере полчаса, когда открылась дверь и вошел Кастельру, которого я не видел с прошлой ночи. Он пришел выразить мне свое сочувствие, однако просил меня не терять надежды.

— Сегодня уже слишком поздно для приведения приговора в исполнение, — сказал он, — а завтра воскресенье, следовательно, у вас есть еще один день. За это время многое может произойти, сударь. Мои люди прочесывают всю провинцию в поисках ваших слуг. Будем молить небо, чтобы поиски увенчались успехом.

— Надежд слишком мало, господин де Кастельру, — вздохнул я, — и я не хочу надеяться на это, чтобы не испытывать разочарования, которое наполнит горечью мои последние минуты и, возможно, лишит меня силы духа, которая мне сейчас так необходима.

Тем не менее он убеждал меня, что еще не все потеряно. Его люди не жалеют сил, и если Роденар и мои слуги все еще в Лангедоке, их обязательно доставят в Тулузу вовремя. Затем он добавил, что это не было единственной целью его визита. Одна дама получила разрешение Хранителя Печати на посещение, и она ждет встречи со мной.

— Дама? — воскликнул я, и у меня мелькнула мысль о Роксалане. — Мадемуазель де Лаведан? — спросил я. Он кивнул.

— Да, — сказал он и добавил: — Она выглядит очень несчастной, сударь.

Я попросил его незамедлительно впустить ее, и вскоре она вошла. Кастельру закрыл за собой дверь, и мы остались одни. Когда она сняла плащ, я увидел ее бледное лицо, ее красные от слез и бессонных ночей глаза, и все мои собственные несчастья показались мне

совершенно пустыми по сравнению с ее горем.

Минуту мы молча смотрели друг на друга. Затем, опустив глаза, она сделала шаг вперед и неуверенным, дрогнувшим голосом произнесла:

— Сударь, сударь! — Она тяжело дышала. В мгновение ока я оказался рядом с ней и заключил ее в свои объятия. Ее каштановая головка лежала на моем плече.

— Роксалана! — ласково прошептал я. — Роксалана! — Но она попыталась вырваться из моих объятий.

— Отпустите меня, сударь, — умоляла она каким-то странным голосом. — Не прикасайтесь ко мне, сударь. Вы не знаете... вы не знаете.

В ответ я обнял ее еще крепче.

— Я знаю, девочка моя, — прошептал я, — и даже понимаю.

От этих слов она прекратила борьбу и беспомощно сникла в моих руках.

— Вы знаете, сударь, — спросила она, — вы знаете, что я предала вас?

— Да, — ответил я просто.

— И вы можете простить меня? Я отправляю вас на смерть, а вы даже не упрекаете меня! О, сударь, это убьет меня!

— Тише, дитя мое! — прошептал я. — Как я могу упрекать вас? Ведь я знаю, какие у вас были на это причины.

— Но не все, сударь, вы не можете знать все причины. Я любила вас, сударь. Я и сейчас люблю вас! О! Сейчас не время выбирать слова. Если я веду себя дерзко и нескромно, я... я...

— Не дерзко и не нескромно, а... о, самая чудесная девушка во всей Франции, моя Роксалана! — я прервал ее, придя к ней на помощь. — Я приехал в Лангедок с прокаженной, порочной душой. Я не верил в человеческое добро, и я не думал, что бывают честные мужчины и добродетельные женщины, как никто не думает, что бывает мед в крапиве. Я был озлоблен, и моя жизнь вряд ли была такой жизнью, которую можно было соединить с вашей. Но потом, среди роз Лаведана, в вашем милом обществе, Роксалана, в мое сердце влилась частица вашей доброты, вашей свежести, вашей чистоты. Я снова помолодел, я чувствовал себя каким-то очищенным. В минуту моего возрождения я полюбил вас, Роксалана.

Пока я говорил, ее лицо было поднято ко мне. Теперь ее ресницы вдруг задрожали, а на губах появилась странная улыбка. И она снова уронила голову мне на грудь; из ее груди вырвался вздох, и она тихо заплакала.

— Не надо, Роксалана, не плачьте. Перестаньте, дитя мое, слабость — не ваша черта характера.

— Я предала вас, — простонала она. — Я отправляю вас на плаху!

— Я понимаю, я понимаю, — отвечал я, глядя ее каштановые волосы.

— Не совсем, сударь. Я так любила вас, что вы даже не можете себе представить, как сильно я страдала, когда мадемуазель де Марсак приехала в Лаведан.

Сначала мне было просто больно думать, что... что я скоро потеряю вас, что вы исчезнете из

моей жизни и я больше не увижу вас — вас, образ которого так глубоко запал мне в сердце.

В то утро я называла себя маленькой дурочкой, потому что вообразила, что нравлюсь вам. Это мое самолюбие, думала я, заставило меня поверить, что вы относитесь ко мне с нежностью, которая свидетельствует о привязанности. Я злилась на себя, и я страдала... о, как сильно я страдала! Потом, позже, когда я гуляла в розовом саду, вы подошли ко мне. Помните, как вы заключили меня в свои объятия и как своим поведением пытались доказать мне обратное. Вы обманули меня, думала я; и даже в ту минуту я продолжала думать, что вы обманываете меня; вы играли со мной; мои страдания ничего для вас не значили, вам просто хотелось, чтобы я скрасила ваше одиночество и монотонность пребывания у нас.

— Роксалана, бедная моя Роксалана! — прошептал я.

— Потом вся моя горечь и печаль превратились в злость против вас. Вы разбили мое сердце, и я думала, что вы сделали это просто так, от скуки. Я жаждала наказать вас за это. Ах! И не только это, наверное. Я думала, мной также двигала ревность. Вы ухаживали за мной, а потом пренебрегли мной, но сначала заставили меня полюбить вас, и я поклялась, что, если вы не достанетесь мне, вы не достанетесь никому. И, охваченная этой безумной идеей, я уехала из Лаведана, сказав отцу, что направляюсь в Ош к его сестре, а сама отправилась в Тулузу и выдала вас Хранителю Печати.

Не успела я сделать это, как сразу же осознала весь ужас моего поступка и возненавидела себя. В отчаянии я передумала ехать в Ош и решила

скорее вернуться назад в надежде, что успею предупредить вас. Но в Гренаде я встретила вас уже под конвоем. И в Гренаде я узнала правду — что вы не Лесперон. Можете себе представить мои муки? Я уже ненавидела себя за то, что выдала вас. Вообразите себе, в какое отчаяние поверг меня рассказ господина де Марсака.

Тогда я поняла, что по каким-то своим причинам вы вынуждены были скрывать свое имя. Вероятно, вы не были ни с кем помолвлены; и я вспомнила, как торжественно вы заверяли меня в этом; и тоща я подумала, что ваши клятвы были искренними и достойными того, чтобы честная девушка могла выслушать их.

— Да, Роксалана! Именно так! — вскричал я.

Но она продолжала дальше:

— Я не могла объяснить, откуда у вас портрет мадемуазель де Марсак, но потом я узнала, что у вас были и другие бумаги Лесперона, следовательно, вы могли получить его вместе с ними. А теперь, сударь...

Она замолчала и, положив голову мне на грудь, плакала и плакала от горького сожаления, и мне уже начало казаться, что самообладание никогда не вернется к ней.

— Это моя вина, Роксалана, — сказал я, — и если мне придется заплатить ту цену, которую они назначили, она не будет слишком высока. Я взялся за подлое дело, которое и привело меня в Лангедок под чужим обличем. Я теперь жалею, что не рассказал вам обо всем, когда у меня впервые появилось такое желание. Потом это стало невозможным.

— Скажите мне сейчас, — умоляла она. — Скажите мне, кто вы.

У меня возникло сильное искушение ответить ей. Я уже собирался сказать, как вдруг подумал о том, как она отшатнется от меня, решив, что я преследую свои гнусные цели и из жажды наживы изображаю любовь к ней. Эта мысль сдержала меня и заставила замолчать. По крайней мере, в течение нескольких часов, которые мне остались, я буду полновластным

хозяином ее сердца. Когда я буду уже мертв — я не надеялся на усилия Кастельру, — это не будет иметь такого значения, и, может быть, она будет милосердна ко мне после моей смерти.

— Я не могу, Роксалана. Даже сейчас. Все это слишком низко! Если... если они приведут приговор в исполнение в понедельник, я оставлю вам письмо, в котором расскажу обо всем.

Она вздрогнула, и из ее груди вырвался стон. Ее мысли вернулись от моей личности к более важному вопросу моей судьбы.

— Они не приведут его в исполнение! О, нет! Скажите, что вы можете защитить себя, что вы не тот человек, за которого они вас принимают!

— На все воля Божья, дитя мое. Может быть, мне еще удастся спастись. И если я спасусь, я сразу приду к вам и расскажу вам все, что вы должны знать. Но помните, дитя мое, — я взял ее лицо в свои ладони и посмотрел в синеву ее плачущих глаз, — помните, девочка моя, что в одном я был честен и искренен и действовал только по велению своего сердца — в моей любви к вам. Я люблю вас, Роксалана, каждой клеточкой своей души, и если мне суждено умереть, я хочу, чтобы вы знали — только о вас я буду сожалеть, покидая этот мир.

— Я верю вам, правда, верю. Ничто теперь не сможет поколебать моей веры. Может быть, вы все-таки скажете мне, кто вы и какое бесчестное предприятие привело вас в Лангедок?

И снова я задумался. Затем покачал головой.

— Подождите, дитя мое, — сказал я, и она, повинувшись моей воле, ни о чем больше не спрашивала.

Во второй раз я упустил благоприятную возможность признаться, и так же, как в первый раз, если не сильнее, я пожалел об этом.

Она пробыла у меня еще какое-то время, и я попытался влить хотя бы каплю утешения в ее душу. Я рассказал ей о своих надеждах на то, что Кастельру сможет разыскать моих друзей, и они подтвердят подлинность моей личности — хотя это были очень слабые надежды. И она, бедное дитя, тоже пыталась ободрить меня и вселить в меня мужество.

— Если бы только король был здесь! — вздохнула она. — Я бы пошла к нему и на коленях бы умоляла его помиловать вас. Но говорят, он сейчас где-то около Лиона, и вряд ли я успею съездить туда и обратно до понедельника. Я снова пойду к Хранителю Печати и буду молить его о милосердии или попрошу по крайней мере отложить исполнение приговора.

Я не стал разубеждать ее, я не стал говорить о бессмысленности такого шага. Но я умолял ее остаться в Тулузе до понедельника, чтобы она смогла навестить меня еще раз перед моей кончиной, если кончина будет неизбежна.

Затем за ней пришел Кастельру, и мы расстались. Но она принесла мне огромное успокоение и утешение. Теперь, если мне все же суждено будет взойти на плаху, пожалуй, я смогу сделать это изящно и мужественно.

Глава ХШ ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС

Кастельру навестил меня на следующее утро, но он не принес каких-либо известий, которые можно было бы считать утешительными. Ни один из его людей еще не вернулся. Никто из них

не сообщил, что напал на след моих спутников. Мое сердце упало, и надежды, которые я все еще лелеял, быстро улетучились. Рок неумолимо надвигался на меня, и моя гибель была неминуема, поэтому чуть позже я попросил перо и бумагу, чтобы уладить свои земные дела. Но когда мне принесли письменные принадлежности, я не смог писать. Я сидел, зажав зубами перо, и размышлял над тем, как мне распорядиться моими землями в Пикардии.

Я спокойно обдумывал условия пари и события, которые произошли потом, и пришел к заключению, что Шательро не имеет ни малейшего права претендовать на мои земли. Его обман в самом начале не имел слишком большого значения. Главное заключалось в том, что он сыграл решающую роль в последних событиях.

Наконец я решил подробно описать эту сделку и попросить Кастельру, чтобы он передал это послание лично королю. Таким образом я не только восстановлю справедливость, но и расквитаюсь, правда с опозданием, с графом. Несомненно, он рассчитывал, что его власть позволит ему отыскать бумаги, которые я могу оставить после смерти, и уничтожить все, что может указывать на мое настоящее имя. Но он не знает о том добром чувстве, которое возникло между мной и маленьким гасконским капитаном, а также о том, что мне удалось убедить его в том, что я действительно Барделис. Он даже не мог и подумать, что я намереваюсь предпринять такой шаг и наказать его уже после моей смерти.

Приняв наконец решение, я только было начал писать, как мое внимание привлекли какие-то странные звуки. Сначала это был просто приглушенный шум, напоминающий плеск волн. Шум все нарастал и наконец превратился в ровный гул человеческих голосов. Затем крики толпы перекрыл звук ружейного выстрела, потом еще один и еще.

Услышав это, я вскочил, недоумевая, что там могло произойти, подошел к зарешеченному окну и прислушался. Окно выходило во двор тюрьмы, и я увидел какое-то движение внизу.

Когда толпа приблизилась, мне показалось, что эти крики были возгласами приветствия. Затем я услышал звуки фанфар, и наконец среди общего шума, который теперь превратился в чудовищный рокот, я различил топот копыт и услышал, как какая-то процессия проехала мимо ворот тюрьмы.

Я подумал, что в Тулузу прибыла важная персона, и первая моя мысль была о короле. В следующий момент я вспомнил слова Роксаланы о том, что король был где-то вблизи Лиона. У меня закружилась голова от вновь проснувшейся надежды, но я вынужден был отказаться от этой мысли, а вместе с ней и от надежды. Неторопливость была характерной особенностью короля, и было бы чудом, если бы его величество смог добраться до Тулузы раньше чем через неделю.

Толпа прошла мимо, потом остановилась, и наконец ее крики потонули в полуденном зное.

Я решил подождать, пока придет надзиратель, и тогда узнать у него причины этого невероятного волнения.

Я успешно продвигался вперед в своем повествовании. Прошел примерно час, когда дверь моей камеры открылась и на пороге возник Кастельру с радостным приветствием.

— Сударь, я привел вам друга.

Я развернулся на стуле, и одного взгляда на нежное, милое лицо и светлые волосы молодого человека, стоявшего рядом с Кастельру, было достаточно, чтобы я резко вскочил на ноги.

— Миронсак! — крикнул я и бросился к нему с распростертыми объятиями.

Хотя моей радости и моему удивлению не было предела, лицо Миронсака выражало еще

большее изумление и потрясение.

— Господин де Барделис! — воскликнул он, в его удивленных глазах была тысяча вопросов.

— Po'Car de Diou! — прогремел голос его кузена. — Похоже, я поступил очень мудро, что привел тебя сюда.

— Но, — спросил Миронсак, взяв мои руки в свои, — почему ты сразу не сказал мне, Амеде, что ты ведешь меня к господину Барделису?

— Ты хотел, чтобы я испортил такой приятный сюрприз? — спросил его кузен.

— Арман, — сказал я, — еще ни один человек не появлялся так кстати. Вы пришли как раз вовремя, чтобы спасти мою жизнь.

А затем, отвечая на его вопросы, я вкратце рассказал ему все, что произошло со мной, начиная с той ночи в Париже, когда я заключил свое пари. Услышав, как Шательро предательски поступил со мной на суде, в результате чего я стоял уже одной ногой на плахе, он буквально взорвался от гнева, и мне было крайне приятно слышать его высказывания о Шательро. Наконец я прервал его обличительную речь.

— Давайте пока оставим это, Миронсак, — засмеялся я. — Вы здесь и можете разрушить все планы Шательро, если подтвердите мою личность Хранителю Печати.

И тут меня охватило внезапное сомнение, как будто кто-то вылил на меня ведро холодной воды. Я повернулся к Кастельру.

— Mon Dieu! — вскричал я. — Что, если они откажут мне в новом заседании суда?

— Откажут вам! — рассмеялся он. — Их никто и не попросит об этом.

— В этом не будет необходимости, — добавил Миронсак. — Мне нужно только сказать королю...

— Но, мой друг, — нетерпеливо воскликнул я, — утром меня должны казнить!

— А я скажу королю сегодня — сейчас, сию же минуту. Я пойду к нему.

Я вопросительно уставился на него; затем в моей памяти возник недавний шум, который я слышал за окном.

— Король уже приехал? — воскликнул я.

— Естественно, сударь. А как бы я еще мог оказаться здесь? Я был в кортеже его величества.

В этот момент меня охватило нетерпение. Я подумал о Роксалане и ее страданиях. Мне казалось, что каждая минута, пока Миронсак находится в моей камере, продлевает муки этого бедного дитя. Поэтому я потребовал, чтобы он немедленно отправился к его величеству и сообщил ему о моем аресте. Он послушался меня, и я снова остался один. Я ходил взад и вперед по узкой камере в страшном волнении, которое, как я думал еще несколько минут назад, мне уже не суждено будет испытать.

Через полчаса Кастельру вернулся один.

— Ну что? — воскликнул я, едва он открыл дверь. — Какие новости?

— Миронсак сказал, что еще никогда не видел его величество в таком возбужденном

состоянии. Вы должны немедленно явиться во дворец. У меня приказ короля.

Мы отправились во дворец в закрытой карете, поскольку, сообщил он мне, его величество по каким-то своим причинам потребовал сохранить все это в тайне.

Я подождал, пока Кастельру доложил обо мне королю; затем меня проводили в небольшие апартаменты с роскошной обстановкой в красных и золотых тонах, где его величество, очевидно, предавался раздумьям или совершал молитвы. Войдя в комнату, я увидел Людовика, который стоял ко мне спиной, — высокая худая фигура в черном — облокотившись на оконную раму, подперев голову левой рукой, и внимательно смотрел в окно, из которого был виден сад.

Он продолжал так стоять, пока Кастельру не вышел и не закрыл за собой дверь; тогда он резко обернулся и пристально посмотрел на меня. Он стоял спиной к свету, и на лицо его падала тень, которая усиливала его мрачность и обычную усталость.

— Voilante 49, господин Барделис! — таким было его приветствие, и звучало оно не очень дружелюбно. — Вот видите, к чему привело вас ваше неповиновение.

— Я бы сказал, сир, — ответил я, — что к этому привела меня некомпетентность судей вашего величества и враждебность других лиц, которым ваше величество оказывает слишком большое доверие, но никак не мое неповиновение.

— Ну, может быть, и то, и другое, — сказал он более мягким голосом. — Хотя, насколько я знаю, у них хорошее чутье на изменников. Давайте, Барделис, признавайтесь.

— Я? Изменник?

Он пожал плечами и рассмеялся без видимой радости.

— Разве не изменник тот, кто идет вразрез с волей своего короля? Разве вы не остаетесь изменником, как бы вас ни называли — Леспероном или Барделисом? Но тем не менее, — закончил он более мягко и сел на стул, — моя жизнь была лишена всяких радостей с тех пор, как вы оставили меня, Марсель. У этих тупиц самые хорошие намерения, и некоторые из них даже любят меня, но все они так утомительны. Даже Шательро, когда он намеревался разыграть шутку — как в вашем случае, — сделал это с изяществом медведя и грацией слона.

— Шутку? — спросил я.

— Вам это не кажется шуткой, Марсель? Pardieu, кто станет винить вас? Только человек с нездоровым чувством юмора может ради шутки приговорить человека к смертной казни. Но расскажите мне об этом. Все, от начала до конца, Марсель. Я не слышал интересных историй с тех пор... с тех пор, как вы оставили нас.

— Не соблаговолите ли вы, сир, послать за графом де Шательро прежде, чем я начну свой рассказ? — спросил я.

— Шательро? Нет, нет. — Он капризно покачал головой. — Шательро уже повеселился и, как собака на сене, ни с кем не поделился своим весельем. Теперь, я думаю, настал наш черед, Марсель. Я умышленно отослал Шательро, чтобы он не мог даже догадаться, какую потрясающую шутку мы готовим ему в ответ.

Эти слова подняли мое настроение, и, может быть, поэтому я столь живописно и красочно описал все события, что даже смог вывести его величество из его обычного состояния апатии и вялости. Он весь подался вперед, когда я рассказывал ему о встрече с драгунами в Мирепуа и о том, как я совершил свой первый неверный шаг, назвавшись Леспероном.

Ободренный его интересом, я продолжал и в красках, как я умею, рассказал ему всю свою историю, опуская только отдельные эпизоды, которые отражали настроение господина де Лаведана. Во всем остальном я был абсолютно честен с его величеством вплоть до того, что рассказал ему об искренности своих чувств к Роксалане. Он часто смеялся, еще чаще одобрительно кивал с пониманием и сочувствием, а иногда даже хлопал в ладоши. Но к концу моего повествования, когда я дошел до трибунала в Тулузе и рассказал ему, как проходил суд надо мной и какую роль сыграл в нем Шательро, его лицо окаменело и стало жестким.

— Это правда... все, что вы говорите мне? — хрипло спросил он.

— Правда, как само Евангелие. Если вам нужна клятва, сир, я готов поклясться, что говорил только истинную правду и что в отношении господина де Шательро, хотя я и был несколько несдержан, я ничего не приукрасил.

— Негодяй! — резко сказал он. — Но мы отомстим за вас, Марсель. Можете не сомневаться.

Затем его мысли приняли другое направление, и он устало улыбнулся.

— Клянусь честью, каждый день своей никчемной жизни вы можете благодарить Бога за то, что я так вовремя прибыл в Тулузу, вы и это милое дитя, чью красоту вы описали с пылкостью влюбленного. Ну, не надо краснеть, Марсель. Неужели в вашем возрасте и с таким количеством побежденных сердец в вас еще что-то осталось и простая лангедокская барышня может еще вызвать румянец на ваших огрубевших щеках? Правду говорят, что любовь — это великая сила, способная возродить человека и сделать его снова молодым!

Вместо ответа я вздохнул, так как его слова заставили меня задуматься, и мое веселое настроение тотчас улетучилось. Заметив это и неправильно истолковав, он весело рассмеялся.

— Ну, Марсель, не бойтесь. Мы не будем суровы. Вы завоевали девушку и выиграли пари, и клянусь, вы получите и то, и другое.

— Helas, сир, — я снова вздохнул, — когда она узнает о пари...

— Не теряйте времени, Марсель. Расскажите ей все и отдайтесь на ее милость. Ну, не будьте таким мрачным, мой друг. Когда женщина любит, она бывает очень великодушна — по крайней мере, так говорят.

Затем его мысли вновь приняли другое направление, и он снова нахмурился.

— Но прежде мы должны разобраться с Шательро. Что мы будем с ним делать?

— Это решать вашему величеству.

— Мне? — вскричал он, в его голосе вновь появилась суровость. — Я думал, меня окружают благородные люди. Неужели вы думаете, что я смогу еще раз увидеть этого негодяя? Я уже принял решение насчет него, но я подумал, что, может быть, вы захотите стать мечом правосудия от моего имени?

— Я, сир?

— Да, а почему бы нет? Говорят, при необходимости ваша шпага может быть смертоносной. Я думаю, в этом случае вы можете сделать исключение из своего правила. Я даю вам разрешение послать вызов графу де Шательро. И уж постарайтесь убить его, Барделис! — со злостью продолжал он. — Потому что, клянусь честью, если вы не убьете его, это сделаю я! Если ему удастся справиться с вами, или если он сможет выжить после того, что вы с ним сделаете, он попадет в руки палача. Mordieu! Меня не зря называют Людовиком

Справедливым!

На мгновение я задумался.

— Если я сделаю это, сир, — наконец произнес я, — весь мир решит, что я расправился с ним, дабы избежать оплаты моего выигрыша.

— Глупец, вы не должны ничего платить. Когда человек совершает мошенничество, разве он не лишается всех своих прав?

— Да, это так. Но весь мир...

— Peste! — нетерпеливо оборвал он. — Вы начинаете утомлять меня, Марсель. Весь мир нагоняет на меня такую скуку, что ваше участие в этом совсем необязательно. Идите своим путем и поступайте так, как считаете нужным. Но примите мое разрешение на убийство Шательро, и я буду счастлив, если вы им воспользуетесь. Он остановился в гостинице «Рояль», где, вероятно, вы и найдете его сейчас. Теперь идите. Я еще должен вершить правосудие в этой мятежной провинции.

Я задержался на минуту.

— Не должен ли я вновь приступить к своим обязанностям рядом с вашим величеством?

Он задумался, а затем улыбнулся своей усталой улыбкой.

— Я был бы рад, если бы вы снова оказались рядом со мной, потому что все эти создания так безнадежно тупы, все до единого. Je m'ennuie tellementnote 50, Марсель! — вздохнул он. — Ох! Но нет, мой друг, я не сомневаюсь, что сейчас вы будете таким же скучным, как и они. Зачем мне ваше тело, когда ваша душа будет в Лаведане? Влюбленный человек — самая пустая и самая утомительная вещь в этом пустом, утомительном мире. Уверен, вам не терпится поехать туда. Поезжайте, Марсель. Женитесь и оправьтесь от своего любовного отравления; брак — это лучшее противоядие. А когда вы придете в себя, возвращайтесь ко мне.

— Этого никогда не произойдет, сир, — лукаво ответил я.

— И это говорите вы, придворный Купидон Барделис? — он задумчиво поглаживал свою бороду. — Не будьте столь уверены. На свете было не мало увлечений — таких пылких и страстных, как ваше, — и тем не менее они потеряли свою остроту. Но вы отнимаете мое время. Идите, Марсель, я освобождаю вас от обязанностей до тех пор, пока вы не уладите свои дела. Мы находимся здесь по очень неприятному делу — как вы сами знаете. Нужно разобраться с моим кузеном Монморанси и с другими повстанцами, и мы не устраиваем никаких приемов, никаких пиров. Но приходите ко мне, когда вам захочется, и я приму вас. Адью!

Я пробормотал слова благодарности, и они были искренними и глубокими. Затем, поцеловав его руку, я оставил его.

У Людовика XIII нет недостатка в хулителях. Не мне судить, как расценит его история. Но могу сказать одно — я никогда не считал его несправедливым или злым, он всегда был честным дворянином, временами капризным и своенравным, ведь это неизбежная черта характера избалованных детей фортуны, каковыми являются короли, но с благородными идеалами и высокими принципами. Его самая большая вина заключалась в постоянной усталости. Именно из-за этой усталости он доверил решение многих дел его преосвященству. И это привело к тому, что на его царственную голову обрушились проклятья за те сомнительные акты, которые были делом рук его преосвященства кардинала.

Но для меня, в чем бы его не обвиняли, он навсегда останется Людовиком Справедливым, и всегда, когда его имя упоминают в моем присутствии, я склоняю голову.

Глава XIV ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

После моего визита к королю я долго думал, стоит ли мне своими руками наказывать Шательро, хотя он так заслуживал этого. Можете себе представить, с какой радостью я выполнил бы эту задачу, но меня сдерживало это проклятое пари, а также мысль о том, что такой поступок примут за желание избежать последствий. В тысячу раз лучше было бы, если бы его величество приказал арестовать его и казнить за попытку использовать правосудие в своих корыстных целях. Обвинения в злоупотреблении своим положением в качестве специального уполномоченного короля и в попытке совершить убийство посредством трибунала было бы достаточно для фатального исхода, о чем и говорил король.

Так обстояли дела с Шательро, миром и мной. Но в отношении Роксаланы все было гораздо сложнее. Я много думал и вновь пришел к заключению, что, пока не расплачусь — а только расплата могла очистить мою душу, — я не смогу вновь приблизиться к ней.

Обман Шательро не имел значения для отношений между мадемуазель и мной. Если я отдам свой проигрыш, независимо от того, проиграл я пари или нет, я смогу отправиться к ней без гроша в кармане, но зато мое ухаживание не будет вызывать подозрений, и единственной его целью будет завоевание Роксаланы.

Тогда я смогу сделать признание и, может быть, заслужу прощение, и она поверит в искренность моей страсти, узнав, что я отдал свой проигрыш, хотя и не обязан был делать этого.

С этим намерением я отправился в гостиницу «Рояль», в которой, по словам его величества, остановился граф. Я намеревался рассказать ему, что мне хорошо известно, какую коварную и неблагоприятную роль он сыграл в самом начале этих событий, и что, если я захочу считать пари проигранным, я смогу завоевать даму более честным и благородным путем.

В гостинице я спросил господина де Шательро, и мне сообщили, что он у себя, но в данный момент принимает посетителя. Я ответил, что подожду, и попросил дать мне небольшую комнату, так как мне не хотелось встречаться с каким-либо дворцовым знакомым до разговора с графом.

Мой наряд в этот момент оставлял желать лучшего, но, когда человек вырос среди армии слуг, готовых выполнять любое его желание, он приобретает вид человека, привыкшего повелевать. Меня без промедления провели в комнату, которая с одной стороны выходила в общую комнату, а с другой — была отделена тончайшими деревянными перегородками от других апартаментов.

Когда хозяин ушел, я приготовился ждать, и тут я совершил такой поступок, на который, мне казалось, я никогда не был способен и при мысли о котором меня бросает в краску до сих пор. Короче говоря, я подслушивал — я, Марсель де Сент-Пол де Барделис. Однако, если вы, мои дорогие читатели, вздрогните от этого признания или, что хуже, презрительно пожмете плечами, подумав при этом, что, судя по всему моему поведению, в этом поступке для вас нет ничего удивительного, я только попрошу соизмерить мой грех с моим соблазном и честно сказать себе, поддались бы вы ему на моем месте. Какими бы честными и благородными вы ни были, осмелюсь сказать, вы поступили бы так же, поскольку голос, который я услышал, принадлежал Роксалане де Лаведан.

— Я просила аудиенции у короля, — говорила она, — но получила отказ. Мне сказали, что он не ведет приемов и принимает только тех, кого представляют ему его приближенные.

— И потому, — раздался абсолютно бесцветный голос Шательро, — вы пришли ко мне, чтобы я мог представить вас его величеству?

— Вы правильно поняли, господин граф. Вы единственный человек в свите его величества, которого я знаю — пусть немного, — и, кроме того, всем известно, насколько велика королевская благосклонность к вам. Мне сказали, что, если у меня есть просьба, лучшего покровителя мне не найти.

— Если бы вы пошли к королю, мадемуазель, — сказал он, — если бы вы получили аудиенцию, он бы направил вас с вашей просьбой ко мне. Я — его уполномоченный в Лангедоке, и все арестованные по обвинению в государственной измене находятся в моем ведении.

— Ну тогда, сударь, — воскликнула она с радостью, от которой кровь застучала у меня в висках, — вы не откажете мне в моей просьбе? Вы сохраните ему жизнь?

Раздался короткий смешок Шательро. Он ходил по комнате, и я слышал, как намеренно тяжело он ступал.

— Мадемуазель, мадемуазель, вы не должны слишком преувеличивать мою власть. Вы не должны забывать, что я — слуга закона. Может оказаться, что вы просите того, что выше моей власти. Какое основание вы можете предложить для того, чтобы я был вправе действовать так, как вы просите?

— *Helas*, сударь, я ничего не могу предложить, кроме моих молитв и уверенности в том, что совершается страшная ошибка.

— Каков ваш интерес в этом господине де Леспероне?

— Он не господин де Лесперон.

— Но поскольку вы не можете сказать, кто он, давайте будем называть его Леспероном, — сказал он, и я мог представить злорадную усмешку, которая сопровождала эти слова.

Для того чтобы вы лучше поняли то, что произошло потом, позвольте мне поделиться с вами своими подозрениями, которые уже закрались в мою голову и которые позже переросли в абсолютную уверенность насчет того, как Шательро намеревался поступить со мной. Неожиданный приезд короля поверг его в некоторую панику, и теперь, конечно, он не посмеет осуществить свои планы в отношении меня. Я был уверен, что он намеревался освободить меня этим же вечером. Но прежде, рассчитывая на мою неосведомленность о прибытии его величества в Тулузу, Шательро несомненно вынудит меня дать ему клятву — такова будет цена моей жизни и свободы — в том, что я не произнесу ни слова о своем аресте и о суде. И конечно же его коварный и хитрый ум предложит мне правдоподобные и убедительные причины сделать это.

Он не рассчитывал на Кастельру и на то, что королю уже известно о моем аресте. Теперь, когда Роксалана пришла к нему просить о том, что ему и так бы пришлось сделать, его внимание сосредоточилось на выгоде, которую он мог извлечь из ее заинтересованности во мне. Я также мог предположить, в какую бешеную ярость привело его это явное доказательство моего успеха в отношениях с ней, и я уже чувствовал, какую сделку он ей предложит.

— Скажите мне, — повторил он, — каков ваш интерес в этом господине?

Наступило молчание. Я хорошо представлял себе ее милое лицо, затуманенное тревогой от того, что ей необходимо было придумать ответ на этот вопрос; я ясно видел ее невинные, опущенные вниз глаза, ее нежные щеки, покрытые стыдливым румянцем, когда, наконец, тихим, сдавленным голосом она выдохнула из себя четыре слова:

— Я люблю его, сударь.

Ах, Dieu! Вот так услышать ее признание! Прошлой ночью я был потрясен до глубины своей бедной, грешной души, когда она сказала мне об этом, но сейчас, услышав ее признание в любви ко мне другому человеку, я был просто сражен. Представить только, что она совершает все это для моего спасения!

В ответ Шательро раздраженно хмыкнул. Он на какое-то мгновение остановился, а теперь вновь мерил комнату своими тяжелыми шагами. Затем последовало долгое молчание, нарушаемое только безостановочной ходьбой Шательро взад и вперед.

— Почему вы молчите, сударь? — спросила она, наконец, дрожащим голосом.

— Helas, мадемуазель, я ничего не могу сделать. Я боялся, что с вами все так и будет, и я задал этот вопрос в надежде, что я ошибаюсь.

— Но он, как же он, сударь? — с болью в голосе воскликнула она. — Что будет с ним?

— Поверьте мне, мадемуазель, если бы это было в моей власти и если бы он не был столь виновен, я бы спас его хотя бы для того, чтобы избавить вас от страданий.

Он говорил с чуткостью и сожалением, мерзкий лицемер!

— О, нет, нет! — крикнула она, в ее голосе звучали отчаяние и ужас. — Вы не хотите сказать, что...

Она замолчала, и после небольшой паузы ее предложение закончил граф.

— Я хочу сказать, мадемуазель, что этот Лесперон должен умереть.

Вас, вероятно, удивляет, что я позволил ей так сильно страдать, что я не сломал перегородку и не бросил бездыханное тело этого услужливого господина к ее ногам в наказание за те муки, которые он причинил ей. Но мне хотелось увидеть, как далеко зайдет он в своей игре.

Вновь наступило молчание, и, когда мадемуазель наконец заговорила, я был поражен спокойствием, с которым она обратилась к нему. Я был потрясен, что такое хрупкое и нежное создание могло обладать таким мужеством и силой духа.

— Ваше решение окончательно, сударь? Если в вас есть хоть капля жалости, не позволите ли вы мне хотя бы обратиться со своими слезами и молитвами к королю?

— Вам это не поможет. Как я уже сказал, лангедокские мятежники находятся в моих руках. — Он замолчал, как бы давая ей возможность полностью понять смысл этих слов, и затем продолжил: — Если я освобожу его, мадемуазель, если я помогу убежать ему из тюрьмы, подкупив ночью стражников и взяв с него клятву, что он немедленно покинет Францию и никогда не выдаст меня, я сам буду виновен в государственной измене. Вы должны понимать, мадемуазель, что при этом я рискую своей головой.

В его словах был скрытый смысл — тонкий, едва уловимый намек на то, что его можно подкупить, и тоща он сделает все это.

— Я понимаю, сударь, — ответила она, тяжело дыша, — я понимаю, что прошу от вас

слишком многого.

— Слишком многого, мадемуазель, — быстро ответил он. Он говорил теперь каким-то приглушенным и странно дрожащим голосом. — Но все, о чем ваши губы могут попросить меня, и все, что находится в пределах человеческих возможностей, не может быть слишком многим для меня!

— Что вы имеете в виду? — ее голос дрогнул. Догадалась ли она, как догадывался я, даже не видя его лица, что за этим последует? Меня затошнило от омерзения. Я сжал кулаки и невероятным усилием заставил себя сдержаться для того, чтобы выяснить, насколько верно мое предположение.

— Около двух месяцев назад, — сказал он, — я был в Лаведане, как вы, вероятно, помните. Я увидел вас, мадемуазель, хотя наша встреча была короткой, и с тех пор я не видел ничего и никого, кроме вас. — Его голос стал еще тише, его слова были полны страсти. Она тоже почувствовала это — скрип стула сообщил мне о том, что она встала.

— Не сейчас, сударь, не сейчас! — воскликнула она. — Сейчас не время. Умоляю вас, подумайте о моем горе.

— Я думаю, мадемуазель, и я уважаю вашу скорбь и всем своим сердцем, поверьте мне, разделяю ее. Однако сейчас как раз подходящее время, и, если вы думаете об интересах этого человека, вы выслушаете меня до конца.

Несмотря на весь этот повелительный тон, в его голосе звучала странная нотка уважения — искреннего или притворного.

— Если вы страдаете, мадемуазель, поверьте, я тоже страдаю, и если тем, что я говорю, я заставляю вас страдать еще больше, умоляю вас, подумайте, как ваши слова, как сама причина вашего появления здесь заставляют страдать меня. Вам известно, мадемуазель, что такое муки ревности? Вы можете себе их представить? Если — да, то вы также можете представить, какую боль я испытал, когда вы признались мне, что любите этого Лесперона, когда вы просили спасти ему жизнь. Мадемуазель, я люблю вас, всем сердцем и душой люблю вас. Мне кажется, я полюбил вас с первой минуты нашей встречи в Лаведане, и нет такой опасности, которой бы я испугался, и нет такого риска, на который бы я не пошел, ради того, чтобы завоевать ваше сердце.

— Сударь, умоляю вас...

— Выслушайте меня, мадемуазель! — вскричал он. И затем, более тихим голосом продолжал: — Сейчас вы любите этого господина де Лесперона...

— Я всегда буду любить его! Всегда, сударь!

— Подождите, подождите, подождите! — воскликнул он, раздраженный ее вмешательством. — Если бы он остался жив и вы вышли бы за него замуж и постоянно находились бы в его обществе, тогда, я не сомневаюсь, ваша любовь продолжалась бы. Но если он умрет или его вышлют и вы никогда больше не увидите его, вы какое-то время будете скорбеть о нем, но вскоре, — *helas*, так всегда случается — время успокоит сначала ваши страдания, а потом и ваше сердце.

— Никогда, сударь... о, никогда!

— Я старше вас, дитя мое, я знаю. Сейчас вы горячо желаете спасти ему жизнь, потому что вы любите его, а также потому, что вы предали его и не хотите, чтобы его смерть была на вашей совести. — Он сделал паузу и затем, повысив голос, сказал: — Мадемуазель, я

предлагаю вам жизнь вашего возлюбленного.

— Сударь, сударь! — воскликнуло бедное дитя. — Я знала, что вы хороший! Я знала...

— Минутку! Не поймите меня неправильно. Я не говорю, что уже готов спасти ее, — я предлагаю ее.

— Но в чем разница?

— В том, что для того чтобы получить ее, мадемуазель, вы должны купить ее. Я уже сказал вам, что ради вас пойду на любые опасности. Спасая вашего возлюбленного, я рискую взойти на эшафот. Если кто-нибудь выдаст меня или если эта история просочится каким-либо образом, моя голова упадет вместо головы господина Лесперона, в этом нет никаких сомнений. Я рискну, мадемуазель, я сделаю это с радостью, если вы пообещаете стать моей женой после того, как я спасу его.

Раздался стон Роксаланы, затем молчание, затем:

— О, сударь, вы безжалостны! Подумайте, какую сделку вы мне предлагаете?

— Честную, конечно, — сказал этот сын дьявола. — Я рискую своей жизнью, а вы отдаете мне свою руку.

— Если бы вы... если бы вы действительно любили меня так, как вы говорите, сударь, — возразила она, — вы бы помогли мне, не требуя вознаграждения.

— В любом другом деле, да. Но разве честно просить мужчину, который сгорает от любви к вам, передать в ваши объятия другого и все это с риском для собственной жизни? Ах, мадемуазель, я всего лишь человек и подвержен человеческим слабостям. Если вы согласитесь, этот Лесперон будет освобожден, но вы больше никогда не должны видеть его; я дам вам шесть месяцев, чтобы вы могли избавиться от своих страданий, прежде чем я вновь явлюсь к вам и буду настойчиво просить вашей руки.

— А если я откажу, сударь?

Он вздохнул.

— К риску моей жизни вы должны добавить простую человеческую ревность. На что вы можете надеяться при таком сочетании?

— Короче говоря, вы хотите сказать, что он умрет.

— Завтра, — был лаконичный ответ этого проклятого мошенника.

Некоторое время они молчали, потом раздалась ее рыдания.

— Пожалейте меня, сударь! Будьте милосердны, если вы действительно любите меня. О, он не должен умереть! Я не могу позволить ему умереть! Спасите его, сударь, и я буду молиться за вас каждый день моей жизни; я буду молить Бога за вас так же, как сейчас молю вас за него.

Разве есть на свете человек, который смог бы устоять перед этой наивной, искренней мольбой? Разве может кто-нибудь в ответ на эти чистые слова любви и страдания выставить свои собственные низменные страсти? Похоже, что такой человек существует, поскольку его ответом было:

— Вы знаете цену, дитя мое.

— Пожалей меня, Господи! Я должна заплатить ее. Я должна, потому что если он умрет, его кровь будет на моей совести! — Затем самообладание вернулось к ней, и ее голос стал почти суровым от тех тисков, которыми она сжала себя. — Если я дам вам обещание выйти за вас замуж потом, скажем, через шесть месяцев, как вы сможете доказать мне, что человек, арестованный под именем Лесперона, будет освобожден?

Я услышал, как граф издал звук, очень похожий на вздох.

— Оставайтесь в Тулузе до завтра, и сегодня вечером перед отъездом он зайдет к вам попрощаться. Вы согласны?

— Пусть будет так, сударь, — ответила она.

Тут наконец я вскочил на ноги. Я больше не мог этого выносить. Вы можете удивляться, что у меня хватило сил выдержать так много и позволить ей страдать, но я пошел на это, чтобы убедиться, насколько далеко может зайти этот негодяй Шательро.

Более импульсивный человек сломал бы перегородку или крикнул бы ей, что сделка с Шательро не действительна, потому что я уже на свободе. И этот импульсивный человек поступил бы мудрее, руководствуясь внезапным порывом. Я же открыл дверь, прошел через общую комнату и бросился по коридору, который, как я думал, должен был привести меня в ту комнату. Но здесь я ошибся, и, пока я расспросил коридорного и он показал мне, куда надо идти, несколько драгоценных минут было потеряно. Он отвел меня назад в общую комнату и вывел через дверь, открывавшуюся в другой коридор. Он распахнул ее, и я лицом к лицу столкнулся с Шательро, все еще красным от недавней борьбы.

— Вы здесь! — задохнулся он, его челюсть отвисла, а лицо побледнело, хотя он не мог даже представить, что я слышал всю его торговлю.

— Если вы будете столь любезны, мы вернемся, господин граф, — сказал я.

— Вернемся куда? — глупо спросил он.

— К мадемуазель. В комнату, откуда вы только что вышли. — И не слишком вежливо я втолкнул его обратно в коридор.

— Ее там нет, — сказал он.

Я издал короткий смешок.

— Тем не менее мы вернемся туда, — настаивал я.

Я добился своего, и мы вернулись в комнату, где происходили его низкие торги. Однако на этот раз он сказал правду. Ее там не было.

— Где она? — рассерженно спросил я.

— Ушла, — ответил он, а когда я возразил, что не встретил ее, он бросил мне с вызовом: — Вы же не позволите даме идти через общую комнату, не так ли? Она вышла через боковую дверь.

— Хорошо, господин граф, — спокойно сказал я, — прежде, чем отправлюсь за ней, я хочу поговорить с вами. — И я плотно закрыл дверь.

Глава XV ГОСПОДИН ДЕ ШАТЕЛЬРО СЕРДИТСЯ

В комнате мы молча смотрели друг на друга. Ах, как сильно изменились обстоятельства с момента нашей последней встречи!

На его лице по-прежнему было написано смятение, которое появилось в первый момент нашей встречи. Его взгляд был хмурым и мрачным, а в глазах появилась некоторая асимметричность, которая появлялась всегда, когда он волновался.

Хотя Шательро был хитрым заговорщиком и изобретательным интриганом, он от природы не был сообразительным человеком. Его мозги работали очень медленно, и ему нужно было время, чтобы обдумать ситуацию и решить, как себя в ней вести, прежде чем начать действовать.

— Господин граф, — иронично произнес я, — позвольте сделать вам комплимент по поводу глубины и коварства ваших замыслов и принести вам свои соболезнования по поводу маленькой случайности, благодаря которой я здесь и в результате которой ваши замечательные планы, вероятно, рухнут.

Он откинул свою массивную голову, как лошадь, чувствующая узду, его глаза горели злобой. Затем его чувственные губы раздвинулись в презрительной усмешке.

— Что вам известно? — спросил он с глухим презрением.

— Я был в той комнате в течение получаса, — ответил я, постучав костяшками пальцев по перегородке. — Перегородка, как вы можете заметить, очень тонкая, и я слышал все, что произошло между вами и мадемуазель де Лаведан.

— Так, значит, Барделис Великолепный; Барделис — образец благородства; Барделис — *arbiter elegantiarum* note 51 двора Франции, похоже, всего-навсего обыкновенный шпион.

Если он хотел разозлить меня, ему это не удалось.

— Господин граф, — ответил я очень спокойно, — вы уже достигли того возраста, когда следовало бы знать, что ранить может только правда. Я случайно оказался в той комнате, и, когда услышал первые слова вашего разговора, вполне естественно, что я остался и напряг весь свой слух, чтобы не пропустить ни единого звука из вашей беседы. Что касается всего остального, позвольте мне спросить вас, мой дорогой Шательро, с каких это пор вы стали таким благородным, что имеете наглость обвинять человека в подслушивании?

— Вы говорите весьма туманно, сударь. Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что когда человека разоблачают в обмане, мошенничестве и воровстве, он вряд ли имеет право обвинять в этих грехах другого.

На его лице сквозь загар проступила краска, затем оно побледнело и приняло лиловатый оттенок — крайне зловецкий вид, доложу я вам. Он бросил свою отделанную перьями шляпу на стол и схватился за эфес своей шпаги.

— Черт вас возьми! — вскричал он. — Вы мне за это ответите.

Я покачал головой и улыбнулся, но даже не пошевелился, чтобы вытащить шпагу.

— Сударь, нам нужно поговорить. Думаю, это будет лучше для вас.

Он поднял на меня свои злые глаза. Возможно, на него подействовала искренняя серьезность моего голоса. Но как бы там ни было, наполовину вытащенная шпага была вновь

вставлена в ножны.

— Что вы можете сказать? — спросил он.

— Сядьте. — Я жестом указал ему на стул, стоящий у стола, и, когда он устроился на нем, сел напротив. Взяв перо, я окунул его в чернильницу и придвинул к себе лист бумаги.

— Когда вы втянули меня в пари, касающееся мадемуазель де Лаведан, — спокойно сказал я, — вы рассчитывали на только вам известные обстоятельства, которые должны были провалить мое сватовство. Этот поступок, господин граф, бесспорно является мошенничеством. Разве не так?

— Проклятье! — зарычал он и хотел было встать, но я, положив ему руку на плечо, вновь усадил его на стул.

— Благодаря целой цепи случайностей, — продолжал я, — я смог обойти это препятствие, на котором были основаны ваши расчеты. Эти же случайности привели к тому, что я был по ошибке арестован вместо другого человека. Вам стало известно, как я преодолел все преграды, на которые вы рассчитывали; вы пришли в ужас, когда узнали, что мне способствовали непредвиденные обстоятельства, и стали опасаться за свое пари.

И что же вы сделали? Когда я на суде предстал перед вами, королевским уполномоченным, вы сделали вид, что не знаете меня; вы отказались видеть во мне кого-нибудь, кроме Лесперона, мятежника, и приговорили меня к смертной казни вместо него, чтобы убрать меня со своей дороги. Таким образом, я бы уже не смог выполнить свое задание, и мои земли перешли бы в вашу собственность. Этот поступок, сударь, был одновременно поступком вора и убийцы. Подождите, сударь, держите себя в руках, пока я не закончу. Сегодня фортуна вновь пришла мне на помощь. Вы почувствовали, что я снова ускользаю из ваших рук, и вы были в отчаянии. Затем, в одиннадцатом часу, к вам приходит мадемуазель де Лаведан просить за мою жизнь. Этим поступком она предоставляет вам достаточное доказательство того, что ваше пари проиграно. Как бы поступил дворянин, честный человек в такой ситуации? И как поступили вы? Вы ухватились за этот последний шанс; вы обратили его в свою пользу; вы заставили эту бедную девушку продаться вам за то, чего нет на самом деле, — притворившись, что это ваше нечто обладает большой ценностью. Каким словом мы можем это назвать? Если мы снова назовем это мошенничеством, это будет слишком мягко сказано.

— Ей-богу, Барделис!

— Подождите! — крикнул я, глядя ему прямо в глаза так, что он в страхе вновь опустился на стул. Затем я продолжал прежним спокойным голосом: — Ваша алчность, ваше стремление заполучить имения Барделиса, ваша ревность и страстное желание увидеть меня нищим и, таким образом, вытесненным из дворца, с тем чтобы вы могли безраздельно пользоваться благосклонностью его величества, — все эти чувства мне кажутся несколько странными для дворянина, Шательро. Однако подождите.

И, окунув перо в чернильницу, я начал писать. Я чувствовал на себе его взгляд и мог себе представить, какие предположения и догадки приходили ему в голову, пока мое перо скользило по бумаге. Через несколько минут я закончил и отложил перо в сторону. Я взял песочницу для просушки чернил.

— Когда человек играет нечестно, господин граф, и его разоблачают в этом, он считается проигравшим. Исходя из этого, все, что вы имеете, теперь по праву принадлежит мне. — Мне снова пришлось сдерживать его. — Но если мы закроем на это глаза и представим, что вы действовали честно и благородно, все равно, сударь, у вас есть достаточное доказательство — слово самой мадемуазель — того, что я выиграл пари. И следовательно, если мы будем

рассматривать это дело с самой мягкой точки зрения, — я на секунду остановился, чтобы посыпать бумагу песком, — вы все равно оказываетесь в проигрыше, и ваши имения должны перейти в мою собственность.

— Разве? — заорал он не в силах больше сдерживать себя и вскочил на ноги. — Вы закончили, не так ли? Вы сказали все, что могло прийти вам в голову. Вы бросили мне в лицо такие оскорбления, которых было бы достаточно, чтобы перерезать дюжину глоток. Вы окрестили меня обманщиком и вором, — он захлебнулся в своей ярости, — хватит, с меня довольно. Теперь послушайте меня, господин Барделис, господин шпион, господин фигляр, господин притворщик! А каковы были ваши действия, когда вы отправились в Лаведан под чужим именем? Как вы назовете это? Разве это не мошенничество?

— Нет, сударь, не мошенничество, — спокойно ответил я. — По условиям пари я мог отправиться в Лаведан в любом облиии и использовать любые уловки, какие только придут мне в голову. Но Бог с ним, — завершил я и смахнул остатки песка с бумаги. — Вряд ли этот вопрос достоин обсуждения в данный момент. Так или иначе ваше пари проиграно.

— Неужели? — Он стоял подбоченясь и насмешливо смотрел на меня. — Вы довольны? Очень довольны, а? — Его лицо было перекошено злобой. — Ну а теперь, господин маркиз, посмотрим, не смогу ли я отыгаться при помощи нескольких дюймов стали.

И его рука в очередной раз потянулась к эфесу шпаги.

Поднявшись, я бросил на стол документ, который только что составил.

— Сначала взгляните на это, — сказал я.

Он вопросительно посмотрел на меня. Мое поведение вызывало у него страшное любопытство. Он подошел к столу и взял бумагу. По мере чтения его руки затряслись, глаза расширились от изумления, и он нахмурился.

— Что... что это значит? — выдохнул он.

— Это значит, что, хотя я абсолютно уверен в своей победе, я предпочитаю признать себя проигравшим. Я отдаю вам все свои земли в Барделисе, потому что, сударь, я понял, что это пари было бесчестным — дворянин не имел права принимать в нем участие, — и только так я смогу искупить свою вину перед собой, перед своей честью и перед дамой, которую вы оскорбили.

— Я не понимаю, — жалобно промямлил он.

— Я понимаю ваши трудности, граф. Это сложный вопрос. Поймите, по крайней мере, что мои имения в Пикардии — теперь ваши. Но я бы посоветовал вам, сударь, немедленно составить завещание, так как вам не суждено будет пользоваться ими.

Он взглянул на меня с застывшим вопросом в глазах.

— Его величество, — продолжал я в ответ на его взгляд, — приказал арестовать вас за злоупотребление оказанным вам доверием и за превращение правосудия в орудие убийства в ваших корыстных целях.

— Mon Dieu! — воскликнул он, внезапно превратившись в жалкого, испуганного человека. — Король знает?

— Знает? — засмеялся я. — На вас так подействовало все происходящее, что вы забыли спросить меня, как я очутился на свободе. Я был у короля, сударь, и рассказал ему, что произошло здесь, в Тулузе, и что завтра я должен взойти на плаху!

— Scelerat!note 52 — крикнул он. — Вы уничтожили меня! — Он стоял передо мной с позеленевшим лицом, сжимая и разжимая кулаки.

— Неужели вы надеялись, что я буду молчать? Даже если бы я и хотел, я не смог бы этого сделать, потому что у его величества было много вопросов ко мне. Из слов короля, сударь, я понял, что вы взойдете на плаху вместо меня. Так что будьте благоразумны и составьте ваше завещание сейчас, если вы хотите, чтобы ваши наследники могли наслаждаться моим именем в Пикардии.

Я не раз видел лица людей, искаженные ужасом и гневом, но я никогда не видел ничего, подобного тому безумию, которое в тот момент было написано на лице Шательро. Он топал ногами, он рвал и метал, он кипел от злости. В ярости он изрыгал тысячи непристойных ругательств, он обрушил град оскорблений на меня и шквал проклятий на короля. Его невысокое грузное тело тряслось от злости и страха, его широкое лицо было искажено чудовищной гримасой ярости. И тут, когда его неистовство было в самом разгаре, открылась дверь, и в комнату с важным видом вошел шевалье де Сент-Эсташ.

Он в изумлении застыл в дверях — пораженный гневом Шательро и смущенный моим присутствием. Его внезапное появление напомнило мне о том, что последний раз я видел его в Гренаде в день моего ареста в компании графа. Как и тогда, я удивился его близким отношениям с Шательро.

Граф обрушил всю злость на него.

— Ну, хлыщ? — прорычал он. — Что тебе нужно от меня?

— Господин граф! — воскликнул шевалье с негодованием и укором.

— Вы пришли не вовремя, — вмешался я. — Господин де Шательро слегка не в себе.

Мои слова вновь привлекли его внимание ко мне, и он в изумлении вытаращил на меня глаза, поскольку для него я по-прежнему оставался Леспероном, мятежником, и он, естественно, недоумевал, почему я очутился на свободе.

Но тут в коридоре послышались шаги и голоса. Повернувшись, я увидел за спиной Сент-Эсташа Кастельру, Миронсака и моего старого знакомого — болтливую, невыносимую шуту Лафоса. От Миронсака он узнал, что я в Тулузе, и в сопровождении Кастельру они оба отправились искать меня. Готов поклясться, что они не ожидали увидеть меня в такой ситуации.

Оттолкнув Сент-Эсташа, они вошли в комнату. Пока они радостно приветствовали и поздравляли меня, Шательро, обуздав свой гнев, отвел шевалье в угол и молча слушал его. Наконец, я услышал, как граф воскликнул:

— Поступайте как вам угодно, шевалье. Если у вас есть какой-то личный интерес в этом, пожалуйста. А меня это больше не интересует.

— Но почему, сударь? — спросил шевалье.

— Почему? — повторил Шательро, вновь охваченный яростью. Затем, круто развернувшись, он пошел прямо на меня, как бык в атаку.

— Господин де Барделис! — злобно прошипел он.

— Барделис! — ахнул за его спиной Сент-Эсташ.

— Что еще? — холодно спросил я, отвернувшись от своих друзей.

— Может быть, все, что вы сказали, правда, может быть, я действительно обречен, но клянусь перед Богом, вы не увидите отсюда безнаказанным.

Боюсь, сударь, вы очень сильно рискуете нарушить клятву! — я рассмеялся.

— Вы дадите мне сатисфакцию прежде, чем мы расстанемся! — заорал он.

— Если эта бумага не является достаточным удовлетворением для вас, тогда, сударь, простите меня, но ваша жадность не имеет границ, и ее просто невозможно удовлетворить.

— К черту вашу бумагу и ваши имения! Какая мне от них будет польза, когда я умру?

— Они могут принести пользу вашим наследникам, — предположил я.

— Но какую пользу это принесет мне?

— Эту загадку я не в силах разгадать.

— Ты смеешься надо мной, ты — подлец! — прохрипел он. Затем, резко переменив тон, он сказал: — У вас нет недостатка в друзьях. Попросите одного из этих господ быть вашим секундантом, и, если вы честный человек, пойдите во двор и разрешим этот вопрос.

Я покачал головой.

— Я настолько честный человек, что не со всяким могу скрестить свою шпагу. Я предпочитаю отдать вас в руки короля; я думаю, его палач не столь разборчив. Нет, сударь, я не думаю, что могу драться с вами.

Его лицо побледнело. Оно стало просто серым, челюсти были сжаты, а глаза потеряли всякую симметрию. Минуту он смотрел на меня. Потом сделал шаг вперед.

— Вы не думаете, что можете драться со мной, да? Вы так не думаете? *Pardieu!* Как мне заставить вас изменить свое решение? Вы глухи к словесным оскорблениям. Вы воображаете, что ваша смелость не может подвергаться сомнениям, потому что по счастливой случайности вы несколько лет назад убили Вертоля, и его слава перешла к вам. — От злости он тяжело дышал, как сильно уставший человек. — С тех пор вы жили за счет этой репутации. Посмотрим, сможете ли вы умереть с ней, господин де Барделис. — И, наклонившись вперед, он ударил меня в грудь. Его удар был таким внезапным и таким сильным — он обладал невероятной силой, — что я бы упал, если бы меня не поймал Лафос.

— Убей его! — прошептал этот помешанный на классике глупец. — Поступи, как Тесейnote 53, с этим марафонским быком.

Шательро отступил назад и стоял, подбоченясь и склонив голову к правому плечу. Он выжидающе смотрел на меня, и в глазах его полыхали злоба и презрение.

— Ну как, ваши сомнения рассеялись? — ухмыльнулся он.

— Я встречу с вами, — ответил я, отдышавшись. — Но клянусь, я не позволю вам уйти от палача.

Он грубо рассмеялся.

— Неужели я этого не знаю? — издевался он. — Как я могу убить вас и уйти от палача? Пойдемте, господа, *sortonsnote 54*. Сию минуту!

— *Soitnote 55*, — коротко ответил я; мы протиснулись в коридор и вперемешку отправились

на задний двор.

Глава XVI ШПАГИ!

Лафос шел рядом со мной, взяв меня под руку, и заверял, что будет моим секундантом. Этот неугомонный, легкомысленный стихоплет просто обожал драки, они были его страстью, и, когда в ответ на его намек на эдикт я сказал ему, что у меня есть разрешение короля на дуэль, он едва не обезумел от радости.

— Кровь Лафоса! — была его клятва. — Честь быть вашим секундантом должна быть оказана мне, мой Барделис! Вы просто обязаны, ведь во всем этом есть и доля моей вины. Нет, вы не откажете мне. Вон у того господина с жуткими усами и с именем, похожим на гасконское ругательство, — я имею в виду кузена Миронсака, — нюх на драку и страстное желание поучаствовать в ней. Но вы окажете эту честь мне, ведь правда? *Pardieu!* Благодаря ей я попаду в историю.

— Или на кладбище, — сказал я, дабы охладить его пыл.

— *Peste!* Отличное предсказание! — затем рассмеявшись, он добавил, показывая на Сент-Эсташа: — Но этот длинный худой святой — я забыл, кому он покровительствует, — не выглядит кровожадным.

Чтобы не спорить с ним, я пообещал, что он будет моим секундантом. Но эта милость потеряла всякую ценность в его глазах, когда я добавил, что не хочу привлекать секундантов, поскольку дело было сугубо личного характера.

Миронсак и Кастельру с помощью Сент-Эсташа закрыли тяжелые *portecoche*note 56 и скрыли нас от взглядов прохожих. Скрип этих ворот привлек внимание хозяина и двоих слуг, и на нас обрушились мольбы и просьбы, крики и ругательства, которые всегда предшествуют любой дуэли на конном дворе, но которые неизменно завершаются тем, что хозяин бежит за помощью на ближайшую гауптвахту, что и произошло на этот раз.

— А теперь, мои *myrmillones*note 57, — вскричал Лафос с кровожадным ликованием, — беритесь за дело, пока не вернулся хозяин.

— *Po Car de Diou!* — прорычал Кастельру. — Подходящее место для шуток, господин балагур!

— Шуток? — услышал я его ответ, при этом он помогал мне снять камзол. — Разве я шучу? *Diable!* Вы, гасконцы, — все тугодумы! У меня есть склонность к аллегориям, но никто никогда не расценивал их как просто шутки.

Наконец мы были готовы, и я сосредоточил все свое внимание на коренастой мощной фигуре Шательро. Он надвигался на меня, раздетый до пояса, с каменным лицом и суровой решимостью в глазах. Несмотря на невысокий рост и широкую кость, которая подразумевала медлительность движений, в нем было что-то устрашающее. На его обнаженных плечах играли огромные мускулы, и, если его руки были столь же гибкими, сколь и мощными, одного этого было достаточно, чтобы сделать его опасным противником.

Однако я не чувствовал ни малейшего страха, хотя и не был отъявленным *ferrailleur*note 58. Как я уже говорил, за всю свою жизнь я сражался на дуэли с одним единственным человеком. В то же время я не отношусь к людям, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не испытывают чувство страха. Такие люди на самом деле не так уж храбры; им просто не

хватает ума и воображения. Даже робкий человек может совершить безрассудную дерзость, если его изрядно напоить вином. Но это так, между прочим. Вполне возможно, что мои регулярные занятия фехтованием в Париже сыграли свою роль в том, что этот поединок не смог взволновать меня.

Как бы там ни было, но я вступил в бой с графом, не чувствуя дрожи ни в теле, ни в душе. Я выжидал, чтобы граф начал первым. Мне нужно было определить его возможности и решить, как лучше разделаться с ним. Я не намерен был убивать его, я хотел оставить его в живых для палача, как я поклялся, и, следовательно, мне необходимо было любыми средствами обезоружить его.

Но он тоже вел себя осторожно и осмотрительно. Я надеялся, что ярость ослепит его, он со злостью бросится на меня, и тогда я легко смогу достичь своей цели. Однако все было не так просто. Теперь, когда он взял в руку шпагу, чтобы защитить свою жизнь и отобрать мою, он, казалось, понял, насколько важно иметь трезвый рассудок. Подавив свой гнев, он стоял передо мной спокойный и решительный.

В первой схватке мы провели ряд проверочных выпадов в терции, каждый действовал с осторожностью, однако ни один из нас не уступал и не обнаруживал поспешности или волнения. Теперь его шпага безостановочно мелькала передо мной; он смотрел на меня исподлобья, и, согнув колени, весь сжался, как кошка, готовящаяся к прыжку. И прыгнул. Его перевод в темп был стремительным, как молния; он провел серию ударов и, распрямившись в выпаде в завершение своих двух переводов, вытянул руку, чтобы последним ударом поразить цель.

Но резким движением я отбросил его шпагу от моего тела. Наши шпаги звякнули, его шпага прошла мимо меня, он весь вытянулся и на какое-то мгновение оказался полностью в моей власти. Однако я просто стоял и даже не шевельнул своей шпагой, пока он не поднял шпагу вверх, и мы вернулись к нашей первой позиции.

Я услышал, как смачно выругался Кастельру, как в ужасе охнул Сент-Эташ, который уже представил своего друга распростертым на земле, и как разочарованно вскрикнул Лафос, когда Шательро поднял вверх свою шпагу. Но меня это мало волновало. Как я уже сказал, я не собирался убивать графа. Вероятно, Шательро следовало бы обратить на это внимание, но он ничего не понял. Судя по тому, как стремительно он начал нападать на меня, он решил, что ему удалось выкрутиться за счет моей медлительности. Но он не учел, какая мне понадобилась скорость для того, чтобы выиграть эту позицию.

Он был полон презрения ко мне за то, что я не смог проткнуть его шпагой в такой подходящий момент. Теперь он фехтовал без всяких предосторожностей, тем самым демонстрируя мне свое презрение и торопясь разделаться со мной, пока нас не прервали. Я решил воспользоваться его поспешностью и попытаться разоружить его. Я отразил жестокий удар, поставив — опасно близкую — защиту, и, обхватив его шпагу, попытался нажимом выбить ее из его руки. Мне почти удалось это сделать, но он выскользнул и отпарировал мой удар.

Тогда он, вероятно, понял, что я не был таким уж недостойным соперником, как ему показалось, и вернулся к своей прежней, осторожной тактике. Затем я изменил свои планы. Я изобразил нападение и в течение нескольких минут жестоко атаковал его. Он был силен, но у меня были преимущества дистанции удара и гибкости, но даже без этих преимуществ, если бы моей целью была его жизнь, я бы мог быстро с ним расправиться.

Игра, которую я вел, была крайне рискованной, и один раз я очутился на волосок от смерти. Моя атака вынудила его нанести ответный удар, чего я и добивался. Он так и поступил, и, когда его шпага скрестилась с моей, а ее острие было нацелено на меня, я вновь обхватил ее и попытался нажимом выбить из его руки. Но на этот раз я был далек от успеха. Он

рассмеялся и внезапно, застав меня врасплох, высвободил свою шпагу, и ее острие, как змея, метнулось к моему горлу.

Я отразил этот удар, но только тогда, когда острие шпаги находилось всего в трех дюймах от моей шеи и едва не расцарапало кожу. Опасность была настолько близка, что, когда мы оба подняли шпаги, я был весь в холодном поту.

После этого я решил отказаться от попытки разоружить его при помощи нажима и сосредоточился на тактике захвата. Но когда я принимал это решение — в этот момент мы сражались в шестой позиции, — я вдруг увидел свой шанс. Острие его шпаги было направлено вниз; оно было настолько низко, что его рука оказалась открытой, и острие моей шпаги было на одном уровне с ней. В одну секунду я оценил ситуацию и принял решение. Через мгновение я выпрямил руку, нанес молниеносный удар и пронзил руку, которая держала шпагу.

Он взвыл от боли, затем послышался злобный рык, и разъяренный граф, раненный, но не побежденный, левой рукой поймал свою падающую шпагу. Моя шпага застряла в кости правой руки, он решил воспользоваться этим и попытался проткнуть меня насквозь, но я быстро отскочил в сторону. Прежде, чем он смог повторить свою попытку, мои друзья набросились на него, отобрали у него шпагу и выдернули мою шпагу из его руки.

С моей стороны было, конечно, некрасиво дразнить человека, который находился в столь плачевном состоянии, но как еще я мог объяснить ему, что имел в виду, когда пообещал, что оставляю его в живых для палача, хотя и согласился драться с ним.

Миронсак, Кастельру и Лафос стояли вокруг меня и тихо переговаривались друг с другом, но я не обращал никакого внимания ни на *patoisnote 59* Кастельру, ни на искаженные цитаты Лафоса из классики. Наш поединок затянулся, и методы, которые я использовал, были слишком изнурительными. Я прислонился к воротам и вытер лицо платком. Затем Сент-Эсташ, который перевязал руку своего патрона, подозвал к себе Лафоса.

Я следил глазами за своим секундантом, когда он шел к Шательро. Граф стоял белый, со сжатыми губами, несомненно от боли, которую ему причиняла рана в руке. Он обратился к Лафосу, и до меня донесся его голос.

— Вы оказали бы мне любезность, сударь, если бы сообщили своему другу, что мы не договаривались драться до первой крови. Наша схватка должна быть а *l'outrancenote 60*.левой рукой я фехтую так же хорошо, как и правой, и, если господин де Барделис окажет мне честь и продолжит поединок, я буду ему весьма признателен.

Лафос поклонился и подошел ко мне с сообщением, которое мы уже слышали.

— Мотивы, — сказал я в ответ, — побудившие меня к дуэли, резко отличаются от мотивов господина де Шательро. Он вынудил меня предоставить доказательство моей смелости. Я предъявил ему это доказательство; и я не намерен больше ничего делать. Кроме того, как господин де Шательро, вероятно, заметил, уже смеркается, и через несколько минут станет слишком темно для того, чтобы продолжать поединок.

— Через несколько минут свет уже будет ни к чему, сударь, — крикнул Шательро, чтобы выиграть время. Он был верен себе до конца.

— В любом случае, сударь, сюда идут те, кто будет решать этот вопрос, — ответил я, показывая на дверь гостиницы.

В этот момент во дворе появился хозяин в сопровождении офицера и шестерых солдат. Это были не простые блюстители порядка, а королевские мушкетеры, и, увидев их, я понял, что

они пришли не остановить дуэль, а арестовать моего соперника за более тяжелое преступление.

Офицер направился прямо к Шательро.

— Именем короля, господин граф, — сказал он, — я требую вашу шпагу.

Вероятно, в самой глубине души я оставался мягким и добрым человеком, хотя все считали меня бесчувственным циником; когда на лице Шательро я увидел горе и страдание, мне стало невыносимо жаль его, несмотря на все то, что он замышлял против меня. У него не было ни тени сомнения по поводу того, что его ждет. Он знал, как никто другой, как искренне король любит меня, как жестоко он накажет его за попытку лишить меня жизни, не говоря уж о том, что он превратил правосудие в проститутку — одного этого было достаточно для того, чтобы вынести ему смертный приговор.

Минуту он стоял с опущенной головой, душевные муки заглушили боль в руке. Затем резко выпрямился и гордо и даже слегка насмешливо посмотрел офицеру прямо в глаза.

— Вам нужна моя шпага, сударь? — спросил он.

Мушкетер почтительно поклонился.

— Сент-Эсташ, окажите любезность, подайте ее мне.

Пока шевалье поднимал шпагу, этот человек ждал его с видимым спокойствием. В тот момент я просто восхищался им — нас всегда восхищают люди, которые с мужеством принимают удары судьбы. Я хорошо мог представить себе его состояние в эту минуту. Он все поставил на карту и все потерял. Ему грозили бесчестье, позор и плаха, и они были неминуемы.

Он взял шпагу из рук шевалье. Секунду он в задумчивости держал ее за эфес, как будто решая что-то. Мушкетер ждал с почтением, которое все добрые люди обычно испытывают к несчастным.

Продолжая держать шпагу, он на мгновение поднял глаза, и его злобный взгляд остановился на мне. Затем он издал короткий смешок и, пожав плечами, взял шпагу за острие, как бы предлагая эфес офицеру. Вдруг он шагнул назад и, прежде чем кто-нибудь смог остановить его, упер эфес в землю, острие направил себе в грудь, всем телом навалился на него и проткнул себя насквозь.

Все вскрикнули от неожиданности и бросились к нему. Он перевернулся на бок, лицо перекошилось от невыносимой боли, однако его насмешливость была непобедима.

— Теперь можете взять мою шпагу, господин офицер, — сказал он и потерял сознание.

Выругавшись, мушкетер шагнул вперед. Он буквально отнесся к словам Шательро и, встав рядом с ним на колени, осторожно вытащил шпагу. Затем он приказал своим людям забрать тело.

Кто-то спросил:

— Он мертв?

И кто-то ответил:

— Нет еще, но скоро будет.

Два мушкетера отнесли его в гостиницу и положили на пол в той самой комнате, в которой около часа назад он заключил свою сделку с Роксаланой. Вместо подушки ему под голову подложили свернутый плащ. Мы ушли, а он остался на попечении своих стражников, хозяина, Сент-Эсташа и Лафоса. Последним, не сомневаюсь, двигал нездоровый интерес, характерный для многих поэтически настроенных людей, и он остался, чтобы лично наблюдать предсмертную агонию графа Шательро.

Что касается меня, я оделся и собирался немедленно отправиться в гостиницу «дель'Эпе», чтобы разыскать там Роксалану, успокоить ее и наконец-то во всем признаться.

Когда мы вышли на улицу, было уже совсем темно. Я повернулся к Кастельру и спросил его, каким образом Сент-Эсташ оказался в компании Шательро.

— Я полагаю, он из рода Искарриотовnote 61, — ответил гасконец. — Как только он узнал, что Шательро направляется в Лангедок в качестве королевского уполномоченного, он отправился к нему и предложил свои услуги по привлечению мятежников к суду. Он утверждал, что прекрасно знает провинцию, и поэтому может сослужить хорошую службу королю, кроме того, ему были известны имена людей, которых мы даже не подозревали.

— Mort Dieu! — воскликнул я. — Я подозревал что-то в этом роде. Вы совершенно верно причислили его к племени Искарриотов. Но он еще хуже, чем вы думаете. Мне это хорошо известно — слишком хорошо. До последнего времени он сам был мятежником, сторонником Гастона Орлеанского, хотя и не очень искренним. Вы не знаете, что заставило его сделать это?

— Те же причины, которые двигали его предком Иудой. Желание обогатиться. Ведь он претендует на половину конфискованного имущества ранее не подозреваемых мятежников, которых он передает в руки правосудия и измену которых доказывают при его помощи.

— Diable! — вскричал я. — И Хранитель Печати санкционирует это?

— Санкционирует это? Да у Сент-Эсташа есть доверенность, он обладает полной свободой действий, и ему предоставлен целый отряд всадников, которые помогают ему в охоте за мятежниками.

— И много он успел сделать? — был мой следующий вопрос.

— Он выдал полдюжины аристократов и их семей. Я думаю, при этом он сколотил себе приличное состояние.

— Завтра, Кастельру, я пойду к королю и расскажу ему об этом милом господине, и думаю, что он не только окажется в темнице, сырой и глубокой, но ему также придется вернуть эти залитые кровью деньги.

— Если вы сможете доказать его измену, вы сделаете благое дело, — ответил Кастельру. — Ну а теперь до завтра. Это гостиница «дель Эпе».

Из приоткрытых дверей вырывался луч света и освещал мощеную улицу. В этом луче света роились — как мошки вокруг фонаря — темные фигуры уличных мальчишек и других прохожих, и туда же вступил я, расставшись со своими спутниками.

Я поднялся по ступенькам и уже собрался войти, как вдруг раздался взрыв хохота, и я различил очень знакомый мне голос. Похоже, он обращался к компании, которая собралась внутри. Я сомневался всего минуту, поскольку прошел уже месяц с тех пор, как я слышал этот мягкий вкрадчивый голос. Теперь я был уверен, что этот голос принадлежит моему дворецкому Ганимеду. Люди Кастельру наконец-то нашли его и привезли в Тулузу.

У меня было желание броситься в комнату и расцеловать этого старого слугу, к которому, несмотря на все его недостатки, я был глубоко привязан. Но в этот момент до меня донесся не только его голос, но и слова, которые он произносил. Эти слова удержали меня и заставили подслушивать второй раз в моей жизни в один и тот же день.

Глава XVII БОЛТОВНЯ ГАНИМЕДА

До этой минуты, когда я стоял на пороге гостиницы «дель'Эпе» и внимал рассказу моего оруженосца, который вызывал взрывы хохота у его многочисленных слушателей, я и не подозревал в Роденаре такого талантливом *raconteur* ⁶². Но я не могу сказать, что высоко оценил его способности в тот момент, потому что история, которую он рассказывал, была о том, как некий Марсель де Сент-Пол, маркиз де Барделис заключил пари с графом де Шательро, что он посватается и женится на мадемуазель де Лаведан в течение трех месяцев. Вы думаете он остановился на этом? Похоже, Роденар был хорошо осведомлен. Он разузнал все подробности у людей Кастельру, а потом в Тулузе — не знаю уж у кого — после своего приезда.

Он развлекал компанию рассказом о том, как мы нашли умирающего Лесперона, как я уехал один и, очевидно, присвоил себе имя этого мятежника, и таким образом мое сватовство в Лаведане проходило в благоприятных условиях сочувствия. Но самое интересное, объявил он, заключалось в том, что меня арестовали под именем Лесперона, привезли в Тулузу и судили вместо Лесперона. Он рассказал им, как меня приговорили к смерти вместо другого человека, и уверял их, что меня непременно бы казнили на следующий день, но ему — Роденару — стало известно о моем тяжелом положении, и он приехал, чтобы освободить меня.

Когда я услышал его рассказ о пари, моим первым желанием было войти в комнату и тем самым заставить его замолчать. Но я не прислушался к внутреннему голосу, и вскоре мне пришлось горько пожалеть об этом. Как это получилось, я и сам не знаю. Вероятно, мне хотелось посмотреть, насколько далеко может зайти мой верный оруженосец, которому я доверял все эти годы. Итак, я остался стоять на пороге, пока он не закончил свой рассказ. В заключение он сказал, что собирается сообщить королю — который по счастливой случайности прибыл сегодня в Тулузу — об этой ошибке, немедленно освободить меня и тем самым заслужить мою вечную признательность.

Только я собирался войти, чтобы сурово наказать этого болтливом негодяя, как вдруг услышал какое-то движение внутри. Заскрипели стулья, смолкли голоса, и внезапно я оказался лицом к лицу с самой Роксаланой де Лаведан, которую сопровождали паж и какая-то женщина.

Ее глаза задержались на мне всего на одно мгновение. Свет, льющийся из-за ее спины, нахально осветил мое лицо, крайне испуганное. В эту секунду я понял, что она слышала весь рассказ Роденара. Я почувствовал, что бледнею под ее взглядом, дрожь охватила мое тело, а лоб покрылся холодным потом. Затем она отвела глаза и посмотрела мимо меня на улицу, как будто мы не были знакомы; не могу сказать, как выглядела она — побледнела или покраснела, — так как ее лицо было в тени. Наступила пауза, которая показалась мне бесконечной, хотя на самом деле прошло лишь несколько секунд. Затем, подобрав юбку, она не глядя прошла мимо меня, а я в замешательстве отпрянул в тень, сгорая от стыда, ярости и унижения.

Сопровождавшая ее женщина вопросительно посмотрела на меня исподлобья; ее любопытный паж нахально уставился на меня, и я едва удержался, чтобы пинком не помочь

ему спуститься с лестницы.

Наконец они ушли, и до меня донесся пронзительный голос пажа. Он звал конюха, чтобы тот подал карету. Я понял, что она уезжает в Лаведан.

Теперь она знала, что была обманута со всех сторон, сначала мной, а потом, сегодня днем, Шательро, и ее отъезд из Тулузы мог означать только одно — она решила расстаться со мной навсегда. Мне показалось, что в ее мимолетном взгляде мелькнуло удивление, но гордость не позволила ей спросить меня о причинах моего освобождения.

Я все еще стоял там, где она прошла мимо меня, и смотрел ей вслед, пока ее карета не укатила в ночь. В течение нескольких минут я боролся с собой и никак не мог решить, что мне делать. Но отчаяние уже крепко держало меня в своих объятиях.

Я пришел к гостинице «дель'Эпе» ликующим и уверенным в победе. Я пришел признаться ей во всем. Мне казалось, что теперь я легко сделаю это. Я мог сказать ей: «Я поспорил, что завоюю не вас, Роксалана, а некую мадемуазель де Лаведан. Я завоевал вашу любовь, но чтобы у вас не осталось никаких сомнений по поводу моих намерений, я заплатил свой проигрыш и признал себя побежденным. Я передал Шательро и его наследникам мои имения в Барделисе».

О, сколько раз я мысленно повторял эти слова, и я был уверен, я знал, что завоюю ее. А теперь она узнала об этой позорной сделке не от меня, а от другого человека, и все рухнуло.

Роденар заплатит за это — клянусь честью, заплатит! Я опять пал жертвой ярости, которую всегда считал недостойной дворянина, но давать волю которой в последнее время, похоже, стало для меня привычным делом. Как раз в этот момент по ступенькам поднимался конюх. В руке он держал длинный хлыст. Пробормотав «С вашего позволения», я выхватил его и ворвался в комнату.

Мой управляющий все еще рассказывал обо мне. Комната была переполнена, так как Роденар привел с собой еще двадцать моих слуг. Один из них поднял голову, когда я промчался мимо него, и, узнав меня, вскрикнул от удивления. Но Роденар продолжал говорить, увлеченный своим рассказом, не замечая ничего вокруг.

— Господин маркиз, — говорил он, — это дворянин, служить которому большая честь...

На последнем слове он завопил, так как удар моего хлыста обжег его откормленные бока.

— Тебе больше не видеть этой чести, собака! — вскричал я.

Он высоко подпрыгнул, когда хлыст ударил его второй раз. Он круто развернулся. Его лицо было искажено от боли, его отвисшие щеки побледнели от страха, а глаза обезумели от гнева. Увидев меня и мое перекошенное от гнева лицо, он упал на колени и выкрикнул что-то непонятное — в тот момент я вряд ли мог что-нибудь разобрать.

Плеть снова взметнулась в воздух и опустилась на его плечи. Он корчился и стонал от физической и душевной боли. Но я был безжалостен. Своей болтовней он поломал мне жизнь, и за это он должен заплатить единственную цену, которая была ему доступна, — цену физической боли. Вновь и вновь мой хлыст со свистом вонзался в его мягкую белую плоть, а он ползал передо мной на коленях и молил о пощаде. Инстинктивно он приблизился ко мне, чтобы затруднить мои движения, но я отошел назад и предоставил плетке полную свободу действий. Он молитвенно протянул ко мне свои пухлые руки, но плеть поймала их в свое жестокое объятие и оставила красный рубец на белой коже. Он с воплем сунул их под мышки и упал ничком на пол.

Я помню, что кто-то из моих слуг попытался удержать меня, но это подействовало на меня, как ветер на бушующее пламя. Я щелкал хлыстом вокруг себя и кричал им, чтобы они не смели приближаться, если не хотят разделить его участь. Видимо, у меня был настолько устрашающий вид, что они в страхе отступили и молча наблюдали за наказанием своего предводителя.

Сейчас, когда я думаю об этом, меня охватывает ужасный стыд. Я с большим трудом заставил себя написать об этом. И если я оскорбил вас рассказом об этой порке, пусть крайняя необходимость послужит мне оправданием; к сожалению, я не могу найти оправданий для самой порки, не говоря уже о той слепой ярости, которая охватила меня.

На следующий день я уже горько сожалел об этом. Но в тот момент я ничего не соображал. Я просто обезумел, и мое безумие породило эту страшную жестокость.

— Ты смеешь говорить обо мне и моих делах в таверне, негодяй! — кричал я, задыхаясь от гнева. — Надеюсь, в будущем память об этом заставит тебя попридержать свой ядовитый язык.

— Монсеньер! — вопил он. — Misericordenote 63, монсеньер!

— Да, ты получишь пощадку — как раз столько пощады, сколько ты заслуживаешь. Я для этого доверял тебе все эти годы? А разве мой отец не доверял тебе? Ты стал толстым, холеным и самодовольным на службе у меня, и так ты мне отплатил за это? Sangdieu, Роденар! Мой отец повесил бы тебя и за половину того, что ты здесь наговорил сегодня. Собака! Жалкий подлец!

— Монсеньер, — вновь завопил он, — простите! Ради всего святого, простите! Монсеньер, я не знал...

— Зато теперь ты знаешь, собака: тебя учит боль в твоей жирной туше разве не так, падаль?

Силы оставили его, и он упал, безжизненная стонущая, кровавая масса, которую по-прежнему хлестала моя плеть.

Я отчетливо вижу эту плохо освещенную комнату; испуганные лица, на которые пламя свечей бросало причудливые тени, свист и щелканье моего хлыста; мой собственный голос, изрыгающий проклятия и презрительные эпитеты; вопли Роденара; умоляющие или протестующие возгласы то тут, то там, а самые смелые даже пытались пристыдить меня. Вскоре они уже все стали кричать «Позор!», и я наконец остановился и выпрямился с вызовом. Я не привык к критике, и их осуждающие возгласы разозлили меня.

— Кто тут сомневается в моих правах? — надменно спросил я, и они все замолкли. — Если среди вас найдется хоть один смельчак, который сможет подойти ко мне, он получит мой ответ. — Когда никто из них не ответил, я рассмеялся, выразив тем самым свое презрение.

— Монсеньер! — жалобно скулил Роденар у моих ног уже слабеющим голосом.

Вместо ответа я еще раз ударил его и бросил истрепавшийся хлыст конюху, у которого я его занял.

— Теперь достаточно, Роденар, — сказал я, коснувшись его ногой. — Если ты дорожишь своей несчастной жизнью, постарайся больше никогда не попадаться мне на глаза!

— Только не это, монсеньер! — застонал этот несчастный. — О, нет, только не это! Вы уже наказали меня, вы отхлестали меня так, что я не могу подняться, теперь простите меня, монсеньер, простите меня!

— Я уже простил тебя, но я не желаю больше тебя видеть, иначе я могу забыть о том, что простил тебя. Кто-нибудь, уберите его отсюда, — приказал я моим людям, и двое из них с молчаливой покорностью быстро вынесли этого стонущего, всхлипывающего старика из комнаты.

— Хозяин, — приказал я, — приготовьте мне комнату. Вы двое, помогите мне.

Затем я распорядился насчет своего багажа. Часть его мои лакеи принесли в комнату, которую хозяин немедленно приготовил для меня. В этой комнате я сидел, охваченный невыносимой тоской и отчаянием. Ярость моя прошла, я мог бы подумать о несчастном Ганимеде и его состоянии, но голова моя была занята лишь моими собственными делами.

Сначала я подумал отправиться в Лаведан, но сейчас же отказался от этой идеи. Что мне теперь это даст? Поверит ли мне Роксалана? Скорее всего, она подумает, что я решил с выгодой использовать эту ситуацию и что обстоятельства вынуждают меня сказать правду об этой истории, которую я не имею права отрицать. Нет, больше ничего нельзя сделать. В прошлом у меня было много amoursnote 64, однако, если бы я потерпел неудачу хотя бы в одном из них, я бы не почувствовал ни сожаления, ни горя. Но вот настал мой Dies irae 65. По иронии судьбы, именно моя первая настоящая любовь должна была кончиться провалом.

Наконец я лег в постель, но мне долго не удавалось заснуть. Всю ночь я оплакивал свою погибшую любовь, точно мать, потерявшая своего младенца.

На следующий день я решил уехать из Тулузы — покинуть эту провинцию, которая принесла мне столько горя, — и отправиться в Божанси, где и провести свою старость в уединении, ненавидя всех людей. С меня хватит дворцов; с меня хватит любви и женщин; похоже, что и сама жизнь мне уже надоела. Она щедро осыпала меня подарками, о которых я не просил. Она заваливала меня подношениями, которые были не в моем вкусе и вызывали у меня тошноту. А теперь, когда здесь, в этом заброшенном уголке Франции, я встретил единственный предмет своих желаний, она быстро отняла его у меня, посеяв тем самым досаду и тоску в моем изнеженном сердце.

В этот день я встретился с Кастельру, но ни слова не сказал ему о своей печали. Он принес известия о Шательро. Граф лежал в тяжелом состоянии в гостинице «Рояль», и его нельзя было трогать. Врач опасался за его жизнь.

— Он просит вас прийти, — сказал Кастельру.

Но я и не думал этого делать. Хотя он причинил мне много зла, хотя я глубоко презирал его, его нынешнее состояние может вызвать у меня жалость к нему, а я не собирался растрачивать на такого человека, как Шательро, — пусть даже он находился на смертном одре — чувство, которое сейчас было крайне необходимо мне самому.

— Я не пойду, — подумав, сказал я. — Скажите ему, что я прощаю его, если ему нужно мое прощение; скажите ему, что я не питаю ненависти к нему, и пусть он составит завещание, дабы избавить меня от хлопот после его смерти.

Я сказал это, потому что не собирался в случае, если он умрет без завещания, разыскивать его наследников и объявлять им, что мои бывшие имения в Пикардии теперь принадлежат им.

Кастельру еще раз попробовал уговорить меня навестить графа, но я был тверд в своем решении.

— Я уезжаю из Тулузы сегодня, — сообщил я.

— Куда вы направляетесь?

— К черту или в Божанси — я еще точно не знаю, но это не имеет значения.

Он удивленно посмотрел на меня, но, будучи человеком воспитанным, не задавал никаких вопросов о том, что считал сугубо личным.

— А как же король? — наконец спросил он.

— Его величество уже освободил меня от моих обязанностей при нем.

Однако я не уехал в этот день. Я дотянул до захода солнца и, увидев, что уже слишком поздно, решил отложить свой отъезд на следующий день. Не знаю, почему я так оттягивал его. Возможно, это было результатом инертности, которая охватила меня, возможно, меня удержал перст судьбы. Как бы там ни было, но тот факт, что я остался в гостинице «дель'Эпе» еще на одну ночь, оказался одной из тех случайностей, которые, пусть незаметно и без видимой лотки, приводят к невероятным событиям. Если бы я уехал в тот день в Божанси, вы, вероятно, никогда бы больше не услышали обо мне — по крайней мере, от меня самого, — потому что вряд ли стоило бы труда описывать то, что я вам уже рассказал, без того, что случилось потом.

Утром я отправился в путь, но, поскольку мы выехали поздно, мы успели добраться только до Гренада, и мне пришлось провести еще одну ночь в таверне де ла Курон. И благодаря тому, что я всего на один день отложил свой отъезд, я успел вовремя получить сообщение.

День был в полном разгаре. Наши лошади были оседланы, некоторые из моих людей уже сидели верхом — я не собирался отпускать их, пока мы не доберемся до Божанси, — и две мои кареты уже были готовы к отъезду. Не так просто отказаться от своих привычек даже тогда, когда Нужда поднимает свой голос.

Я как раз рассчитывался с хозяином, когда в коридоре вдруг послышались шаги, звяканье шпаги и раздался возбужденный голос — голос Кастельру:

— Барделис! Господин де Барделис!

— Что привело вас сюда? — приветствовал я его, когда он вошел в комнату.

— Так вы едете в Божанси? — резко спросил он.

— Да, а что? — ответил я, не понимая его возбуждения.

— Значит, вы не видели Сент-Эсташа и его людей?

— Нет.

— Странно, они должны были здесь проехать несколько часов назад. — Затем, бросив свою шляпу на стол, он заговорил с неожиданным пылом. — Если вас хоть как-то интересует семья Лаведана, вы немедленно вернетесь в Тулузу.

Упоминания о Лаведане было достаточно, чтобы мое сердце бешено заколотилось. Однако за прошедшие два дня я научился смирению, а вместе с этим приходит умение сдерживать свои чувства. Я медленно повернулся и внимательно посмотрел на маленького капитана. Его черные глаза сверкали, усы топорщились от возбуждения. Он явно принес важные новости. Я повернулся к хозяину.

— Оставьте нас, — коротко сказал я и, когда он ушел, как можно спокойнее спросил: — Что с семьей Лаведана, Кастельру?

— Сегодня в шесть утра шевалье де Сент-Эсташ выехал из Тулузы и направился в Лаведан.

Я быстро догадался, зачем он туда поехал.

— Он выдал виконта? — наполовину вопросительно, наполовину утвердительно сказал я. Кастельру кивнул.

— Он получил у Хранителя Печати ордер на его арест и отправился за ним. Есть опасность, что через несколько дней от Лаведана останется только имя. Этот Сент-Эсташ ведет оживленную торговлю и уже отхватил солидный куш. Но если сложить все вместе, это окажется мизером по сравнению с тем, что он получит в этой экспедиции. Если вы не вмешаетесь, Барделис, виконт де Лаведан погибнет, а его семья останется без крова.

— Я вмешаюсь, — вскричал я. — Клянусь честью! А Сент-Эсташ может считать, что родился под счастливой звездой, если ему удастся избежать эшафота. Он не подозревает, что ему придется иметь дело со мной. Кастельру, я немедленно отправляюсь в Лаведан.

Я уже направился к двери, когда гасконец окликнул меня.

— А что это даст? — спросил он. — Не лучше ли будет сначала вернуться в Тулузу и заручиться поддержкой короля?

В его словах был здравый смысл. Но моя кровь кипела, и мне было не до здравого смысла.

— Вернуться в Тулузу? — грозно повторил я. — Напрасная трата времени, капитан. Нет, я поеду прямо в Лаведан. Мне не нужна никакая поддержка. Я слишком хорошо знаю дела этого шевалье, и одного моего появления будет достаточно, чтобы остановить его. Он самый низкий предатель во всей Франции, но в данный момент слава Богу, что он оказался таким подлецом. Жиль! — крикнул я, широко распахнув дверь. — Жиль!

— Монсеньер, — ответил он, торопясь на мой зов.

— Задержи кареты и оседлай мою лошадь, — приказал я. — И скажи своим ребятам, чтобы немедленно седлали лошадей и ждали меня во дворе. Мы едем не в Божанси, Жиль. Мы едем на север — в Лаведан.

Глава XVIII СЕНТ-ЭСТАШ УПОРСТВУЕТ

Когда я первый раз приехал в Лаведан, я не воспользовался — или, скорее, судьба помешала мне воспользоваться — советом Шательро прибыть туда со всеми атрибутами власти — слугами, лакеями, экипажами — со всем этим великолепием, которое вся Франция связывает с моим именем, и ослепить этим блеском даму, которую я намеревался завоевать. Как вы, вероятно, помните, я, как вор, прокрался в замок ночью. Раненный, грязный, я представлял собой жалкое зрелище и вызывал скорее сочувствие, нежели восхищение.

Но во второй раз все было по-другому. Во всем своем блеске, благодаря которому я и заслужил прозвище «Великолепный», я въехал во двор Лаведана в сопровождении двадцати всадников, одетых в роскошную красно-золотую ливрею Сент-Пола, на груди их камзолов был вышит герб Барделиса — три лилии на лазурном поле. Они были вооружены шпагами и мушкетонами и напоминали скорее королевский эскорт, нежели группу обыкновенных слуг.

Мы приехали как раз вовремя. Я сомневаюсь, что мы смогли бы остановить Сент-Эсташа, если бы приехали раньше. Но для того, чтобы произвести эффект — *coup de theatrenote* 66,

— мы не могли подобрать более подходящего момента.

Во дворе у ступеней замка стояла карета: по лестнице спускался виконт в сопровождении виконтессы — как обычно, мрачной и злобной — и своей дочери, которая шла с побелевшим лицом и плотно сжатыми губами. Между этими двумя женщинами — женой и дочерью, так непохожими друг на друга, — твердой походкой шел Лаведан, благородный, с румянцем на лице и с видом величественного безразличия к своей судьбе.

Он шел к карете, которая должна была отвезти его в тюрьму, так, будто он направлялся на королевский прием.

Вокруг кареты столпились люди Сент-Эсташа — деревенские парни в солдатской форме, — небрежно одетые, в поношенных доспехах и стальных шлемах, большинство из которых были покрыты ржавчиной. У дверцы кареты стояла долговязая и тощая фигура самого шеваляе, одетого с обычной тщательностью, надушенного, с невысказанными кудряшками и бантиками. Он бросал сердитые взгляды, зловеще улыбался и таким образом пытался придать своему безвольному мальчишескому лицу воинственный, суровый вид.

Все, находившиеся во дворе, застыли в нерешительности, когда мои люди с Жилем во главе с грохотом проскакали по подъемному мосту и по двое въехали во двор через старую арку. Все взгляды были устремлены на них. И Жиль, который знал, зачем мы сюда приехали, и который был самым сообразительным из моих слуг, моментально оценил ситуацию. Зная, что я хотел разыграть эффектный спектакль, он шепотом отдал приказание. У ворот двойки разделились, один поехал налево, другой — направо, и распределились по двору в форме полумесяца. Затем они остановились, и люди шеваляе оказались в этом полукруге, лицом к лицу с моими слугами.

Появление двоек усилило любопытство — а может быть, и тревогу — Сент-Эсташа и его людей. Им не терпелось скорее узнать, кто же это приехал с таким королевским великолепием. В этот момент в воротах появился я и рысью въехал на середину двора. Я натянул поводья и снял шляпу, приветствуя их. Все они стояли, разинув рты и вытаращив глаза. Пусть это было театральное представление, парад, достойный лишь военного полигона, но тем не менее мое появление было великолепным и впечатляющим. Судя по их разинутым ртам, оно не прошло незамеченным. Солдаты с тревогой смотрели на шеваляе; шеваляе с тревогой смотрел на солдат; мадемуазель, страшно бледная, опустила глаза и еще сильнее сжала свои губы; виконтесса вскрикнула от изумления; один Лаведан, который был слишком горд, чтобы выражать удивление, приветствовал меня сдержанным поклоном.

За ними, на ступеньках лестницы, я заметил группу слуг. Впереди стоял старый Анатолий и явно недоумевал, тот ли это Лесперон, который совсем недавно был здесь, такой несчастный и потрепанный, так как не только мои лакеи прибыли во всем своем блеске, но и я тоже принарядился. Без всяких бантиков и щегольского платья, я тем не менее был одет с таким великолепием, какого, готов поклясться, ни один из присутствующих не видел за всю свою жизнь в серых стенах этого старого замка.

Когда я остановился, Жиль соскочил с лошади, подбежал ко мне и придержал мои стремяна, пробормотав при этом «Монсеньор», что вызвало новое изумление у наших зрителей.

Я медленно подошел к Сент-Эсташу и снисходительно обратился к нему — так я мог бы обратиться к конюху, поскольку, если вы хотите поразить и подавить человека такого типа, лучшего оружия, чем высокомерие, не найти.

— Какая неожиданная встреча, Сент-Эсташ, — я презрительно улыбнулся. — Мы живем в удивительном мире, в мире странных встреч и расставаний, в мире невероятных превращений. Когда мы с вами виделись здесь в последний раз, мы оба были гостями господина виконта, а теперь, похоже, вы здесь по делу, исполняете обязанности... судебного

пристава.

— Сударь! — Он покраснел, в его голосе слышалась обида.

Я смотрел ему прямо в глаза, холодно и равнодушно, как будто ждал, что он может еще что-то добавить. Он не выдержал моего взгляда и опустил глаза, душа его упала в пятки. Он знал меня и знал, что меня нужно бояться. Одно мое слово королю может отправить его на плаху. Именно на это я и рассчитывал. Затем, не поднимая глаз, он спросил:

— Ваше дело касается меня, господин де Барделис? — Когда он произнес мое имя, все, кто стоял на лестнице, пришли в волнение. Виконт вздрогнул и хмуро посмотрел на меня, а виконтесса разглядывала меня с новым интересом. Наконец-то она увидела живьем человека, который десять лет назад прославился своей интригой с герцогиней Бургундской, завершившейся скандалом, о котором она без устали рассказывала. Подумать только, она сидела с ним за одним столом и даже не подозревала об этом! Я не сомневаюсь, что именно об этом она думала в тот момент. Судя по выражению ее лица, она была так возбуждена от того, что лицезрела самого Барделиса Великолепного, что забыла даже о положении своего мужа и неминуемой конфискации Лаведана.

— Мое дело касается вас, шевадье, — сказал я. — Оно связано с вашей миссией здесь.

Его челюсть отпала.

— Вы хотите?..

— ... чтобы вы забрали отсюда своих людей и немедленно покинули Лаведан, отказавшись от выполнения вашего задания.

Он посмотрел на меня с беспомощной яростью.

— Вам известно о существовании ордера на арест, господин Барделис. Следовательно, вы должны понимать, что только королевский мандат может освободить меня от обязанности доставить господина де Лаведана к Хранителю Печати.

— Моим единственным мандатом, — я был несколько озадачен, но не оставлял надежды, — является мое слово. Вы скажете Хранителю Печати, что сделали это по распоряжению маркиза де Барделиса, а я обещаю вам, что его величество поддержит мои действия.

Я сказал слишком много и скоро понял это.

— Ею величество поддержит это, сударь? — сказал он с вопросом в голосе и покачал головой. — Я не пойду на этот риск. Мой приказ возлагает на меня определенные обязательства, которые я должен выполнить незамедлительно. Вы должны понимать справедливость этого.

Он был сама покорность, сама смиренность, но голос его был твердым, почти жестким. У меня оставалась последняя карта, козырная карта, которую я намеревался пустить в игру.

— Не соблаговолите ли вы отойти со мной в сторону, шевадье? — я скорее приказал, чем попросил.

— К вашим услугам, сударь, — сказал он, и мы отошли туда, где нас никто не мог услышать.

— А теперь, Сент-Эсташ, мы можем поговорить, — я резко переменял тон с холодного высокомерия на холодную угрозу. — Я поражен, что вы так смело продолжаете заниматься этим грязным делом после того, как два дня назад в Тулузе вы узнали, кто я.

Он сжал кулаки, его безвольное лицо потемнело.

— Попрошу вас выбирать выражения, сударь, — сказал он хриплым голосом.

Я смерил его изумленным взглядом.

— Я думаю, вы помните, в чем заключалась ваша служба, когда мы с вами встретились. Ну, стойте спокойно, Сент-Эсташ. Я не дерусь с судебными исполнителями, а если вы доставите мне хоть малейшее беспокойство, мои люди рядом. — И я показал пальцем через плечо. — А теперь к делу. Я не собираюсь беседовать с вами целый день. Как я уже сказал, меня поражает ваша смелость. Особенно я удивлен тем, что вы сообщили сведения против господина де Лаведана и приехали сюда, чтобы арестовать его, зная, вы не можете не знать, что виконт представляет для меня некоторый интерес.

— Я слышал об этом интересе, сударь, — он так ухмыльнулся, что я чуть не ударил его.

— Этим поступком, — продолжал я, не обращая внимания на его замечание, — вы искушаете судьбу. Похоже, вы собираетесь бросить мне вызов.

У него затряслись губы, и он боялся посмотреть мне в глаза.

— Нет, что вы, сударь... — пролепетал он, но я оборвал его.

— Я думаю, вы не полный дурак и должны понимать, что, если я расскажу королю все, что я о вас знаю, вы лишитесь того богатства, которое добыли нечестным путем, и вас казнят как двойного предателя — предателя своих друзей-мятежников.

— Но вы ведь не сделаете этого, сударь? — вскричал он. — Это недостойно вас.

Я рассмеялся ему в лицо.

— Боже правый! Вы избрали для себя такое занятие и еще надеетесь, что с вами будут поступать благородно? Я сделаю это, клянусь честью, господин де Сент-Эсташ, вы сами вынуждаете меня!

Он покраснел. Вероятно, я выбрал не самый лучший способ действия. Мне нужно было ограничиться тем, что я вызвал страх в его душе; только так я мог добиться своей цели; я не смог сдержаться и наговорил ему много обидных слов, чем вызвал его сопротивление, и теперь он во что бы то ни стало хотел помешать мне.

— Что вы хотите от меня? — спросил он с такой надменностью, которая напрочь затмила мое собственное высокомерие.

— Я хочу, — сказал я, решив, что настало время для откровенного разговора, — чтобы вы забрали своих людей и вернулись в Тулузу без господина де Лаведана. Там вы пойдете к Хранителю Печати и признаетесь ему в том, что ваши подозрения были необоснованны и что теперь вы получили доказательство невиновности виконта.

Он взглянул на меня с удивлением.

— Правдоподобная история для проницательных господ из Тулузы, — произнес он.

— Да, ma foi note 67, очень правдоподобная история, — сказал я. — Когда они подумают, от какого богатства вы отказались, они с легкостью поверят вам.

— Но о каком доказательстве вы говорите?

— Насколько я понимаю, вы не обнаружили никаких изобличающих сведений — никаких

документов, которые свидетельствовали бы против виконта?

— Да, сударь, я действительно ничего не...

Он замолчал, прикусив губу, потому что понял по моей улыбке, какую оплошность он допустил.

— Очень хорошо, значит, вам нужно придумать какое-то доказательство того, что он никаким образом не был связан с восстанием.

— Господин де Барделис, — сказал он очень дерзко, — мы попусту теряем время. Если вы думаете, что я буду рисковать своей жизнью ради того, чтобы услужить вам или виконту, вы глубоко заблуждаетесь.

— У меня и мысли об этом не было. Но я думал, что, возможно, вы захотите рискнуть своей жизнью — как вы выразились — ради нее самой и ради того, чтобы спасти ее.

Он отвернулся от меня.

— Сударь, вы напрасно тратите слова. У вас нет приказа короля, отменяющего мой приказ. Делайте, что хотите, когда приедете в Тулузу, — он мрачно усмехнулся. — А пока виконт поедет со мной.

— Но у вас нет никаких доказательств против него, — крикнул я, не в силах поверить, что он посмеет послушаться меня и что я проиграл.

— У меня есть доказательство — мое слово. Я готов под присягой сообщить все, что мне известно: когда я был в Лаведане несколько недель назад, я обнаружил его связь с мятежниками.

— А что, по-вашему, значит ваше слово, жалкий глупец, против моего? — вскричал я. — Ничего, господин шевалье, в Тулузе я уличу вас во лжи. Я докажу, что ваше слово — это слово человека, которому ни в коем случае нельзя верить, и расскажу королю о вашем прошлом. Если вы думаете, что после моих слов король Людовик, которого называют Справедливым, будет судить виконта по вашему наущению, или если вы думаете, что вам удастся избежать петли, которую я наброшу на вашу шею, значит, вы гораздо глупее, чем я думал.

Он стоял, глядя на меня через плечо, его лицо было пунцовым и мрачным, как грозовая туча.

— Все это произойдет, когда вы приедете в Тулузу, господин де Барделис, — хмуро сказал он, — а отсюда до Тулузы около двадцати лье.

С этими словами он развернулся на каблуках и пошел прочь. А я остался стоять злой и озадаченный, пытаюсь понять значение его последних слов.

Он приказал своим людям садиться на лошадей, а господину де Лаведану — в карету. Жиль бросил на меня вопросительный взгляд. В какой-то момент, когда я медленно пошел за шевалье, у меня возникла мысль о вооруженном сопротивлении. Но я понял тщетность такого шага и пожал плечами в ответ на взгляд моего слуги.

Мне хотелось поговорить с виконтом до его отъезда, но я был глубоко огорчен и унижен своим поражением. Мне было не до этого, я и не подумал о том, какие мысли могли возникнуть у него в голове. Теперь я сожалел о том, что бросился в Лаведан, не поговорив с королем, как мне советовал Кастельру. Я тешил себя тщеславными мечтами, как я красиво уничтожу Сент-Эсташа. Мне хотелось выглядеть героем в глазах мадемуазель. Я надеялся, что она будет благодарна мне за спасение своего отца и восхищена тем, как я сделал это, и в

награду она выслушает меня, а я буду молить ее о прощении. Я был уверен, что, если мне представится такая возможность, мне удастся одержать победу.

Теперь мои мечты рухнули, моей гордости был нанесен страшный удар, и я был уничтожен и унижен. Мне оставалось только уползти прочь с поджатым хвостом, как побитая собака: мой великолепный эскорт теперь выглядел как насмешка над моей полной беспомощностью.

Когда я подошел к карете, виконтесса внезапно сбегала вниз по лестнице и подошла ко мне с приветливой улыбкой.

— Господин де Барделис, — сказала она, — мы крайне признательны вам за вмешательство в дело этого мятежника, моего мужа.

— Мадам, — прошептал я, — если вы не хотите окончательно уничтожить его, умоляю вас, будьте осторожны. С вашего позволения, мои люди немного подкрепятся, и мы вновь вернемся в Тулузу. Я могу только надеяться, что мой разговор с королем принесет результаты.

Хотя я говорил приглушенным голосом, Сент-Эсташ, который стоял не-далеко от нас, услышал меня, я видел это по выражению его лица.

— Оставайтесь здесь, сударь, — ответила она с некоторым возбуждением, — и отправляйтесь за нами только после того, как вы отдохнете.

— Отправляться за вами? — спросил я. — Вы что же, едете вместе с господином де Лаведаном?

— Нет, Анна, — донесся из кареты учтивый голос виконта. — Это излишне утомит тебя. Тебе лучше оставаться здесь до моего возвращения.

Я уверен, бедного виконта гораздо больше волновало то, как она утомит его, чем то, как путешествие утомит ее. Но виконтесса не терпела возражений. Шевалье усмехнулся, когда виконт сказал о своем возвращении. Мадам заметила эту усмешку и с яростью набросилась на него, как взбешенная амазонка.

— Ты уверен, что он не вернется, ты — Иуда! — зарычала она. На ее худое, смуглое лицо было страшно смотреть. — Но он вернется — обязательно вернется! И тогда, берегись, господин судебный исполнитель, потому что, клянусь честью, ты на своей собственной шкуре испытаешь, что такое адские муки!

Шевалье снисходительно улыбнулся.

— Женский язык, — сказал он, — не может ранить.

— А что ты скажешь насчет женской руки? — поинтересовалась эта воинственная матрона.
— Ты — вонючий, мускусный палач, я...

— Анна, любовь моя, — взмолился виконт, — умоляю, держи себя в руках.

— Неужели я должна смиренно выслушивать оскорбления этого незаконнорожденного вассала? Неужели я...

— Помните лучше о том, что обращаться к этому человеку ниже вашего достоинства. Мы стараемся избегать ядовитых пресмыкающихся, но мы не виним их за их ядовитость. Бог создал их такими.

Сент-Эсташ покраснел до самых корней волос и, поспешно повернувшись к кучеру, приказал

ему трогаться. Он уже собирался закрыть дверь, но тут подскочила виконтесса. Для шевалье это был шанс отыгаться.

— Вы не поедете, — сказал он.

— Не поеду? — вспыхнула она. — Почему, Monsieur L'espionnote 68?

— У меня нет оснований брать вас с собой, — грубо ответил он. — Вы не поедете.

— Прошу прощения, шевалье, — вмешался я. — Вы превышаете свои полномочия, запрещая ей ехать. Господин виконт еще не осужден. Вы и так занимаетесь слишком одиозным делом, прошу вас, не надо усугублять. — И без лишних слов я плечом оттолкнул его и открыл для нее дверцу кареты. Она вознаградила меня улыбкой — немного порочной, немного капризной — и села в карету. Шевалье хотел вмешаться. Он подошел ко мне, возмущенный тем, что я оттолкнул его, и в какое-то мгновение мне показалось, что он намеревается совершить крайне безумный поступок и ударить меня.

— Будь осторожен, Сент-Эсташ, — спокойно сказал я, устремив на него свой взгляд. Наверное, так дух покойного Цезаря угрожал Бруту... — Встретимся в Тулузе, шевалье, — сказал я и, закрыв дверцу кареты, отошел назад.

За моей спиной зашуршало платье. Это была мадемуазель. До сих пор она вела себя очень мужественно, внешне спокойно, а теперь, когда настал момент расставания, она не смогла больше сдержать себя. Возможно, это было вызвано отъездом ее матери и одиночеством, которое ее ожидало. Я отошел в сторону, она пробежала мимо меня и схватилась за кожаные шторы кареты.

— Отец! — всхлипнула она.

Существуют такие вещи, которые воспитанный человек считает для себя неприличными, — к ним относятся подслушивание и чтение чужих писем. Поэтому наблюдать эту сцену показалось мне бестактным, и, отвернувшись, я пошел прочь. Но не прошел я и трех шагов, как раздался голос Сент-Эсташа. Он приказал трогаться. Кучер застыл в нерешительности, так как девушка все еще держалась за окно. Но он преодолел свою нерешительность, когда прозвучал повторный приказ, сопровождавшийся чудовищным ругательством. Он взял поводья, щелкнул хлыстом, и карета с грохотом тронулась с места.

— Осторожно, дитя мое, — услышал я возглас виконта, — осторожно! Adieu, mon enfant!note 69

Рыдая, она отскочила назад и непременно упала бы, потеряв равновесие от толчка кареты, но я протянул руку и удержал ее.

Я думаю, какое-то время она не осознавала, чьи руки поддерживали ее, настолько она была охвачена горем, которое так долго держала в себе. Наконец она поняла, что прислонилась к этому ничтожному Барделису; к этому человеку, который поспорил, что завоюет ее сердце и женится на ней; к этому самозванцу, который явился к ней под вымышленным именем; этому негодяю, который лгал ей так, как не может лгать ни один честный дворянин, и клялся, что любит ее, а на самом деле ему нужно было только выиграть пари. Когда она поняла все это, она содрогнулась и отпрянула от меня. Даже не взглянув на меня, она поднялась по ступенькам замка и исчезла за дверью.

Я приказал расседлать лошадей, когда последние спутники Сент-Эсташа исчезли из вида.

— Мадемуазель примет вас, сударь, — наконец сказал Анатоль.

Уже дважды он передавал Роксалане мою просьбу встретиться до моего отъезда, но тщетно. В третий раз я попросил его сказать ей, что я не тронусь из Лаведана, пока она не соблаговолит выслушать меня. Очевидно, эта угроза подействовала больше, чем мои просьбы, которые были отвергнуты с презрением.

Я мерил шагами слабо освещенный зал, когда пришел Анатоль и проводил меня в гостиную, где ждала Роксалана. Она стояла в дальнем углу комнаты у открытого окна, из которого было видно террасу и реку, и, хотя наступил октябрь, воздух в Лангедоке был теплый и ласковый, как летом в Париже или в Пикардии.

Я прошел на середину комнаты и остановился в ожидании, когда она соблаговолит заметить мое присутствие и повернется ко мне. Я не был неоперившимся юнцом. Я многое видел, многое знал, и это отразилось на моей манере поведения. Никогда в жизни я не был неловким, за что благодарен своим родителям. Когда-то много лет назад я испытывал некоторую робость при первых посещениях Лувра и Люксембургского дворца, но я давным-давно расстался с этой робостью. Однако сейчас, когда я стоял в этой милой, залитой солнцем комнате, в ожидании милости этого ребенка, едва вышедшего из детского возраста, мне показалось, что неловкость и робость прошлых лет вернулись ко мне. Я переминался с ноги на ногу; я водил пальцем по столу, около которого стоял; я теребил свою шляпу; я то краснел, то бледнел; я украдкой поглядывал на нее исподлобья и благодарил Бога, что она стояла ко мне спиной и не могла видеть, насколько смешно я выглядел. Наконец, не в силах больше выносить это тревожное молчание, я тихо позвал ее.

— Мадемуазель! — Звук моего собственного голоса, казалось, вернул мне силы, и моя робость и нерешительность испарились. Чары рассеялись, и я вновь стал самим собой — самовлюбленным, самоуверенным и пылким Барделисом, каким вы, вероятно, и представляете меня из моего рассказа.

— Я надеюсь, сударь, — ответила она, не поворачиваясь, — то, что вы собираетесь мне сказать, хоть в какой-то степени оправдает вашу назойливость.

Обнадеживающее начало, ничего не скажешь. Но теперь, когда я вновь овладел собой, меня нельзя было так просто смутить. Она стояла в обрамлении этого большого окна, и я не отрываясь смотрел на нее. Какая она прямая и гибкая, хрупкая и грациозная! Ее нельзя было назвать высокой женщиной, но, если вы смотрели на нее издали, ее стройность и грациозность, гордая посадка головы создавали иллюзию высокого роста. Я не поддался влиянию ее чар. В тот момент я видел перед собой всего лишь ребенка, но этот ребенок обладал невероятной силой духа и огромной душой, которые только подчеркивали ее физическую беспомощность.

От этой беспомощности, которую я скорее чувствовал, чем видел, моя любовь приобрела оттенок жалости. В ту минуту она была охвачена горем по поводу ареста своего отца и той участи, которая его ожидала; горем по поводу предательства возлюбленного. Не мне судить, что огорчало ее больше, но я горел желанием обнять ее, приласкать и успокоить, слиться с нею в одно целое и таким образом отдать ей часть своей мужской высоты и силы, а взамен забрать часть этой чистой, благородной души и тем самым очистить свою собственную душу.

Когда она заговорила, я чуть было не поддался своей слабости. Я был на грани того, чтобы подойти к ней, броситься на колени, как кающийся грешник, и молить о прощении. Но я вовремя отказался от этого намерения. Здесь это мне не поможет.

— То, что я хочу сказать, мадемуазель, — ответил я после небольшой паузы, — оправдает

святого, спускающегося в ад; или, чтобы моя метафора была более точной, оправдывает вторжение грешника в святую обитель.

Я говорил серьезно, но не слишком; в моем голосе звучала еле заметная нотка сардонического смеха.

Она качнула головой, и один из ее каштановых локонов растрепался. Я представил себе ее изящный вздернутый носик, представил, как скривились ее губы в презрительной усмешке, когда она коротко ответила мне:

— Ну так побыстрее говорите это, сударь.

Я повиновался и быстро сказал:

— Я люблю вас, Роксалана.

Она топнула ножкой по сверкающему паркету, она полуобернулась ко мне, ее щеки залились румянцем, а губы задрожали от гнева.

— Вы скажете наконец то, что хотели сказать, сударь? — спросила она сдавленным голосом.
— Говорите и уходите.

— Мадемуазель, я уже все сказал, — ответил я с мечтательной улыбкой.

— О! — она задохнулась от моей наглости. Она резко повернулась ко мне, ее голубые глаза были наполнены гневом. Когда-то я видел эти глаза мечтательными, подернутыми легкой дымкой, но сейчас они были широко раскрыты и с осуждением смотрели на меня. — Вы навязали мне свое присутствие, чтобы еще раз оскорбить меня? Вы решили посмеяться надо мной — женщиной, когда рядом нет ни одного мужчины, который смог бы защитить меня. Стыдно, сударь! Однако ничего другого я от вас и не ожидала.

— Мадемуазель, вы страшно несправедливы ко мне... — начал я.

— Я как раз очень справедлива к вам, — с жаром ответила она и замолчала, не желая, вероятно, вступать в препирательство со мной. — Enfinnote 70, раз вы сказали все, что хотели, может быть, вы уйдете? — И она указала на дверь.

— Мадемуазель, мадемуазель... — искренне взмолился я.

— Уходите! — гневно оборвала она, и на мгновение жесткость ее голоса и этот жест напомнил мне виконтессу, — Я больше не желаю слушать вас.

— Придется, мадемуазель, — ответил я не менее твердо.

— Я не буду слушать вас. Говорите, если хотите. Вас выслушают стены. — И она направилась к двери, но я преградил ей дорогу. Я был крайне любезен: встав на ее пути, я низко поклонился ей.

— Только этого не хватало — теперь вы хотите оскорбить меня насилием! — воскликнула она.

— Боже упаси! — сказал я.

— Тогда дайте мне пройти.

— Только после того, как вы выслушаете меня.

— Я не желаю вас слушать. Все, что вы можете сказать, не имеет для меня никакого

значения. Ах, сударь, если в вас есть хоть капля благородства, если вы не хотите, чтобы я считала вас mauvais sujetnote 71, умоляю вас, уважайте мое горе. Вы сами были свидетелем ареста моего отца. Сейчас неподходящий момент для таких сцен.

— Простите! Именно в этот момент вам нужны утешение и поддержка. Их вам может дать только человек, которого вы любите.

— Человек, которого я люблю? — повторила она, и румянец сошел с ее щек. На мгновение она опустила глаза, затем вновь посмотрела на меня, и ее бездонные голубые глаза ослепили меня своим сверканием. — Я думаю, сударь, — процедила она сквозь зубы, — что ваша наглость переходит всякие границы.

— Вы отрицаете это? — вскричал я. — Вы отрицаете, что любите меня. Если вы можете отрицать это... ну что ж, значит, три дня назад в Тулузе вы лгали мне!

Это задело ее — задело до такой степени, что она забыла о своем решении не слушать меня и не опускаться до пререканий со мной.

— В минуту слабости, когда я не ведала, что вы собой представляете на самом деле, я действительно сделала такое признание, я действительно испытывала к вам такие чувства, но теперь мне стали известны некоторые вещи, благодаря которым я поняла, что вы не тот человек, за которого я вас принимала; то, что я узнала, убило мою любовь, о которой я тогда говорила. Теперь, сударь, вы удовлетворены и, может быть, позволите мне пройти? — Последние слова она сказала прежним повелительным тоном, разозлившись на себя за то, что опустилась до подобных объяснений.

— Я удовлетворен, мадемуазель, — грубо ответил я, — тем, что три дня назад вы сказали мне неправду. Вы никогда не любили меня. Жалость ввела вас в заблуждение. Вам было просто стыдно — стыдно за роль Далилыnote 72, которую вы играли, за то, что предали меня. А теперь, мадемуазель, можете идти, — сказал я.

Я отошел в сторону, и, зная женщин, я был уверен, что сейчас она никуда не уйдет. Она и не ушла. Напротив, она отступила назад. Ее губы дрожали. Но она быстро взяла себя в руки. Ее мать могла бы сказать ей, что она совершает большую глупость, ввязываясь в подобного рода дуэль со мной — со мной, ветераном сотни любовных поединков. Однако, хотя я не сомневался, что это ее первое сражение, она оказалась достойным соперником. Доказательством были ее слова:

— Сударь, благодарю вас за то, что вы открыли мне глаза. Я действительно не могла сказать правды три дня назад. Вы правы, теперь я не сомневаюсь в этом, и вы сняли с меня страшный груз моего стыда.

Dieu! Это был удар ниже пояса, и я пошатнулся от его жестокости. Похоже, я пропал. Победа осталась за ней, но ведь она всего лишь ребенок, не владеющий искусством Купидона!

— А теперь, сударь, — добавила она, — теперь, когда вы знаете, что ошиблись, сказав, что я любила вас, теперь, когда с этим покончено, — adieu!

— Одну минуту! — воскликнул я. — С этим покончено, но есть еще один вопрос, о котором мы забыли. Мы — вернее, вы — доказали, что я был слишком самонадеян, поверив в вашу любовь ко мне. Но мы еще не решили, что делать с моей любовью к вам, а на этот вопрос будет не так легко ответить.

Она махнула рукой, то ли устало, то ли раздраженно, и отвернулась.

— Что вы хотите? Чего вы добиваетесь, провоцируя меня? Выиграть ваше пари? — Она

говорила ледяным голосом. Кто бы мог подумать, глядя на эти кроткие, задумчивые глаза, что она способна на такую жестокость?

— Пари больше не существует: я проиграл его и отдал свой проигрыш.

Она резко подняла голову и недоуменно нахмурила брови. Это явно заинтересовало ее.

— Как? — спросила она. — Вы проиграли и заплатили?

— Все равно. Когда я намекал вам на что-то, стоящее между вами и мной, я имел в виду это проклятое, отвратительное пари. Признание, которое я много раз пытался сделать и на котором вы много раз пытались настоять, касалось этого пари. Господи, Роксалана, ну почему я не признался вам?! — воскликнул я, и мне показалось, что от искренности моего голоса ее лицо смягчилось, а глаза потеплели.

— К сожалению, — продолжал я, — мне все время казалось, что либо еще не время, либо уже слишком поздно. Однако, как только меня освободили, я сразу же подумал об этом. Пока существовало пари, я не мог просить вас стать моей женой, иначе это выглядело бы так, будто я осуществляю свое первоначальное намерение, ради которого я и приехал в Лангедок. Поэтому первое, что я собирался сделать, это разыскать Шательро и передать ему долговую расписку на мои земли в Пикардии, которые составляют большую часть моего состояния. Затем я собирался отправиться к вам в гостиницу «дель'Эпе».

Наконец-то я мог прийти к вам с чистыми руками и признаться в том, что я сделал, поскольку, мне казалось, я расплатился сполна. Я был уверен в успехе. Увы! Я пришел слишком поздно. Я встретил вас на пороге гостиницы. От моего разговорчивого управляющего вы уже узнали историю сделки, которую заключил Барделис. Вам стало известно также и мое имя, и вы решили, что разгадали истинную причину моего ухода за вами. Соответственно вы могли лишь презирать меня.

Она упала на стул. Ее руки безжизненно лежали на коленях, глаза были опущены, лицо стало бледным. Но по тому, как вздымалась ее грудь, я понял, что мои слова произвели на нее впечатление.

— Вы ничего не знаете о сделке, которую я заключила с Шательро? — спросила она, и мне показалось, что в ее голосе звучало страдание.

— Шательро — мошенник! — вскричал я. — Ни один честный человек во Франции не счел бы себя обязанным заплатить ему по этому пари. Я заплатил, но не потому, что я был должен заплатить, а потому что, только расплатившись с ним, я мог доказать вам свою искренность.

— Как бы там ни было, — сказала она, — я дала ему слово... выйти за него замуж, если он освободит вас.

— Это обещание недействительно, потому, что, когда вы давали ему слово, я был уже на свободе. Кроме того, Шательро мертв... или близок к этому.

— Мертв? — повторила она, посмотрев на меня.

— Да, мертв. Мы дрались... — На ее лице промелькнула тень улыбки, неожиданное, насмешливое понимание. — Pardieu! — воскликнул я. — Вы меня неправильно поняли. Он погиб не от моей руки. Не я спровоцировал эту дуэль. — И я подробно рассказал ей об этом деле, включая тот факт, что Шательро не имел никакого отношения к моему освобождению, а за попытку убить меня при помощи суда король хотел его сурово наказать, но он избавил короля от беспокойства и сам бросился на шпагу.

Когда я закончил свой рассказ, наступило молчание. Похоже, Роксалана обдумывала мои

слова. Все, что я ей рассказал, должно было оправдать меня в ее глазах, и я был уверен в этом. И решив дать ей возможность хорошо все обдумать, я повернулся и отошел к окну.

— Почему вы не сказали мне раньше? — внезапно спросила она. — Почему... о, почему... вы не рассказали мне об этом гнусном деле сразу, как только полюбили меня, как вы говорите?

— Как я говорю? — повторил я за ней. — Вы сомневаетесь в этом? Вы можете сомневаться в этом, несмотря на все то, что я сделал?

— Ах, я не знаю чему верить, — всхлипнула она. — Вы так часто обманывали меня. Почему вы не сказали мне тогда, на реке? Или потом, когда я просила вас в этом самом доме? Или еще раз, позже, той ночью в тюрьме в Тулузе?

— Вы спрашиваете меня, почему. Разве вы сама не можете ответить на этот вопрос? Разве вам непонятен мой страх? Страх, что вы с ненавистью отшатнетесь от меня? Страх, что, если вы испытывали ко мне хоть какие-то чувства, я могу навсегда их убить в вас? Страх, что я могу уничтожить вашу веру в меня? О, мадемуазель, неужели вы не понимаете, что моей единственной надеждой было признать свое поражение перед Шательро и отдать ему свой проигрыш?

— Как вы могли пойти на такую сделку? — прозвучал ее следующий вопрос.

— Действительно, как? — в свою очередь спросил я. — От вашей матери вы, вероятно, слышали кое-что о репутации Барделиса. Я вел беззаботную жизнь, я пресытился всем своим великолепием, и мне надоела вся эта роскошь. Разве удивительно, что я позволил втянуть себя в это предприятие? Оно взбудоражило меня, оно обещало некоторую новизну. Мне все в жизни давалось легко, а тут мне нужно было преодолевать какие-то трудности, поскольку уверенность Шательро в том, что мне не удастся завоевать вас, основывалась на вашей знаменитой холодности.

Опять же, я не был слишком разборчив. Я не скрываю своих недостатков, но не судите меня слишком строго. Если бы вы могли видеть милых demoisellesnote 73 Парижа, если бы вы могли слышать их рассуждения и знать, как они живут, вы бы перестали удивляться. Я не знал других женщин, кроме них. В ту ночь, когда я приехал в Лаведан, ваша свежесть, ваша чистота и невинность, ваша почти детская добродетельность поразили меня своей новизной. С первой же минуты я стал вашим рабом. Потом я каждый день проводил в вашем саду. И разве удивительно, что здесь, в старом лангедокском саду рядом с вами и вашими розами, в медленно тянущиеся дни моего выздоровления какая-то доля вашей чистоты и свежести проникла в мое сердце и сделала его немного чище? Ах, мадемуазель! — воскликнул я и, приблизившись к ней, чуть было с мольбой не упал перед ней на колени, но она удержала меня.

— Сударь, — прервала она меня, — мы напрасно мучаем себя. У всего этого может быть только один конец.

Она сказала это холодным тоном, но я знал, что ее холодность искусственная, иначе она не сказала бы: «Мы напрасно мучаем себя».

Вместо того чтобы погасить мой пыл, она еще больше распалила меня.

— Вы правы, мадемуазель, — почти торжествующе воскликнул я. — Это может кончиться только одним.

Она уловила смысл моих слов, и складка между ее бровей стала глубже. Похоже, я слишком поторопился.

— Лучше закончить это сейчас. Слишком многое стоит между нами. Вы поспорили, что сделаете меня своей женой. — Она содрогнулась. — Я никогда не смогу забыть это.

— Мадемуазель, — решительно возразил я, — я этого не делал.

— Как? — она затаила дыхание. — Вы этого не делали?

— Нет, — нагло продолжал я. — Я не заключал пари, что завоюю вас. Я поспорил, что завоюю некую мадемуазель де Лаведан, которая была мне незнакома, но не вас, не вас.

Она улыбнулась с откровенным презрением.

— Ваши тонкие различия слишком сложны для меня — слишком сложны для меня, сударь.

— Умоляю вас, будьте благоразумны. Рассудите здраво.

— Разве я не благоразумна? Разве я не думаю? Да, тут есть о чем подумать! — Она вздохнула. — Вы слишком далеко зашли в своем обмане. Например, вы приехали сюда под именем Лесперона? Зачем?

— И опять, мадемуазель, это не так, — сказал я.

Она удивленно взглянула на меня.

— Да уж, сударь, вы очень смело все отрицаете.

— Разве я сказал вам, что меня зовут Лесперон? Разве я представился Леспероном вашему отцу?

— Да. Конечно.

— Конечно нет, тысячу раз нет. Я стал жертвой обстоятельств, и, если я обратил их себе на пользу, когда они были навязаны мне, разве можно винить меня за это и считать обманщиком? Пока я был без сознания, ваш отец, пытаясь выяснить, кто я, осмотрел мою одежду.

В кармане моего камзола он обнаружил бумаги, адресованные Рене Лесперону, — любовные письма, письмо от герцога Орлеанского и портрет женщины. Из всего этого он заключил, что я и есть тот самый Лесперон. Когда я пришел в себя, ваш отец приветствовал меня с радостью, которая меня удивила, далее он обсудил — нет, рассказал мне о состоянии дел в провинции, а я лежал и поражался его смелости. Потом, когда он обратился ко мне как к господину де Лесперону, мне все стало ясно, но было уже слишком поздно. Разве мог я тогда отказаться от этого имени? Разве мог я сказать ему, что я — Барделис, фаворит самого короля? И что бы случилось тогда? Я вас спрашиваю, мадемуазель. Разве он не принял бы меня за шпиона и разве не разделались бы со мной здесь, в вашем замке?

— Нет, нет, он никогда не пошел бы на убийство.

— Возможно, нет, но я не был в этом уверен тогда. Большинство людей, поставленных в такое положение, в котором оказался ваш отец, не задумываясь разделались бы со мной. Ах, мадемуазель, разве вам недостаточно доказательств? Теперь вы верите мне?

— Да, сударь, — ответила она просто, — я верю вам.

— Так, может, теперь вы поверите в искренность моей любви?

Она ничего не ответила. Она не смотрела на меня, но ее молчание придало мне смелости. Я подошел к ней, положил руку на высокую спинку ее стула и, наклонившись к Роксалане,

заговорил с такой страстью, с таким жаром, который, мне кажется, смог бы растопить сердце любой женщины, которая не питала ко мне ненависти.

— Мадемуазель, я теперь бедный человек, — в заключение сказал я. — Я больше не тот великолепный господин, богатство и могущество которого стали притчей во языцех. Но я не нищий. У меня есть небольшое имение в Божанси — это место просто создано для счастья, мадемуазель. Париж больше не увидит меня. В Божанси я буду жить тихо и уединенно, а если вы поедете со мной, я испытаю такое счастье, которого я не заслужил за всю свою никчемную жизнь. У меня больше нет такой огромной свиты. Наше хозяйство будут вести пара слуг и одна-две горничные. Однако я не буду горевать об утраченном богатстве, если во имя любви вы скрасите мое одиночество. Я беден, мадемуазель, однако даже сейчас я не беднее того гасконского дворянина, Рене де Лесперона, за которого вы принимали меня и которому вы подарили свое сердце — это бесценное сокровище.

— О, Господи, почему вы не остались тем бедным гасконским дворянином! — воскликнула она.

— А чем я отличаюсь от него, Роксалана?

— Тем, что он не заключал никакого пари, — ответила она и резко встала.

Мои надежды рухнули. Она не была рассержена. На ее бледном лице было написано страдание. Боже! Какое жестокое страдание! Я понял, что проиграл.

Она бросила на меня взгляд своих голубых глаз, и мне показалось, что она сейчас заплачет.

— Роксалана! — взмолился я. К ней вернулось ее прежнее самообладание, которое на мгновение оставило ее. Она протянула руку.

— Прощайте, сударь! — сказала она.

Я взглянул на ее руку, потом на ее лицо. Ее поведение начинало злить меня. Я видел, что она сопротивляется не только мне, но и себе. Ее сердце по-прежнему точил предательский червь сомнения. Она знала — или должна была знать, — что ему нет там больше места, но она упорно отказывалась выбросить его из своего сердца. Да, было это чертово пари. Но она упорно отказывалась понять разумность моих доводов, неопровержимую логику моей расплаты. Она отвергала меня, а, отвергая меня, она отвергала себя, потому что сама сказала мне, и я был уверен, что она сможет снова полюбить меня, если посмотрит на все другими глазами, с точки зрения здравого смысла и справедливости.

— Роксалана, я приехал в Лаведан не для того, чтобы сказать вам «до свидания». Я жду от вас приветственных слов, а не слов прощания.

— Однако я могу только проститься с вами. Вы не примете мою руку? Разве мы не можем расстаться друзьями?

— Нет, не можем, поскольку мы вообще не расстаемся.

Как будто коса моей решимости нашла на камень ее упрямства. Она посмотрела мне в глаза, с осуждением подняла брови, вздрогнула, пожала одним плечом и, развернувшись на каблуках, направилась к двери.

— Анатолий принесет вам что-нибудь поесть перед вашим отъездом, — сказала она сухо и очень учтиво.

Тогда я вытащил свою последнюю карту. Я что, напрасно отказался от своего богатства? Если она не даст мне добровольного согласия, клянусь, я заставлю ее продать себя. И мне

не было стыдно за это, потому что, совершая этот поступок, я спасал ее и себя от несчастной жизни.

— Роксалана! — крикнул я. Повелительный тон моего голоса заставил ее остановиться — возможно, даже против ее собственной воли.

— Сударь, — сдержанно сказала она.

— Вы понимаете, что вы делаете?

— Да, конечно, очень хорошо понимаю.

— Pardieu, вы не понимаете. Я объясню вам. Вы отправляете своего отца на плаху.

Она страшно побледнела, зашаталась и прислонилась к двери. Затем она посмотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Это неправда, — возразила она, однако в ее голосе не было уверенности. — Его жизни ничего не угрожает. У них нет доказательств его вины. Господин де Сент-Эсташ ничего не нашел здесь.

— Однако существует слово господина Сент-Эсташа; обвинение шевалье в какой-то мере подкрепляется одним фактом — очень существенным фактом: ваш отец не поднял оружие в защиту короля. В Тулузе сейчас не обращают особого внимания на частности. Подумайте о том, что могло бы произойти со мной, если бы не своевременное прибытие короля.

Этот удар достиг своей цели. Последние силы оставили ее. Ее сотрясли рыдания, и она закрыла лицо руками.

— Матерь Божья, пожалей меня! — рыдала она. — О, этого не может быть, этого не может быть!

Ее отчаяние глубоко тронуло меня. Мне хотелось успокоить ее, сказать, чтобы она ничего не боялась, заверить ее, что я спасу ее отца. Но я сдержал себя. Это было моим оружием против ее упрямства, и да простит меня Бог, если я совершил недостойный дворянина поступок. Мне крайне необходимо было сделать это, моя любовь полностью поглотила меня. Завоевать ее означало для меня завоевать жизнь и счастье, а я и так уже слишком многим пожертвовал. Ее крик все еще звенел у меня в ушах: «Этого не может быть, этого не может быть!»

Я подавил в себе зарождающуюся нежность и напустил на себя суровый вид. Я заговорил с пренебрежением и угрозой в голосе.

— Это может быть, и, черт побери, это случится, если вы не будете вести себя более благоразумно.

— Сударь, будьте милосердны!

— Буду, когда вы сообразовите показать мне, как это делается, проявив милосердие ко мне. Я грешил, но расплатился за свои грехи. Мы уже говорили об этом и не будем снова возвращаться к этой теме. Подумайте, Роксалана: только одна вещь — единственная во всей Франции — может спасти вашего отца.

— И это, сударь? — затаив дыхание, спросила она.

— Мое слово против слова Сент-Эсташа. Если я скажу его величеству, что ваш отец не может быть обвинен в измене на основании показаний Сент-Эсташа, если я сообщу королю

все, что я знаю об этом человеке.

— Вы поедете, сударь? — сказала она с мольбой в голосе. — О, вы поедете! Mon Dieu, подумать только, что мы потеряли столько времени, вы и я, в тот момент, когда его ведут на эшафот! О, я даже не представляла, что ему грозит такая опасность! Я была расстроена его арестом, я думала, что ему грозит лишь несколько месяцев тюрьмы. Но что он может умереть!.. Господин де Барделис, вы спасете его! Скажите, что вы сделаете это для меня!

И она упала передо мной на колени, обхватив руками мои сапоги, и с мольбой — о, Боже! с какой мольбой — смотрела мне в глаза.

— Встаньте, мадемуазель, прошу вас, — сказал я со спокойствием, которого во мне и в помине не было. — Не нужно этого делать. Давайте успокоимся. Опасность, которая угрожает вашему отцу, не настолько близка. У нас есть еще время — может быть, три или четыре дня.

Я осторожно поднял ее и посадил на стул. Я едва удержался, чтобы не заключить ее в свои объятия. Но я не имел права воспользоваться ее отчаянием. Исключительное благородство, скажете вы и презрительно посмеетесь надо мной. Возможно, вы правы — вы всегда правы.

— Вы поедете в Тулузу, сударь? — умоляюще спросила она.

Я сделал круг по комнате и остановился перед ней.

— Да, — ответил я, — я поеду.

Сверкнувшая в ее глазах благодарность больно резанула меня, потому что я еще не закончил своего предложения.

— Я поеду, — быстро продолжал я, — когда вы пообещаете мне стать моей женой.

Радость исчезла с ее лица. Минуту она смотрела на меня, ничего не понимая.

— Я приехал в Лаведан для того, чтобы завоевать вас, Роксалана, и не тронусь из Лаведана, пока не достигну своей цели, — тихо сказал я. — Теперь вы понимаете, что все зависит от вашего решения. Чем скорее вы согласитесь, тем быстрее я уеду.

Она тихо заплакала, но ничего не ответила. Я отвернулся от нее и направился к двери.

— Куда вы идете? — всхлипнула она.

— На свежий воздух, мадемуазель. Если вы решите выйти за меня замуж, передайте это через Анатоля или через кого-нибудь еще, и я немедленно отправлюсь в Тулузу.

— Стойте! — крикнула она. Хотя я уже взялся за дверную ручку, я послушно остановился. — Вы жестоки, сударь! — жалобно сказала она.

— Я люблю вас, — сказал я, как бы оправдываясь перед ней. — Похоже, любовь всегда сопровождается жестокостью. Вы тоже были жестоки ко мне.

— Вы... вы примете то, что вам дают по принуждению?

— Я надеюсь, когда вы увидите, что вы должны отдать, вы отдадите это добровольно.

— Если... если я дам вам обещание...

— Да? — я побелел от напряжения.

— Вы выполните условия сделки?

— Я привык держать слово, мадемуазель, случай с Шательро тому свидетельство.

Она вздрогнула от упоминания его имени. Оно напомнило ей о другой, точно такой же сделке, которую она заключила три дня назад. Я сказал, точно такой же? Нет, не совсем такой же.

— В таком случае я... я обещаю выйти за вас замуж, — сказала она прерывающимся голосом, — когда вам будет угодно, после того, как мой отец выйдет на свободу.

Я поклонился.

— Я немедленно выезжаю, — сказал я.

И, возможно из чувства стыда, возможно... — о чем тут еще можно говорить? — я повернулся и вышел, не сказав ей больше ни слова.

Глава XX BRAVInote 74 В БЛАНЬЯКЕ

Я был рад снова оказаться на свежем воздухе, движение освежало меня. Я ехал во главе бравых слуг по берегу Гаронны в тени деревьев, окрашенных в золото и багрянец.

В какой-то мере я был зол на себя за сделку с Роксаланой, в какой-то мере я был зол на нее за то, что своим упрямством она вынудила меня на этот поступок. Благородный дворянин, ничего не скажешь! Обозвал Шательро мошенником, а сам поступил не лучше! Однако так ли это? Нет, уверял я себя, это не так. Тысячу раз нет! То, что я сделал, я сделал не только для того, чтобы завоевать Роксалану, но также и для того, чтобы образумить ее. Пройдет время, и она будет благодарна мне за мою жестокость, которой, я думаю, она объясняла мой неблагоприятный поступок.

Затем я вновь спрашивал себя, уверен ли я в этом? Эти два вопроса не давали мне покоя; мое сознание разделилось на два лагеря, которые затеяли между собой войну. Неуверенность и неопределенность угнетали меня.

Наконец, стыд был побежден, и я воспрял духом. Я не делал ничего дурного. Напротив, я поступал верно — и по отношению к себе, и по отношению к Роксалане. В чем я обманул ее? Какое значение имели мои слова, что я не тронусь из Лаведана, пока не получу ее обещание, если на самом деле я пригрозил Сент-Эсташу встретить его в Тулузе и дал слово виконтессе помочь ее мужу?

Я не придавал значения скрытой угрозе, которая содержалась в словах Сент-Эсташа, что от Лаведана до Тулузы около двадцати лье. Если бы он был более решительным человеком, я бы мог испытывать беспокойство и тогда был бы начеку. Но Сент-Эсташ — смешно!

Никогда нельзя недооценивать своих врагов, какими бы ничтожными они ни были. Я мог бы дорого заплатить за свое пренебрежительное отношение к шевалье, если бы судьба — которая последнее время только и делала, что подшучивала надо мной, — не пришла мне на помощь в самый последний момент.

Главной задачей Сент-Эсташа было не дать мне добраться живым до Тулузы, поскольку я был единственным человеком в мире, которого он боялся, единственным человеком, который одним словом мог уничтожить его. Поэтому он решил избавиться от меня и с этой целью расставил наемных убийц на всем пути моего следования.

Он рассчитывал на то, что мне придется остановиться на ночь в одной из придорожных

гостиниц, поскольку путь был не близким, и я не смог бы проделать его без остановок, и везде, где бы я ни остановился, мне пришлось бы встретиться с убийцами. Я приближался к Тулузе, к тому месту, где меня, как выяснилось позже, ожидала наибольшая опасность.

Я намеревался сменить лошадей в Гренаде и таким образом достичь Тулузы в эту же ночь или на следующее утро. Однако в Гренаде я не смог получить лошадей, их было всего три, и поэтому, оставив там большую часть моей свиты, отправился дальше в сопровождении только Жилия и Антуана.

Мы еще не добрались до Леспинаса, как наступила ночь и погода испортилась. С запада поднялся ветер и набросился на нас с жестокостью урагана. Начался страшный ливень. Холодный дождь пронизывал нас насквозь. Никогда в жизни мне не доводилось оказываться в пути в такую жуткую погоду. Дорога от Леспинаса до Фенула часто шла под гору, и в эти моменты нам казалось, что мы едем в самой гуще потока, наши лошади вязли в грязи по самую холку.

Антуан жалобно стонал, Жиль открыто ругался всю дорогу, пока мы ехали по слабо освещенным, затопленным улицам Фенула, и уговаривал меня остановиться там. Но я был непреклонен в своем решении. Я промок насквозь, замерз до мозга костей, мои зубы стучали, но я поклялся, что мы не ляжем спать, пока не доберемся до Тулузы.

— Боже мой, — простонал он, — мы проехали всего лишь половину пути!

— Вперед! — был мой ответ. Когда часы пробили полночь, Фенул уже остался позади нас, и мы выехали на открытое пространство, где стихия со всей яростью обрушилась на нас.

Мои слуги следовали за мной на спотыкающихся лошадях. Они поочередно то хныкали, то ругались, забыв за всеми этими мучениями о том уважении, которое всегда испытывали ко мне. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне кажется, что само провидение направляло мои шаги. Если бы я остановился в Фенуле, как они уговаривали меня, это повествование скорее всего никогда не было бы написано, потому что мне перерезали бы горло, пока я спал. Именно провидение привело мою лошадь в Бланьяк. Она так разбила ноги, что не могла уже идти дальше.

Лошади моих спутников были не в лучшем состоянии, потому, к моей большой досаде, я был вынужден признать свое поражение и провести остаток ночи в Бланьяке. В конце концов это не имело большого значения. Мы встанем рано утром и через два часа будем в Тулузе.

Я приказал Жилию спешиться — так как он громче всех жаловался — и вместе с моей лошадью следовать за нами к гостинице «дель'Этуаль»⁷⁵, где мы будем ждать его. Затем я сел на его измученную лошадь и в сопровождении Антуана — последнего из моей свиты — въехал в Бланьяк и остановился под вывеской «дель'Этуаль».

Рукояткой хлыста я постучал в дверь. Мне пришлось стучать сильно, чтобы меня могли услышать сквозь завывающий ветер, который носился над крышами домов в этой узкой улочке. Однако, похоже, там кого-то ждали, потому что не успел я ударить в дверь, как она распахнулась и на пороге появился хозяин со свечой в руке. Несколько секунд ее пламя отсвечивало на его розовом лице, обрамленном седой бородой, затем порыв ветра затушил свечу.

— Diable! — выругался он. — Отвратительная ночь для путешествия, — и добавил, словно спохватившись: — Вы поздно ездите, сударь.

— Вы невероятно проникательный человек, господин хозяин, — раздраженно сказал я, оттолкнул его в сторону и вошел в коридор. — Вы собираетесь держать меня под дождем до самого утра, пока будете раздумывать над тем, как поздно я езжу? Ваш конюх уже спит?

Тогда позаботьтесь сами об этих животных. После этого покормите нас — меня и моего слугу — и приготовьте нам обоим постель.

— У меня есть только одна комната, сударь, — почтительно сказал он. — Вы будете спать в ней, а вашему слуге я постелю на сеновале.

— Мой слуга будет спать в моей комнате, раз у вас есть только одна. Постелите для него матрас на полу. Даже собаку не отправят спать в такую ночь на сеновал. Должен подъехать еще один мой слуга. Он будет здесь через несколько минут. Вы должны найти комнату и для него тоже — можете уложить его в коридоре за моей дверью, если у вас нет другого места.

— Но сударь... — попробовал возразить он, но я решил, что он умышленно изображает сложности, чтобы получить более высокую плату.

— Найдите комнату, — приказал я тоном, не терпящим возражений. — Я хорошо заплачу вам. А теперь позаботьтесь о лошадях.

На стенах коридора отражался теплый красноватый свет от огня, разожженного в общей комнате, и это было настолько соблазнительно, что я не в силах был продолжать беседу с хозяином. Я вошел внутрь.

Гостиница «дель'Этуаль» производила удручающее впечатление. Я бы никогда в ней не остановился, если бы у меня был выбор. В общей комнате отвратительно пахло маслом, горящим воском — от коптящих свечей — и еще чем-то жутко противным.

Когда я вошел внутрь, меня приветствовал звучный храп какого-то человека, сидевшего в углу у огня. Его голова была откинута назад, виднелась его смуглая, жилистая шея, он спал или делал вид, что спит. В отблеске горящих поленьев мне поначалу показалось, что у огня лежит куча тряпья, но при ближайшем рассмотрении я понял, что это еще один человек, который, похоже, тоже спал.

Я бросил мокрую шляпу на стол, скинул промокший плащ на пол, ходил топяя ногами и громко звенел шпорами. Однако этот потрепанный господин продолжал спать. Я легонько коснулся его кнутом.

— *Hola mon bonhomme!*^{note 76} — крикнул я ему. Но он даже не пошевелился. Наконец я, потеряв терпение, сильно пнул его в бок. Мой удар попал туда, куда надо. Сначала он согнулся пополам, потом принял сидячее положение и зарычал, как своенравная собака, которую грубо разбудили.

С неумытого, злобного лица на меня грозно смотрели хмурые, воспаленные глаза. Человек на стуле проснулся в ту же минуту и сел прямо.

— *Eh bien?*^{note 77} — сказал я своему приятелю у очага. — Может быть, вы подвинетесь?

— Ради кого? — взревел он. — «Этуаль» так же предназначена для меня, как и для вас, кто бы вы ни были.

— Мы заплатили за постой, *pardieu!* — крикнул тот, что сидел на стуле.

— Господа, — сурово сказал я, — если у вас нет глаз и вы не видите, насколько я промок, и если вы не будете столь любезны и не дадите мне места у огня, я позабочусь о том, чтобы вы провели ночь не только в «L'Etoile», но и в *la belle etoile*^{note 78}. — С этими учтивыми словами я пинком отодвинул своего приятеля в сторону. Я говорил не слишком любезно и обычно никогда не обещаю больше того, что могу сделать.

Они тихо ворчали в углу, когда пришел Антуан, снял с меня камзол и стянул сапоги. Они все

еще продолжали ворчать, но тут в комнату вошел Жиль. При его появлении они замолкли и оценивающе смерили его взглядом. Жиль был настоящим великаном. Все мужчины обычно провожали его глазами, да и женщины тоже восхищались его великолепной фигурой. Мы поужинали — наш ужин был настолько отвратительным, что я даже не решаюсь описать его, — и после ужина я приказал хозяину проводить меня в комнату. Я решил, что мои люди проведут ночь в общей комнате, где, несмотря на компанию этих двух бандитов, им несомненно будет лучше, чем в любом другом месте в этой убогой гостинице.

Хозяин забрал мой плащ и остальную одежду, чтобы просушить все это на кухне. Он хотел было забрать и мою шпагу, но, рассмеявшись, я не отдал ее ему, заметив, что ее не нужно сушить.

Когда мы поднялись по лестнице, сверху раздался звук, похожий на скрип двери. Хозяин, видимо, тоже его услышал, так как он резко остановился и вопросительно взглянул на меня.

— Что это было? — спросил он.

— Ветер, я думаю, — небрежно ответил я. Казалось, мой ответ успокоил его, потому что он произнес:

— Ах, да, ветер. — И пошел дальше.

Хотя я никогда не был подвержен необоснованным страхам и волнениям, признаюсь честно, гостиница «дель'Этуаль» начинала действовать мне на нервы. Если бы вы меня спросили, я не смог бы вам ответить, почему, когда хозяин ушел, я сел на кровать и задумался. Все эти, казалось бы, мелочи, связанные с моим приездом, начинали приобретать какое-то значение. Сначала хозяин захотел разделить меня с моими людьми, предложив им спать на сеновале. Причем в этом не было никакой необходимости, поскольку он не имел ничего против того, чтобы превратить общую комнату в спальню. Затем он явно обрадовался, когда я согласился, чтобы они провели ночь внизу. Потом он попытался унести мою шпагу. А эти отвратительные головорезы? И наконец, этот скрип двери и тревога на лице хозяина.

Что это было?

Я резко встал. Неужели в тот момент, когда я размышлял обо всем этом, мое воображение сыграло со мной злую шутку и мне вновь послышался скрип двери? Я прислушался, но кругом стояла тишина, которую нарушал только гул голосов, доносившихся из общей комнаты. Так же, как и хозяин на лестнице, я успокаивал себя, что это был всего лишь ветер, скорее всего, вывеска качалась от ветра.

И тут, когда мои сомнения почти полностью рассеялись и я уже собирался снять с себя оставшуюся одежду, я увидел нечто очень странное. Я поблагодарил Бога за то, что не позволил хозяину забрать мою шпагу. Я смотрел на дверь и видел, как задвижка медленно поднимается. Мне не мерещилось: я обладал здравым умом и острым зрением. Я тихо шагнул к кровати, на спинке которой за перевязь была подвешена моя шпага, и так же тихо вынул ее из ножен. Дверь открылась, и я услышал крадущиеся шаги. На пороге появилась голая ступня, и у меня возникла мысль пригвоздить ее шпагой к полу; затем появилась нога, затем полуголая фигура с лицом... с лицом Роденара!

При виде этого лица я замер от изумления, и в моей голове пронеслись тысячи подозрений. Как он оказался здесь, черт побери, и с какой целью он крадетсЯ в мою комнату?

Но мои подозрения улетучились, не успев зародиться. Его лицо выражало такую тревогу, такую настороженность. Он прошептал всего одно лишь слово «Монсеньер!», и мне стало совершенно ясно: если меня и ожидает опасность, то только не от него.

— Какого черта... — начал я. Но услышав мой голос, он еще больше встревожился.

— Тсс! — прошептал он, приложив палец к губам. — Тише, монсеньер, ради всего святого!

Он тихо закрыл дверь; также тихо, но с большим трудом, хромая, подошел ко мне.

— Вас хотят убить, монсеньер, — прошептал он.

— Что? Здесь, в Бланьяке?

Он испуганно кивнул.

— Чушь! — рассмеялся я. — Ты бредишь, друг мой. Кто мог знать, что я поеду этой дорогой? И кто мог замышлять мое убийство?

— Господин де Сент-Эсташ, — ответил он. — Они не были уверены, что вы появитесь здесь, но тем не менее вас ожидали. Насколько я понял, по дороге из Лаведана нет ни одной гостиницы, где бы шевалье не расставил своих головорезов, пообещав огромное вознаграждение тому, кто убьет вас.

Я затаил дыхание. Мои сомнения рассеялись.

— Расскажи мне все, что ты знаешь, — сказал я. — И покороче.

И тогда этот преданный пес, которого я так жестоко избил всего четыре дня назад, рассказал мне, что, когда он вновь смог двигаться, то отправился искать меня, чтобы умолять простить его и не выгонять навсегда, ведь он всю жизнь служил моему отцу и мне.

От господина де Кастельру он узнал, что я уехал в Лаведан, и решил следовать за мной. У него не было лошади, а денег было очень мало, и поэтому он отправился за мной пешком в тот же день. Он доплелся до Бланьяка, где силы оставили его, и он был вынужден остановиться. Похоже, это случилось по воле провидения. Потому что здесь, в «дель'Этуаль», он подслушал разговор Сент-Эсташа с этими двумя bravi, которых я видел внизу. Из его слов он понял, что во всех гостиницах от Гренада до Тулузы, в которых я мог остановиться на ночлег, шевалье принял такие же меры.

В Бланьяк, если бы я ехал без остановок, я должен был добраться поздно ночью, и шевалье приказал своим людям ждать меня до утра. Он не думал, что я смогу забраться так далеко, поскольку он позаботился, чтобы на почтовых станциях я не нашел лошадей. Но Сент-Эсташ не упускал из виду, что я, несмотря ни на что, все-таки смогу добраться сюда. Хозяин в Бланьяке, сообщил мне Роденар, тоже был нанят Сент-Эсташем. Они собирались зарезать меня во сне.

— Монсеньер, — закончил он свой рассказ, — узнав, какая опасность угрожает вам, я просидел всю ночь, моля Бога и всех святых, чтобы вы доехали сюда и я смог предупредить вас. Если бы я чувствовал себя лучше, я бы добыл себе лошадь и поехал навстречу вам, но я мог только надеяться и молиться, чтобы вы добрались до Бланьяка и...

Я схватил его в свои объятия, но он застонал от моего прикосновения, потому что на моем преданном слуге не было ни одного живого места.

— Мой бедный Ганимед! — пробормотал я и почувствовал такую жалость, какую я еще никогда не испытывал за всю свою жизнь. При звуке этого шутивного прозвища в его глазах блеснула надежда.

— Вы возьмете меня обратно, монсеньер? — умоляюще спросил он. — Вы возьмете меня обратно, ведь правда? Я клянусь, что мой язык никогда

больше...

— Тише, мой милый Ганимед. Я не только возьму тебя обратно, но также попытаюсь загладить свою вину и компенсировать мою жестокость. Ты получишь двадцать луидоров, мой друг, купишь мази для своих несчастных плеч.

— Монсеньер очень добр, — пробормотал он. Я вновь направился к нему с объятиями, но он вздрогнул и отшатнулся.

— Нет, нет, монсеньер, — испуганно прошептал он. — Это большая честь, но мне... мне так больно, когда до меня дотрагиваются.

— Ну, тогда считай, что я тебя обнял. А теперь насчет этих господ внизу. — Я встал и подошел к двери.

— Прикажете Жилю вышибить им мозги, — предложил великодушный Ганимед.

Я покачал головой.

— Нас могут задержать по обвинению в убийстве. У нас пока нет никаких доказательств относительно их намерений. Я думаю... — Мне в голову пришла внезапная идея. — Иди в свою комнату, Ганимед, — приказал я ему. — Запри дверь и не шевелись, пока я не позову тебя. Я не хочу возбуждать у них подозрения.

Я открыл дверь и, когда Ганимед послушно проскользнул мимо меня и удалился по коридору, крикнул:

— Господин хозяин! Эй, там, Жиль!

— Сударь, — отозвался хозяин.

— Монсеньер, — ответил Жиль; внизу все зашевелились.

— Что-нибудь случилось? — спросил хозяин с тревогой в голосе.

— Случилось? — раздраженно повторил я тоном сварливого, привередливого хозяина. — Pardieu! Неужели я должен раздеваться сам, пока эти два ленивых пса будут мирно храпеть внизу? Жиль, немедленно поднимись сюда. И, — добавил я, словно только что подумал об этом, — тебе лучше спать в моей комнате.

— Иду, монсеньер, — ответил он, но я уловил нотку удивления в его голосе, поскольку здоровому, неуклюжему Жилю никогда еще не приходилось помогать мне с моим туалетом.

Хозяин что-то пробормотал, и я услышал тихий ответ Жилия. Затем лестница заскрипела под его тяжелыми шагами.

В комнате я в нескольких словах рассказал ему о замыслах шевалье. Вместо ответа он страшно выругался и сказал, что хозяин подогрел для него бокал вина, и теперь он не сомневается, что туда подмешали снотворное. Я приказал ему спуститься вниз и принести мне вино, сказав хозяину, что мне тоже захотелось выпить.

— А как быть с Антуаном? — спросил он. — Они тоже подмешают ему снотворное.

— Пусть. Мы сами справимся с этим делом без его помощи. Если они не подмешают ему снотворное, они скорее всего зарежут его. Так что его безопасность зависит от снотворного.

Он сделал так, как я сказал, и вскоре вернулся с огромным бокалом горячего вина. Я вылил его в кувшин для умывания и приказал Жилю, отнести бокал обратно хозяину и передать ему

мою благодарность. Теперь они были уверены, что путь свободен.

Затем произошло именно то, чего мы и ожидали. Примерно через час пришел один из них. Мы не стали закрывать дверь, с тем чтобы он мог беспрепятственно войти. Но не успел он войти, как с двух сторон из темноты выросли Жиль и я. Прежде чем он понял, что произошло, мы подняли его и бесшумно положили на кровать; единственным звуком был звон ножа, который выпал из его внезапно ослабевшей руки.

На кровати Жиль уперся своим могучим коленом ему в живот, а руками схватил за горло. Оказавшись в таком недвусмысленном положении, бедняга был уверен, что стоит ему только пикнуть, как мы прикончим его. Я зажег свет. Мы связали ему руки и ноги простыней, и, пока он тихо и беспомощно лежал, с ужасом глядя на нас, я обсудил с ним ситуацию.

Я сказал ему, что нам известно, что он совершил этот поступок по наущению Сент-Эсташа, следовательно, вся вина падала на шевалье, и наказать нужно только его. Но прежде он должен подтвердить наши показания — мои и Роденара. Если он поедет в Тулузу и сделает это — честно расскажет, как ему приказали совершить это убийство, — Сент-Эсташ, который был настоящим преступником, один понесет наказание. Если он не сделает этого, что ж, он сам знает, какие его ждут последствия — виселица. Но в любом случае он утром едет в Тулузу.

Само собой разумеется, он был благоразумен. Я не сомневался в его решении; закон не давал никаких поблажек наемным убийцам, а люди его профессии никогда не рискуют напрасно.

Только мы решили этот вопрос с выгодой для обеих сторон, как дверь распахнулась вновь, и его сообщник, очевидно обеспокоенный его долгим отсутствием, пришел посмотреть, что случилось, почему ему понадобилось так много времени для того, чтобы перерезать горло двум спящим мужчинам.

Увидев нашу милую беседу и, очевидно, решив, что в данных обстоятельствах его вторжение выглядит как-то неуместно, этот воспитанный господин вскрикнул — мне хочется думать, он таким образом извинился за то, что помешал нам, — и шагнул назад с неприличной поспешностью.

Но Жиль схватил его за загривок и втащил в комнату. Быстрее, чем я рассказываю об этом, он очутился рядом со своим коллегой. Мы спросили его, не желает ли он поступить так же, как и его товарищ. Довольный тем, что мы не собираемся причинить ему зла, он поклялся всеми святыми, которые только есть на свете, что выполнит нашу волю, что он неохотно принял предложение шевалье, что никакой он не убийца, а бедный человек, которому нужно содержать жену и детей.

Вот так шевалье де Сент-Эсташ затеял убить меня и сам угодил в свою же ловушку. Теперь, когда у меня были два свидетеля и Роденар, который под присягой расскажет, как Сент-Эсташ подкупил их для того, чтобы они перерезали мне горло, я мог смело отправляться к его величеству. Теперь я был полностью уверен, что обвинениям шевалье, против кого бы то ни было, никто не поверит, а сам он отправится на плаху, ведь он этого так заслуживает.

Глава XXI ЛЮДОВИК СПРАВЕДЛИВЫЙ

— Мне, — сказал король, — эти доказательства не нужны. Достаточно вашего слова, мой

дорогой Марсель. Однако суду они, возможно, пригодятся; более того, они являются подтверждением измены, в которой вы обвиняете господина де Сент-Эсташа.

Мы стояли — по крайней мере, стояли мы с Лафосом, а Людовик XIII сидел — в комнате во дворце в Тулузе, где мне была оказана честь предстать перед его величеством. Лафос тоже находился там, потому что, похоже, король неожиданно полюбил его и не мог без него обходиться с тех пор, как приехал в Тулузу.

Его величество был, как обычно, вял и скучен. Его не волновал даже предстоящий процесс над Монморанси, хотя именно ради этого он приехал на юг. И даже общество этого пошлого, безмозглого, но неизменно веселого Лафоса с его бесконечной мифологией не могло развеселить его.

— Я прослежу, — сказал Людовик, — чтобы ваш друг шевалье был немедленно арестован. За попытку убить вас, а также за непостоянство его политических убеждений закон сурово накажет его. — Он вздохнул. — Мне всегда тяжело применять крайние меры к людям его сорта. Лишить дурака головы мне кажется слишком добрым делом.

Я склонил голову и улыбнулся его шутке. Людовик Справедливый редко позволял себе шутить, но, если он делал это, его юмор был так же похож на юмор, как вода похожа на вино. Однако, когда монарх шутит, если у вас достаточно ума, если вы пришли с просьбой или хотите получить должность при дворе, вы улыбнетесь, даже если от его неуместной шутки хочется плакать, а не смеяться.

— Иногда необходимо вмешиваться в дела природы, — осмелился заметить Лафос, выглядывая из-за спинки стула, на котором сидел его величество. — Этот Сент-Эсташ что-то вроде ящика Пандоры, который лучше закрыть, пока...

— Иди к черту, — коротко сказал король. — Мы шутим. Мы вершим правосудие.

— Ах, правосудие, — пробормотал Лафос. — Я видел изображение этой дамы. Она завязывает себе глаза, но она не столь стыдлива, когда дело касается других прелестей ее тела.

Его величество покраснел. Он был очень скромным человеком и стыдливым, как монахиня. Он обычно закрывал глаза и уши на бесстыдство, которое царило вокруг него, пока оно не достигало таких размеров, что он не мог оставаться ни слепым, ни глухим.

— Господин де Лафос, — сказал он строгим голосом, — вы утомляете меня, а когда люди утомляют меня, я их прогоняю — это одна из причин моего одиночества. Я прошу вас просмотреть эту книгу по охоте, и после того, как мы разберемся с господином де Барделисом, вы расскажете мне свои впечатления о ней.

Лафос послушно, но без тени смущения отошел к столу и открыл книгу, на которую указал Людовик.

— А теперь, Марсель, пока этот шут готовится сообщить мне, что создателей этой книги вдохновила сама Диана, расскажите, что еще вы хотели мне сказать.

— Больше ничего, сир.

— Как ничего? А этот виконт де Лаведан?

— Я был уверен, что вашему величеству будет достаточно того, что против него нет никаких обвинений — обвинений, к которым стоит прислушаться?

— Да, но обвинение есть — и очень серьезное. А вы пока не предоставили мне никаких

доказательств его невиновности для того, чтобы я мог санкционировать его освобождение из тюрьмы.

— Я думал, сир, что нет необходимости предоставлять доказательства его невиновности, пока нет доказательств его вины, которые ему можно предъявить.

Людовик задумчиво почесал бороду, и его печальные глаза внимательно посмотрели на меня.

— Интересная мысль, Марсель, — сказал он и зевнул. — Вам следовало бы стать юристом. — Затем, внезапно сменив тон, он резко спросил: — Вы дадите мне свое честное слово, что он невиновен?

— Если судьи вашего величества предъявят доказательства его вины, даю вам слово, я разорву эти доказательства на мелкие кусочки.

— Это не ответ. Вы клянетесь, что он невиновен?

— Разве я могу знать, что происходит в его душе? — ответил я, уклоняясь от ответа. — Как я могу давать слово в таком вопросе? Ах! Сир, вас не напрасно называют Людовиком Справедливым, — продолжал я, взяв на вооружение лесть и его любимую фразу. — Вы никогда не позволите, чтобы человека, против которого нет ни капли доказательств, заключили в тюрьму.

— Разве нет доказательств? — спросил он. Однако его голос стал мягче. Он пообещал себе, что войдет в историю как Людовик Справедливый, и поэтому старался не делать ничего такого, что могло бы бросить тень на это гордое звание. — Есть показания этого Сент-Эсташа!

— По-моему, ваше величество и собаку не повесит на основании слов этого двойного предателя.

— Хм! Вы отличный адвокат, Марсель. Вы уклоняетесь от ответов; вы выворачиваете вопросы наизнанку и отвечаете вопросом на вопрос. — Мне казалось, он говорил сам с собой. — Вы гораздо лучший адвокат, чем жена виконта, например. Она отвечает на вопросы, у нее есть характер — Ciel!note 79 Какой характер!

— Вы видели виконтессу? — воскликнул я и похолодел от ужаса.

— Видел ее? — повторил он с какой-то странной интонацией в голосе. — Я видел ее, слышал ее, почти ощущал ее. Воздух этой комнаты до сих пор дрожит от ее присутствия. Она была здесь час назад.

— И казалось, — проговорил Лафос, — будто три дочери Ахеронта^{note 80} покинули владения Плутона^{note 81} и воплотились в одной женщине.

— Я бы не принял ее, — продолжал король, как будто не слышал Лафос, — но ее невозможно было не впустить. Я слышал, как она ругалась в холле, когда я отказался принять ее. Около моей двери возникла какая-то возня, дверь распахнулась, и швейцарец, который держал ее, влетел в комнату, как манекен, Dieu! За все время моего правления во Франции я никогда не был свидетелем такого переполоха. Она очень сильная женщина, Марсель, — да защитят вас святые, когда она станет вашей тещей. Клянусь, во всей Франции найдется только одна вещь, которая может быть страшнее ее рук — это ее язык. Но она — глупа.

— Что она сказала, сир? — с тревогой спросил я.

— Сказала? Она ругалась — Ciel! Как она ругалась! Она не забыла ни одного святого; она перебрала их всех по очереди, призывая в свидетели, что она говорит правду.

— И она сказала...

— Что ее муж самый подлый изменник. Но он — безмозглый дурак, который не может отвечать за свои поступки. На этом основании она просила простить его. А когда я сказал ей, что он должен предстать перед судом и надежд на его оправдание очень мало, она наговорила мне такого, чего я никогда в себе не подозревал, благодаря вам — льстецам, окружающим меня.

Она сказала мне, что я уродливый и противный; с лицом, как моченое яблоко; что я поп и дурак, не то, что мой брат, который, по ее мнению, является образцом благородства и мужских достоинств. Она обещала мне, что небо никогда не примет мою душу, даже если я буду молиться с сегодняшнего дня до страшного суда, и она предсказала, что, когда придет мое время, ад примет меня с распростертыми объятиями. Я не знаю, что еще она могла мне напороочить. В конце концов она утомила меня, несмотря на свою необычность, и я выпроводил ее, если можно так сказать, — добавил он. — Я приказал четырем мушкетерам вывести ее отсюда. Помоги тебе Бог, Марсель, когда ты станешь мужем ее дочери!

Но я не мог разделить его веселье. Эта женщина со своим неукротимым нравом и ядовитым языком все испортила.

— Я вряд ли стану мужем ее дочери, — мрачно заметил я.

Король посмотрел на меня и рассмеялся.

— На колени тогда, — сказал он, — и благодарите небо.

Но я сдержанно покачал головой.

— Для вашего величества это просто смешная комедия, — ответил я, — но для меня, *helas!* Это страшная трагедия.

— Перестаньте, Марсель, — сказал он. — Разве я не могу немного посмеяться? Быть королем Франции так грустно! Расскажите мне, что вас беспокоит.

— Мадемуазель де Лаведан обещала, что выйдет за меня замуж только в том случае, если я спасу ее отца от плахи. Я пришел сделать это, полный надежд, сир. Но его жена опередила меня и теперь уж точно обрекла его на смерть.

Он опустил глаза, его лицо приняло свое обычное мрачное выражение. Потом он снова посмотрел на меня, и в глубине его печальных глаз я увидел что-то очень похожее на любовь.

— Вы знаете, что я люблю вас, Марсель, — ласково сказал он. — Если бы вы были моим единственным сыном, я не мог бы любить вас сильнее. Вы распушенный и развратный, и я не раз слышал о ваших скандалах, однако вы не такой, как все эти глупцы, и, по крайней мере, вы никогда не утомляли меня. А это уже что-то. Я не хочу терять вас, Марсель, а если вы женитесь на этой розе из Лангедока, я потеряю вас — насколько я понимаю, она настолько нежный цветок, что может зачахнуть в затхлой атмосфере двора. Этот человек, виконт де Лаведан, заслужил свою смерть. Почему бы мне не позволить ему умереть, ведь если он умрет, вы не женитесь?

— Вы спрашиваете меня, почему, сир? — воскликнул я. — Потому, что вас называют Людовиком Справедливым, и потому, что ни один король на свете так не заслуживал этого звания.

Он поморщился, сжал губы и бросил взгляд на Лафоса, который углубился в тайны своей книги. Затем он пододвинул к себе лист бумаги и взял перо в руки. Он сидел и вертел его в руках.

— Потому что меня называют Справедливым, я должен направить правосудие по естественному ходу, — наконец ответил он.

— Но, — возразил я с внезапной надеждой, — но естественный ход правосудия не может привести к палачу виконта де Лаведана.

— Почему нет? — и он серьезно посмотрел мне в глаза.

— Потому что он не принимал активного участия в восстании. Если он и был изменником, то изменял в душе, а пока человек не совершит реальное преступление, он не может быть наказан по всей строгости закона. Его жена не оставила и тени сомнений насчет его измены; но было бы несправедливо наказать его в той же степени, как вы наказываете тех, кто поднял против вас оружие, сир.

— Ах! — задумчиво сказал он. — Ну? Что еще?

— Разве этого не достаточно, сир? — воскликнул я. Мое сердце бешено колотилось, в голове стучало от важности этого момента.

Он наклонил голову, обмакнул перо и начал писать.

— Какое наказание вы бы определили ему? — спросил он, продолжая писать. — Давайте, Марсель, будьте справедливы ко мне и будьте справедливы к нему — потому что в зависимости от того, как вы отнесетесь к нему, так же и я отнесусь к вам.

Я почувствовал, что бледнею от волнения.

— Может быть, ссылка, сир, — так обычно поступают в случаях, если измена не столь ужасна, чтобы наказывать за нее смертной казнью.

— Да! — он сосредоточенно писал. — Ссылка на какой срок, Марсель? На всю его жизнь?

— Нет, сир. Это слишком долго.

— Тогда на всю мою жизнь?

— Это тоже слишком долго.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— А! Вы становитесь пророком? Хорошо, на какой срок тогда? Ну же, говорите.

— Я думаю, на пять лет...

— Пусть будет пять лет. Не говорите больше ничего.

Он еще какое-то время писал; потом взял песочницу и посыпал документ.

— Tiens!note 82 — воскликнул он и протянул мне его. — Это мой приказ об освобождении господина виконта Леона де Лаведана. Он должен отправиться в ссылку сроком на пять лет, но его имения не будут конфискованы, и, когда он вернется после истечения срока его ссылки, он может пользоваться ими — мы надеемся, с большей преданностью, чем раньше. Пусть они немедленно выполнят мой приказ, и проследите, чтобы виконт сегодня же под конвоем отправился в Испанию. Это будет также вашей гарантией для мадемуазель де

Лаведан и доказательством того, что вы успешно выполнили свою миссию.

— Сир! — вскричал я. От благодарности я не мог вымолвить ни слова. Я опустился перед ним на колени и поднес его руку к своим губам.

— Ну, ну, — сказал он отеческим тоном. — Идите и будьте счастливы.

Когда я встал, он вдруг поднял руку.

— Ma foi. Мы были так поглощены судьбой господина де Лаведана, что я совсем забыл. — Он взял еще одну бумагу со своего стола и бросил ее мне. Это была моя долговая расписка о передаче моих земель в Пикардии Шательро.

— Шательро умер сегодня утром, — продолжал король. — Он просил, чтобы вы пришли, но, когда ему сказали, что вы уехали из Тулузы, он продиктовал письмо, в котором признался во всех своих деяниях. Я получил его вместе с вашей распиской. Шательро пишет, что не может позволить своим наследникам пользоваться вашим имением, так как он не выиграл его. Он проиграл свою ставку, поскольку нарушил правила игры. Он предоставил мне решать вопрос о передаче его земель в вашу собственность. Что вы на это скажете, Марсель?

Я с большой неохотой взял этот клочок бумаги. Я совершил такой изящный и героический поступок, отказавшись от своего богатства во имя любви, что теперь, клянусь честью, мне совершенно не хотелось быть хозяином чего-либо, кроме Божанси. И мне в голову пришел удачный компромисс.

— Мне стыдно, сир, — сказал я, — что я заключил такое пари; этот стыд заставил меня отдать свою ставку, хотя я точно знал, что не проиграл. Но даже сейчас я ни в коем случае не могу принять проигрыш Шательро. Может быть... может быть, мы навсегда забудем об этом пари?

— Это решение делает вам честь. Другого я и не ожидал от вас. Идите теперь, Марсель. Не сомневаюсь, что вам не терпится сделать это. Когда ваша любовь немного поутихнет, мы надеемся вновь видеть вас при дворе.

Я вздохнул.

— Helas, сир, этого никогда не произойдет.

— Вы уже однажды говорили это, сударь. Довольно глупое настроение для вступления в брак, однако — как большинство глупостей — очень милое. Прощайте, Марсель!

— Прощайте, сир!

Я поцеловал его руки; я высказал ему свою благодарность; я уже был около дверей, а он уже поворачивался к Лафосу, когда мне в голову пришло взглянуть на его приказ. Он заметил это.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Вы... вы кое-что пропустили, сир, — осмелился сказать я и вернулся к столу. — Вы уже столько для меня сделали, что я даже не смею попросить еще об одной милости. Однако это всего лишь несколько росчерков пера, и это не изменит приговор существенно.

Он взглянул на меня, его брови нахмурились, он пытался понять, что я имею в виду.

— Ну, что такое? — нетерпеливо спросил он.

— Мне пришло в голову, что бедному виконту будет страшно одиноко в чужой стране, одному среди чужих, без дорогих ему людей, которые в течение стольких лет всегда были рядом.

Король резко посмотрел мне в лицо.

— Я должен выслать и его семью тоже?

— Всю семью не обязательно, ваше величество.

На секунду печаль покинула его глаза, и он так весело расхохотался. Я никогда прежде не слышал, чтобы этот несчастный, усталый человек так веселился.

— Ciel! Ну и шутник же вы! Ах, мне будет не хватать вас! — воскликнул он и, схватив перо, дописал то, о чем я просил его.

— Ну теперь вы довольны? — спросил он, возвращая мне бумагу.

Я взглянул на нее. В приказе теперь было сказано, что мадам виконтесса де Лаведан должна сопровождать своего мужа в изгнании.

— Вы так добры, сир! — пробормотал я.

— Скажите офицеру, которому вы поручите выполнение этого приказа, что он найдет ее в караульном помещении, где она содержится под стражей в ожидании моей милости. Если она узнает, что это вашей милости она ожидает, мне страшно подумать, что с вами будет, когда пройдет пять лет.

Глава XXII. МЫ ОСТАЕМСЯ

Мадемуазель держала в руке королевский приказ об изгнании ее отца. Она была бледна. Она поздоровалась со мной очень нерешительно. Я подошел к ней. Роденар, которого я попросил подняться со мной, остался стоять у дверей.

Когда я приближался к Лаведану в этот день, меня мучил страшный стыд за сделку, которую я с ней заключил. Я много думал и понял, что она была права, сказав, что, если в любви что-то дают под принуждением, этого не стоит брать. И мой стыд и этот вывод привели меня к новому решению. Для того чтобы ничто не смогло ослабить моего решения и чтобы при виде Роксаланы у меня не возникло желаний отказаться от своих намерений, я решил, что лучше провести нашу последнюю встречу при свидетелях. Для этого я и приказал Ганимеду следовать за мной в эту гостиную.

Она прочитала документ до самого конца, затем робко посмотрела на меня и перевела взгляд на Ганимеда, застывшего на своем посту у дверей.

— Это все, что вы смогли сделать, сударь? — наконец спросила она.

— Это самое лучшее, что я смог сделать, мадемуазель, — спокойно ответил я, — не хочу преувеличивать, но вопрос стоял ребром — либо это, либо эшафот. Мадам, ваша мать, к сожалению, побывала у короля раньше меня и все испортила, признав, что ваш отец — изменник. Был момент, когда я был доведен до отчаяния. Я счастлив тем не менее, что мне удалось уговорить короля проявить милосердие.

— И я не увижу своих родителей целых пять лет. — Она вздохнула, и ее печаль была очень

трогательна.

— Совсем необязательно. Хотя они не могут приехать во Францию, вы всегда можете поехать и навестить их в Испании.

— Правда, — задумчиво произнесла она, — это будет здорово, да?

— Очень здорово, особенно при таких обстоятельствах.

Она снова вздохнула, и на какое-то время наступило молчание.

— Может быть, вы присядете, сударь? — сказала она наконец. Она была очень сдержанна сегодня, очень сдержанна и странно подавлена.

— Вряд ли в этом есть необходимость, — тихо ответил я. Она посмотрела на меня, и в ее глазах содержалась сотня вопросов. — Вы удовлетворены моими действиями, мадемуазель? — спросил я.

— Да, я удовлетворена, сударь.

«Это конец», — сказал я себе и невольно тоже вздохнул. Но продолжал стоять.

— Вы удовлетворены, что я... что я выполнил свое обещание?

Она снова опустила глаза и сделала шаг по направлению к окну.

— Да, конечно. Вы обещали спасти моего отца от плахи. Вы сделали это, и я не сомневаюсь, что вы сделали все возможное, чтобы сократить срок его ссылки. Да, сударь, вы выполнили свое обещание.

О-хо-хо! Решение, которое я принял, шептало мне на ухо, что все уже сказано, и мне осталось только удалиться. Но я мог бы принять сотни таких решений, и все равно не мог уйти просто так. По крайней мере, одно доброе слово, один теплый взгляд могли бы утешить меня. Я коротко расскажу ей о своем решении, и она увидит, что во мне осталось еще что-то хорошее, какое-то благородство, и, когда я уйду, она не будет плохо думать обо мне.

— Ганимед, — сказал я.

— Монсеньор?

— Прикажи седлать лошадей.

Услышав эти слова, она повернулась, ее глаза были широко раскрыты от удивления, и она смотрела то на меня, то на Роденара с неммым вопросом в глазах. Но он поклонился и ушел выполнять мое приказание. Мы слышали, как он прошел через зал, звеня шпорами, и вышел во двор. Мы услышали его хриплый голос, отдающий команду, звяканье сбруи, раздался топот копыт, то есть началась обычная суматоха, сопровождающая приготовления в дорогу.

— Почему вы приказали седлать лошадей? — спросила она наконец.

— Потому что все мои дела здесь закончены, и мы уезжаем.

— Уезжаете? — сказала она. Ее глаза были опущены, но я мог догадаться, что они выражали, по складке между ее бровей. — Уезжаете, куда?

— Отсюда, — ответил я. — В данный момент это самое главное. — Я замолчал, комок в горле мешал мне говорить. — Прощайте! — произнес я наконец и резко протянул ей руку.

Она бесстрашно, но озадаченно посмотрела мне прямо в глаза.

— Вы хотите сказать, что покидаете Лаведан... таким образом?

— Если я уезжаю, какое значение имеет то, как я делаю это?

— Но... — в ее глазах была тревога, ее щеки побледнели еще больше, — но я думала, что... что мы заключили сделку.

— Не надо, мадемуазель, умоляю вас, — воскликнул я. — Мне стыдно вспоминать об этом. Я испытываю почти такой же стыд, что и при воспоминании о той, другой сделке, которая привела меня в Лаведан. Я смыл позор первой сделки — хотя вы, вероятно, так не думаете. Сейчас я пытаюсь смыть с себя позор этой второй сделки. Я поступил недостойно, мадемуазель, но я так горячо любил вас, что мне казалось, каким бы способом я ни завоевал вас, я все равно был бы счастлив. Теперь я понял свою ошибку. Я не возьму то, что дается под принуждением. Поэтому прощайте.

— Я понимаю, понимаю, — пробормотала она, не замечая моей протянутой руки. — Я очень рада, сударь.

Я резко убрал руку. Я взял свою шляпу со стула, на который ее бросил. Она могла бы избавить меня от этого, подумал я. Не обязательно было так открыто радоваться. Она могла, по крайней мере, пожать мне руку и расстаться со мной по-доброму.

— Прощайте, мадемуазель! — повторил я как можно более сдержанно и повернулся к двери.

— Сударь! — окликнула она. Я остановился.

— Мадемуазель?

Она скромно стояла, опустив глаза и сложив руки.

— Мне будет так одиноко здесь.

Я не шевелился. Казалось, я прирос к месту. Мое сердце подпрыгнуло от надежды, потом, казалось, совсем перестало биться. Что она имеет в виду? Я опять повернулся к ней и, не сомневаюсь, был страшно бледен. Однако я боялся, как бы моя самоуверенность не одурачила меня, и не рискнул действовать на основании предположений.

— Да, мадемуазель, — сказал я. — Вам будет очень одиноко. Мне очень жаль.

Она ничего не ответила, и я снова повернулся к двери. Мои надежды рушились с каждым моим шагом.

— Сударь!

Ее голос остановил меня на самом пороге.

— Что может делать несчастная девушка с таким огромным имением? Оно придет в упадок без мужской руки.

— Вы не должны сами заниматься этим. Вам нужно нанять управляющего.

Мне послышалось что-то, странно напоминающее всхлипывание. Может ли это быть? Dieu! Может ли это быть, несмотря ни на что? Однако я не стал строить догадки. Я вновь повернулся, но ее голос опять остановил меня. Теперь он звучал дерзко.

— Господин де Барделис, вы честно выполнили свое обещание. Вы не просите никакой

платы?

— Нет, мадемуазель, — очень тихо ответил я, — я не приму от вас плату.

На секунду она подняла глаза. Их глубокая голубизна была подернута дымкой. Затем она снова опустила их.

— О, почему вы не поможете мне? — крикнула она и добавила тихо: Я никогда не буду счастлива без вас!

— Вы хотите сказать? — задохнулся я и направился к ней, бросив свою шляпу в угол.

— Что я люблю вас, Марсель... что я желаю вас!

— И вы можете простить... вы можете простить? — воскликнул схватил ее в свои объятия.

Ее ответом был смех, который свидетельствовал о ее пренебрежении всем— всем, кроме нас двоих, кроме вашей любви. Этот смех и бутон красных губ были ее ответом. И если соблазн этих губ... Но все! Я становлюсь нескромным.

Продолжая обнимать ее, я крикнул:

— Ганимед!

— Монсеньор? — откликнулся он через открытое окно.

— Прикажи расседлать лошадей.

Note1

Моим родителям (итал.).

Note2

Люцифер — одно из названий дьявола у христиан.

Note3

В кастрюле (фр.).

Note4

По-английски (фр.).

Note5

С маслинами (фр.).

Note6

Слоеный пирог (фр.).

Note7

Устарелое ругательство, искажающее имя Христа (фр.).

Note8

Любовный роман (фр.).

Note9

Ну что вы (фр.).

Note10

Здесь и далее автор приводит устаревшие французские ругательства («Po'Cap de Diou», «Mordemoniou», «Mordioux», «Pardieu», «Mordieu», «Par la mort Dieu», «Sangdieu», «Peste»), не имеющие точного эквивалента в русском языке. В дальнейшем они даются без перевода.

Note11

Да здравствует (фр.).

Note12

Ландскнехт — карточная игра (прим. пер.)

Note13

Прием в королевских покоях в то время, когда государь встает с постели (фр.).

Note14

Хозяйка (фр.).

Note15

Тупик (фр.).

Note16

Спасибо (фр.).

Note17

Я умираю, сударь (фр.).

Note18

Возлюбленная (фр.).

Note19

Данте Алигьери (1265-1321) — великий итальянский поэт; в юности был влюблен в Беатриче, которую воспевал в своих ранних стихах.

Note20

Барышня (фр.).

Note21

Дворянство, знать (фр.).

Note22

Прощайте! (фр.).

Note23

Луидор (фр.) — французская золотая монета, чеканка которой началась в 1640 г. при Людовике XIII и продолжалась до 1795 г.

Note24

Здесь — «Вот это да!» (фр.).

Note25

Боже мой! (фр.).

Note26

Анна Австрийская (1601-1666) — дочь Филиппа III Испанского и Маргариты Австрийской, с

1615 г. жена Людовика XIII и королева Франции, в 1643-1661 гг. — регентша.

Note27

Высший свет (фр.).

Note28

Событие (фр.).

Note29

Что ты (фр.).

Note30

Суэта сует (лат.).

Note31

Наконец-то (фр.).

Note32

Хвастун (фр.).

Note33

Мой кузен (фр.).

Note34

Любовь (фр.).

Note35

Еще бы! (фр.).

Note36

Увы! (фр.).

Note37

Посмотрим (фр.).

Note38

Провинция есть провинция (фр.).

Note39

Боже! (фр.).

Note40

Несчастный (фр.).

Note41

Домашнее платье (фр.).

Note42

Несчастный (фр.).

Note43

Дура, идиотка! (фр.).

Note44

Дьявол! (фр.).

Note45

Что за работа! Боже мой, что за работа! (фр.).

Note46

Ворота (фр.).

Note47

Господин изменник (фр.).

Note48

Шомберг, Анри (1575-1632) — генерал немецких наемников во Франции, с 1625 г. — маршал Франции; Ла Форс, Жак де Комон, герцог де (1558-1652) — один из лучших офицеров Генриха IV, с 1622 г. — маршал Франции, с 1630 г. — командующий Пьемонтской армией.

Note49

Вот (фр.).

Note50

Я так скучаю (фр.).

Note51

Арбитр изящества (лат.).

Note52

Негодяй! (фр.).

Note53

Тесей — герой древнегреческой мифологии, создатель Афинского государства. Одним из его подвигов стало убийство дикого быка, сеявшего страх на Марафонской дороге близ Афин.

Note54

Уходим (фр.).

Note55

Ладно (фр.).

Note56

Мирмиллоны (фр.). Мирмиллон — гладиатор в галльском вооружении с изображением рыбки на шлеме.

Note57

Дуэлянт (фр.).

Note58

Местное наречие, говор (фр.).

Note59

До победного конца, до смерти одного из противников (фр.).

Note60

Намек на Иуду Искариота, ученика Иисуса Христа, предавшего своего учителя.

Note61

Рассказчик (фр.).

Note62

Пощадите (фр.).

Note63

Романы (фр.).

Note64

Судный день (лат.).

Note65

Театральный эффект (фр.).

Note66

Клянусь честью (фр.).

Note67

Господин шпион (фр.).

Note68

Прощай, дитя мое! (фр.).

Note69

Наконец (фр.).

Note70

Негодяй (фр.).

Note71

Далила — возлюбленная Самсона. По ветхозаветному преданию, Самсон отличался необыкновенной силой, которая заключалась в его волосах. Далила, узнав по наущению филистимлян этот секрет, усыпила Самсона и позвала филистимлян. Те остригли Самсону волосы, и сила оставила его.

Note72

Барышни, девицы (фр.).

Note73

Наемные убийцы (итал.).

Note74

Этуаль (l'Etoile — фр.) — звезда.

Note75

Эй, парень! (фр.).

Note76

Ну как? (фр.).

Note77

Под открытым небом (фр.).

Note78

О, Боже! (фр.).

Note79

Дочери Ахеронта — в греческой мифологии дочери царя Ахеронта отличались вздорным и сварливым характером.

Note80

Плутон — в римской мифологии бог подземного царства мертвых.

Note81

Ну вот! (фр.).

Note82

nothing